

Министерство внутренних дел Российской Федерации

**Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В.Лукьянова»**

А. А. Бондарев, С. В. Клевцов, А. Н. Быков

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Монография

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2013**

УДК 34
ББК 67
Б81

Рецензенты:

С. А. Сахаров,
начальник правового отдела УМВД России по Орловской области

К. Н. Евдокимов,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Бондарев А.А.

Б81 **Роль правосознания и правовой культуры в юридической практике** : монография / А. А. Бондарев, С. В. Клевцов, А. Н. Быков. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В.В.Лукиянова, 2013. – 119 с.
ISBN 978-5-88872-081-3

Монография посвящена исследованию и разработке на концептуальном уровне проблем правосознания и правовой культуры в контексте их функционирования в современной России. Выявляются и анализируются конкретные особенности этих социально-правовых явлений в различных сферах юридической практики. Кроме того, рассматривается специфика правосознания и правовой культуры сотрудников органов внутренних дел, которая определяется их особой компетенцией в рамках правоохранительной деятельности.

Монография предназначена для курсантов, слушателей, работников правоохранительных органов, студентов высших учебных заведений юридического профиля, аспирантов и преподавателей вузов, а также для всех тех, кто интересуется выше обозначенными проблемами теории права и государства.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-88872-081-3

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукиянова, 2013

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Методологические предпосылки функционирования правосознания и правовой культуры	6
§ 1. Сущность и функции правосознания как элемента правовой жизни общества и личности	6
§ 2. Общая характеристика категории «правовая культура»	21
§ 3. Структурно-содержательные аспекты функционирования правосознания в романо-германской правовой семье	26
Глава 2. Правосознание и правовая культура в различных сферах юридической практики	42
§ 1. Правосознание и правовая культура в сфере законотворчества	42
§ 2. Правосознание и правовая культура в сфере правосудия	51
§ 3. Правосознание и правовая культура в сфере гражданско-правовых отношений	64
§ 4. Правосознание и правовая культура в сфере международных правоотношений	72
§ 5. Правосознание и правовая культура в деятельности органов внутренних дел	79
Заключение	102
Список использованных нормативных правовых актов и литературы	106

Введение

Для отечественной теоретико-правовой науки изучение вопросов, связанных с сущностью и содержанием юридической практики, процессами ее воспроизводства и развития, условиями дальнейшего совершенствования, традиционно является актуальным. Интерес к данной проблематике существенно повышается в современных условиях, когда становится ясным, что в связи с чрезвычайным усложнением правовой жизни гармонизация юридической практики, повышение эффективности различных видов юридической деятельности требуют применения качественно новых средств и способов их обеспечения.

То, насколько решение обозначенных задач будет успешным, в значительной мере зависит от глубины осмысления факторов, сообщающих юридической практике характерные для нее сегодня черты, определяющих ее содержание и обуславливающих ее динамику. При этом в условиях отказа от понимания права как лишь выражения политической воли и инструмента государства становится очевидным, что речь следует вести о моментах, составляющих не только материальную, но и идеальную сторону правовой жизни человека и общества – о правовой культуре, правовой идеологии, общезначимых идеалах и ценностях, базовых правовых притязаниях и установках, правовых чувствах и эмоциях, правовой интуиции и т.д.

Наиболее полное и всестороннее представление о характере связи юридической практики с совокупностью оказывающих на нее влияние факторов идеального характера позволяет дать анализ такой практики с точки зрения роли и значения в ней правосознания.

Еще одним обстоятельством, обуславливающим актуальность темы диссертационной работы, является то, что все более остро осознается невозможность построения правового государства исключительно за счет совершенствования действующего законодательства. Поскольку требуется также приведение в состояние, воплощающее в себе высокие правовые идеалы и принципы, существующей юридической практики, постольку появляется потребность в изучении механизмов ее детерминации, факторов, за счет которых ее трансформация может быть осуществлена. Обнаруживается необходимость и в том, чтобы установить, насколько значимым для реализации в повседневной юридической деятельности принципов правового государства является адекватное функционирование в ней правосознания.

Кроме того, необходимость формирования целостного представления о роли правосознания в юридической практике определяется тем, что в условиях, когда признается незыблемость прав и свобод человека, а государство берет на себя обязанности, связанные с их гарантированием, появляется необходимость в оптимизации юридических средств и механизмов обеспечения и защиты прав и законных интересов граждан. При этом явля-

ется очевидным, что характер применяемых для решения обозначенных задач правовых средств, полнота их использования в различных сферах юридической деятельности в значительной степени зависят от особенностей опосредующего такую деятельность правосознания.

Глава 1.

Методологические предпосылки функционирования правосознания и правовой культуры

§ 1. Сущность и функции правосознания как элемента правовой жизни общества и личности

Исследование проблем, связанных с определением роли правосознания в юридической практике, требует, прежде всего, уточнения его методологических предпосылок. При этом первоочередное значение приобретает вопрос о том, в чем существо самой проблемы включенности правосознания в юридическую практику и в контексте какого подхода к пониманию права она может быть не только успешно решена, но и правильно поставлена.

Моментом, определяющим необходимость постановки вопроса о типе правопонимания, позволяющим решить вопрос о роли правосознания в юридической практике, выступает наличие смысловой связи между способом доктринального осмысления права и пониманием правового сознания как формы общественного сознания, специфичной предметом своего отражения. Поскольку таким предметом признается или непосредственно само право, или правовая действительность как его реальное выражение¹, постольку от понимания того, что есть право, зависит и то, что следует понимать под правосознанием. Вопрос о правопонимании – это вопрос об основе развертывания правовых явлений и процессов, и его решение позволяет также выявить факторы, определяющие содержание и специфику функциональных проявлений правосознания в юридической практике.

Выбор и обоснование типа правопонимания относятся к числу наиболее принципиальных для теории права, и традиционно не утрачивают своей дискуссионности. Фактически вся история развития юриспруденции может быть определена как своего рода история противоборства различных подходов к пониманию того, в чем состоит сущность права и какова его природа. В нашей стране особую остроту подобным дискуссиям всегда придавало то обстоятельство, что приверженность определенному типу правопонимания связана не только с традициями теоретико-методологических предпочтений ученых, но зачастую их идеологическими и политическими ориентациями. В России в различные периоды ее истории отличия

¹ См.: Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000; Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11-12; Надыгина Е.В. Теоретико-правовой анализ влияния информационных технологий на правосознание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007; Петров А.В., Полякова Н.А. Правосознание присяжных заседателей как основание вынесения вердикта. М. : Юрлитинформ, 2010 и др.

в правопонимании оказывались, как правило, одним из важных аспектов противоборства различных направлений общественно-политической мысли, разных мировоззрений.

Для юридического правопонимания типичным является рассмотрение права в качестве «приказа верховной политической власти государства с целью контроля действий лиц в данном сообществе»¹. Все остальное, что по разным признакам идентифицируется в качестве правового сторонниками других подходов, правом не признается на том основании, что не имеет официального выражения и властного обеспечения.

Государственная власть в контексте юридического правопонимания характеризуется как «тот начальный факт, из которого исходят, цепляясь друг за друга, нормы права»². Как следствие, общезначимые идеи и ценности, лежащие в основе права, остаются за рамками теоретико-правового анализа. Естественное право оказывается ничем иным, как моральной оценкой действующего права, которая, не имея официального выражения и властного обеспечения, представляет собой лишь систему научных взглядов и, следовательно, не может обладать общеобязательной силой.

Основные идеи и положения рассматриваемой концепции, выражающиеся в трактовке права как творения власти, властной принудительности как, в конечном счете, единственной отличительной особенности права, логично предполагают выведение на первый план профессионального правосознания, т.е. правосознания группы лиц, которой подвластна нормотворческая и правоприменительная деятельность. Правосознание всех иных субъектов, а также и общественное правосознание в целом, в данном случае оказываются своего рода призмой, через которую право как система норм и основанная на этих нормах практика воспринимаются. Любому правосознанию, кроме профессионального, отводится роль описания правовых явлений, изучения способов их существования, а не активнотворческого воздействия на существующую правовую действительность, ее воспроизводство и преобразование.

Недооценка роли функциональной активности различных видов, форм и типов правосознания в юридической практике, равно как и приращение профессиональному правосознанию определенной группы лиц слишком большого значения, наконец, сведение всего многообразия возможных способов воздействия правосознания на юридическую практику к санкционированию и приказыванию со стороны власти являются существенными недостатками, неразрывно связанными с юридическим правопониманием. И эти недостатки предопределяют то, что в контексте юридического подхода к пониманию права правильное решение проблемы роли правосознания в юридической практике маловероятно.

¹ Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М. : Юристъ, 1998. С.135.

² Там же. С.135.

Далее. Концепции естественного права довольно разнообразны, но все их объединяет взгляд на право не как на акт государственной воли, предполагающий законное принуждение в случае неподчинения, а как на воплощение справедливости и разума. Такое понимание права предполагает, что правосознанию в детерминации юридической практики отводится далеко не первоочередная роль. Оно обеспечивает только понимание необходимости права и не является источником правовой инициативы, поскольку «естественное право... столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом»¹.

В естественно-правовой концепции роль правосознания оказывается сродни роли, отводимой ему сторонниками юридического правопонимания, с той лишь разницей, что последние оставляют право инициативы ограниченному кругу лиц. Ясно, что в контексте такого понимания правовой действительности определить истинную роль правосознания в юридической практике оказывается не менее сложным, чем в рамках юридического подхода.

Современные естественно-правовые теории, опираясь на классические учения XVII-XVIII вв., признают существование наряду с позитивным правом идеального порядка отношений между людьми. Этот высший нормативный порядок и называют естественным правом. Законы государства признаются действительными и легитимными лишь в том случае, если они соответствуют идеальному праву.

Таким образом, в естественно-правовых концепциях обнаруживается правовой дуализм, связанный с представлением о двух одновременно действующих системах права (права естественного и права официального). Как следствие, в рамках естественно-правового понимания возникает принципиально не решаемый вопрос о том, что в действительности есть правосознание – служит ли оно призмой оценки юридической практики с точки зрения официально существующего права или с точки зрения права естественного. Это обстоятельство также существенно снижает методологическую ценность рассматриваемого типа правопонимания как подхода, который теоретически может быть положен в основу анализа проблемы роли правосознания в юридической практике.

Определяя возможность решения интересующей нас проблемы в контексте социологического правопонимания, стоит учесть, что оно складывалось двумя путями – с одной стороны, путем формирования правовых концепций в рамках общей социологии, а, с другой стороны, в результате применения социологических методов в юридических науках.

Социологическая школа права является позитивистской теорией. Ее представители стремятся отказаться от ценностного подхода к праву, избе-

¹ Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М. : Госполитиздат, 1957. С. 72.

жать моральных оценок, описать право таким, каково оно есть в действительности. Вместе с тем, в отличие от юридического типа правопонимания, придающего первостепенное значение норме права, социологическая школа делает акцент на практику, на действие права. По мнению американского юриста Р. Паунда, социологическая школа поднимает очень важную проблему соотношения «права в книгах» и «права в жизни»¹, и решить эту проблему оказывается возможным только при условии признания координирующей роли правосознания, его активной роли.

Социологическое правопонимание, признавая, с одной стороны, реальное функционирование правосознания одним из факторов, определяющих воспроизводство и преобразование правовой действительности, а, с другой стороны, позволяя исследовать результаты такого функционирования, его последствия в их реальных выражениях, дает возможность рассмотреть вопрос о роли правосознания в юридической практике наиболее полно и всесторонне. Именно этот тип правопонимания, на наш взгляд, и должен быть положен в основу анализа поставленной проблемы.

Для решения вопроса о том, в чем существует проблема определения роли правосознания в юридической практике, следует установить, как сознание и практика связаны между собой вообще. И здесь, на первый взгляд, отправным моментом теоретических рассуждений может стать включение и юридической практики, и правосознания в структуру единого для них системного образования – правовой системы общества². Если правосознание и юридическая практика выступают элементами общей для них системы, тогда вопрос об их связи предстает как вопрос об их взаимовлиянии и взаимном согласовании в рамках системы. Соответственно, установив посредством применения системной методологии, каково соотношение названных элементов, можно формально определить роль правосознания в юридической практике.

Вместе с тем, следование по предложенному пути, на наш взгляд, в действительности позволяет решить проблему включенности правосознания в юридическую практику лишь частично. Во-первых, «понятие правовой системы характеризует общество с точки зрения одной из его структур как продукта кристаллизации общественных процессов»³. Соответственно, рассмотрение через призму связи в ней позволяет охарактеризовать право-

¹ Цит. по: Марченко М.Н. Теория государства и права. М. : Проспект, 2005. С. 480.

² См. об этом, например: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М. : ООО ИД «Право и государство», 2005; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987; Сорокин В.В. Общее учение о государстве и праве переходного периода. М. : Юрлитинформ, 2010; Шиянов В.А. Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008 и др.

³ Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011. С. 76.

вые явления, процессы лишь как конечный продукт, результат правового развития. Во-вторых, правовая система общества – это скорее мета-система, чем реально существующий комплекс правовых явлений, а значит, анализ через призму связи с ней позволяет дать только описание предмета, в определенной степени условное, схематичное.

По нашему мнению, установить соотношение правовых явлений, процессов позволяет не только анализ их места и роли в правовой системе, но и их рассмотрение с точки зрения взаимосвязи в правовой жизни. При этом исследование связи правосознания и юридической практики не как элементов правовой системы, а через призму их проявленности в правовой жизни дает гораздо больше для понимания действительной роли правосознания в юридической практике. Правовая жизнь является процессом¹, поэтому ее исследование позволяет сформировать представление о правовых явлениях и существующих между ними связях не только в статике, но и в динамике.

Рассмотрение проблемы функционирования правосознания в юридической практике, взятой в контексте социологического правопонимания, предполагает признание того, что практика является определяющей для правосознания². В этой связи, с одной стороны, правомерной оказывается постановка вопроса о специфических видах правосознания, выступающих отражениями различных сфер юридической практики³, а, с другой стороны, проблема роли правосознания в юридической практике предстает как вопрос о том, существует ли между специфическими для различных сфер юридической практики видами правосознания и самой практикой обратная связь и в чем конкретно такая связь выражается. То, что обратная связь существует, подтверждается уже самой возможностью обнаружить выражения правосознания в юридической практике.

¹ См.: Там же.

² При этом не вполне верно, на наш взгляд, рассматривать в качестве формирующегося под влиянием юридической практики только лишь профессиональное правосознание, поскольку вполне очевидным оказывается ее влияние и на обыденное, и на профессиональное правосознание.

³ См., например: Бирюков В.Л. К вопросу об экологическом правосознании // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Вып. 2 СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2000. С. 130-134; Вершок И.Л. Об экологическом правосознании // Государство и право. 2003. № 3. С. 42-49; Никитяева В.В. Конституционное правосознание: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002; Мамитова Н.В. Конституционное правосознание в российском обществе как фактор реализации конституционных идей в России // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. С. 11-14; Стецура С.В. Роль уголовно-правового сознания в правомерном поведении несовершеннолетних // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей адъюнктов и соискателей. Вып. 2. Тюмень : Изд-во Тюменского юрид. ин-та МВД РФ, 2003. С. 91-93 и др.

Если говорить об индивидуальном правосознании, то оно оказывает влияние на практику в первую очередь посредством установок, притязаний и оценок.

Под правовой установкой в специальной литературе понимается «готовность и предрасположенность субъекта к правомерному или противоправному поведению, складывающаяся под влиянием ряда социальных и психофизических факторов»¹, «сложившаяся готовность индивида к определенной форме реагирования на правовые установления, предрасположенность, побуждающая действовать в отношении правовых установлений так, а не иначе ... устоявшаяся, внутренне последовательная система реакций, определенная линия в реакциях индивида по отношению к тому правовому установлению, с которым связана установка»².

Однако предложенные определения, на наш взгляд, являются излишне узкими. В первом случае речь идет о готовности к правомерному или противоправному поведению, в то время как речь в данном случае должна идти о предрасположенности к реагированию на ситуацию, процесс и т.п. специфическим образом. Во втором случае понимание правовой установки оказывается излишне узким вследствие четкого указания на предмет, в отношении которого возникает реакция. В качестве такового называется правовое установление, в то время как в действительности возникновение реакций может быть связано и с другими правовыми явлениями и процессами.

В более общем плане, на наш взгляд, правовой установкой следует считать готовность и предрасположенность субъекта реагировать специфическим образом в типичной, значимой в правовом плане ситуации. И именно таким пониманием правовой установки мы намереваемся руководствоваться в настоящем диссертационном исследовании.

Правовые установки традиционно рассматриваются в качестве важного звена мотивационного механизма правового поведения³, и это верно, в том числе, и в применении к юридической практике. В последней установки оказываются весьма значимым фактором, обуславливающим выбор в пользу той или иной модели поведения. При этом они определяют не только содержание юридически значимых действий, но и форму их осуществления.

В юридической практике правовые установки также служат основой целеполагания и планирования, выступают основой моделирования желаемого

¹ Пшидаток В.Е. Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С.20.

² Кваша А.А. Правовые установки граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С.7.

³ Пшидаток В.Е. Указ. соч. С. 6; Бреднева В.С. Уровни правосознания и юридическая деятельность. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. С. 31, 35 и др.

мого (идеального) результата, который субъект юридической деятельности стремится достигнуть, приобретают большое значение для критического осмысления различных аспектов правовой жизни человека и общества.

Правовые притязания в своей сущности представляют выраженные вовне требования, правовой характер которым придает их содержательная связь с правовыми установками. В самом общем виде притязание представляет собой требование о возложении на другое лицо (других лиц) обязанности совершить определенные действия и о принудительном обеспечении реализации этой обязанности в случае, если она не будет исполнена добровольно. Признание притязания правовым влечет за собой возникновение юридических обязанностей у других субъектов права и их реализацию.

В основе притязания лежит интерес, в связи с чем оно может быть определено как интерес, выраженный вовне. Результатом признания притязания выступает субъективное право, поэтому оно может рассматриваться как предпосылка данного права. При этом именно последнее обстоятельство делает правовое притязание элементом индивидуального правосознания, весьма существенным образом влияющим на юридическую практику.

Непосредственно для юридической практики притязание – это, во-первых, основание ее развертывания (возникновение притязания – предпосылка для того, чтобы бороться за его признание в качестве правового, а признание притязания правовым обуславливает для его носителя возможность требовать от других, в том числе и от государственно-властных субъектов, совершения юридических действий, обеспечивающих его реализацию). Во-вторых, оно – значимый фактор, определяющий форму и содержание юридической деятельности (характер признанного притязания определяет, какие конкретно юридически значимые действия и решения необходимы для обеспечения его реализации).

Отдельно следует сказать о субъектах юридической деятельности – о специально уполномоченных должностных лицах, наделенных государством определенной компетенцией. Для их правосознания правовое притязание – это не столько результат интереса и состояние борьбы за право, сколько преломление предоставленных им правомочий, реализацией которых достигается юридически значимый результат, выступающий целью деятельности в соответствующей сфере юридической практики. Поскольку в данном случае притязания являются не предпосылкой правомочий, а «вырастают» на их основе, постольку они оказываются связанными с правовыми установками в гораздо большей степени, чем в правосознании других субъектов юридической практики.

Большое значение для юридической практики имеют правовые оценки. Под правовой оценкой чаще всего понимается процесс установления ценности или значимости чего-либо. Так, например, О. Музыка и Е. Фатыховой оценка представляется как «некоторый процесс, в ходе которого

ценностная сущность события, факта, явления актуализируется в форме той или иной ценности или относится к разряду не ценности»¹. По мнению С.В. Бредневой, оценка «состоит в признании значимости объекта с точки зрения отдельного индивида, социальной группы или общества в целом... Это всегда определенное сравнение, в процессе которого субъект выбирает то, что сопоставимо с его потребностями, интересами и ценностями. Нашедшие отражение в личном опыте и правовой практике субъекта познаваемые им многообразные стороны и явления правовой жизни вызывают к себе определенное отношение и, являясь значимыми для личности, обретают известный смысл, квалифицируются как ценности»².

Однако правовая оценка – это не только процесс оценивания, но и значимый элемент индивидуального правосознания, представляющий собой суждение о правовой ценности, правовой значимости предмета, процесса, явления. При этом основанием правовых оценок, тем, в связи с чем они воспроизводятся, выступают правовые притязания, а основой, тем, что определяет саму оценку, – правовые установки. Притязания определяют предметы, явления и процессы, которые становятся оцениваемыми объектами; содержание правовых установок обуславливает выбор критериев оценивания, использование которых в конечном итоге позволяет сделать суждение о правовом или неправовом характере различных объектов.

В юридической практике правовые оценки становятся фактически опосредующим звеном между правовым познанием и правовым действием, оказывая самое непосредственное влияние как на характер и содержание юридически значимой деятельности, так и на ее результаты. Они определяют логику юридического мышления, играют огромную роль в правовой мотивации, опосредуют процесс установления тождества фактических обстоятельств с требованиями юридических норм, лежат в основе формирования внутреннего убеждения.

Что касается общественного правосознания, то оно обнаруживает свое влияние на юридическую практику посредством ценностей духовной культуры и правовой идеологии.

Правовые ценности представляют собой сложный продукт развития правовой культуры общества, аккумулирующий в себе весь накопленный в ходе исторического развития опыт. Их значимость для юридической практики обуславливается в первую очередь существующим у них нормативно-регулятивным потенциалом. При этом такой потенциал, как правило, в реальности оказывается даже более существенным, чем тот, который заложен в непосредственно регулирующих юридическую практику правовых нормах.

¹ Музыка О., Фатыхова Е. Юридическая оценка: проблемы и противоречия // Власть. 2010. № 4. С. 130.

² Бреднева В.С. Указ. соч. С. 32-33.

Во-первых, ценности, формируясь, отражают, синтезируют в себе более сложный набор правовых явлений, чем правовая норма¹. Как следствие, они оказываются более органичными, чем нормы права, источниками воспроизводства правовой жизни как отдельного человека, так и общества в целом.

Во-вторых, ценности, в отличие от норм, создают смысловые поля различной напряженности. Как следствие, человек, побуждаемый поиском смысла своих действий, оказывается неспособным вести себя в таких полях индифферентно². В отличие от воздействия, осуществляемого правовой нормой, на нормирующее воздействие правовых ценностей человек просто не может не реагировать.

В-третьих, процесс фиксации правовых ценностей в сознании человека как субъекта права носит естественный характер, происходит во время его социализации. Как следствие, ценность, в отличие от нормы, просто не может не найти своего отражения в правосознании и не может оказаться бездействующей в регулятивном плане. Фиксация чего-либо в качестве ценности изначально предполагает его позитивную оценку и позитивное эмоционально-психологическое восприятие, предопределяет невозможность негативистского отношения к ценностно значимому объекту, которое может возникнуть по отношению к норме.

Идеология с точки зрения содержания представляет собой систему идей, отражающих определенные ценности³. Соответственно, правовая идеология представляет собой систему идей, основанных на правовых ценностях и выражающих их систему. В содержание правовой идеологии зачастую также включаются теории, концепции, понятия, взгляды, принципы и т.д.⁴ Однако, на наш взгляд, перечисленное служит формами выражения идей, способами их существования, содержательно ничего принципиально нового не отражая. В этой связи теории, концепции, понятия, взгляды, принципы, принимая во внимание сам факт их существования и значимость для правовой идеологии, в качестве самостоятельных элементов в содержании последней рассматривать было бы неверным.

Значимость идеологии для юридической практики определяются прежде всего тем, что она фактически выступает механизмом, обеспечивающим воспроизводство ценностей в опосредующих такую практику явлении-

¹ Правовая норма сама по себе может быть отнесена к числу таких явлений.

² Харитонов Н.Н. Мир человека – мир ценностей // *Фундаментальные исследования*. 2008. № 9.

³ Клименко А.И. Актуальные проблемы осуществления идеологической функции государства и развития правовой идеологии. Смоленск : Изд-во «Смоленская городская типография», 2009. С. 47.

⁴ См.: Куничкина Н.С. Теоретико-методологические проблемы определения взаимовлияния государственной идеологии и юридической науки // *Проблемы права*. 2009. № 3. С. 38; Антонов Е.А. К вопросу о понятии «правовая идеология» // *Проблемы права*. 2010. № 4. С. 81-82 и др.

ях правовой реальности. Лишь в правосознании ценности духовной культуры выражаются непосредственно, а в нормах, принципах, правовой политике, других влияющих на юридическую практику явлениях правового характера – только в силу их обусловленности конкретной идеологией, отражающей определенную систему ценностей.

Что касается непосредственно сознания, то в нем правовая идеология выступает как его активная часть¹, обеспечивающая связь между находящимися выражением в нем правовыми ценностями и функциональными проявлениями его вовне, стимулирующая правосознание к активному воздействию на правовую реальность.

Наличие обратной связи между правосознанием и юридической практикой подтверждается и существованием зависимости между содержанием правосознания и эффективностью различных видов юридической деятельности². При этом речь идет о зависимости хода и результатов такой деятельности не только от особенностей индивидуального сознания субъектов, такую деятельность осуществляющих, но и от специфики общественного сознания³.

Сама постановка вопроса о роли правосознания в юридической практике предопределяет то, что еще более значимым, чем анализ непосредственных его выражений в юридической практике, становится изучение его функциональной стороны. Определив, каковы функции правосознания, мы тем самым установим, каким образом оно влияет на юридическую практику, обеспечивает свою проявленность в ней.

В теории правосознания функции индивидуального и общественного правосознания обычно не разграничиваются⁴. Однако, на наш взгляд, является очевидным, что, например, такие традиционно выделяемые функции, как познавательная и оценочная⁵, являются функциями исключительно ин-

¹ Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. С. 50.

² Долгова Е.А. Право и правосознание: взаимодействие, общность и различия // Труды СГА. 2009. № 11. С. 23-26; Турбова Я.В. Правосознание в структуре юридической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 3-4; Бурканова О.А. Правосознание в правоприменительной деятельности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 3-4; Бреднева В.С. Указ. соч. С. 65-66; Баранов П.П., Окусов А.П. Аксиология юридической деятельности. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2003. С. 71-86 и др.

³ Красильникова Ю. Анализ современного состояния правосознания российского общества // Власть. 2010. № 7. С. 120-121; Турбова Я.В. Указ. соч. С.12, 16-19 и др.

⁴ См.: Абрамов А.И. Теоретические и практические проблемы реализации функций права. Самара : ООО «Офорт», 2008. С. 119-135; Евстратов А.М., Осипова Е.В. Функции правосознания, их роль // Вопросы права и социологии. 2002. Вып. 4. С. 5-7; Пискунова С.С. Современное правосознание: понятие, характерные черты и функции // Закон и право. 2003. № 8. С. 28-31 и др.

⁵ Шерменев М.А. Деформации профессионального правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы (общеправовой анализа) : автореф. дис. ... канд. юрид. на-

дивидуального правосознания и указывают на его место и роль в организации правовой жизни личности.

Познавательная функция связывается с формированием суммы юридических знаний (идей, категорий, взглядов, представлений), являющихся результатом интеллектуальной (мыслительной) деятельности¹. В то же время как о субъекте интеллектуальной (мыслительной) деятельности можно говорить только о человеке, а не об обществе. Соответственно, уже в силу этого о познавательной функции можно вести речь лишь в применении к индивидуальному, но не общественному правосознанию.

Оценочная функция связана с формированием определенного отношения как результата интеллектуальных, эмоциональных и волевых усилий в их сложном сочетании. Следовательно, вести речь об оценке со стороны общества можно лишь с большой долей условности, перенося на него индивидуально-личностные характеристики, присущие на самом деле только человеку.

Если рассуждать непосредственно о функциях правосознания, в которых выражается его связь с юридической практикой, то для общественного правосознания в качестве таковых, на наш взгляд, выступают:

– отражательная функция (общественное правосознание несет в себе тот обобщенный образ складывающейся юридической практики, который служит основой ее анализа, оценок, обуславливает для каждого человека саму возможность существования в правовой реальности и одновременно сознательного конструирования, воспроизводства и преобразования ее);

– кумулятивная функция (общественное правосознание не только отражает право, но и накапливает в себе опыт, выступающий в дальнейшем основой воспроизводства и преобразования правовой реальности);

– нормативная функция (правосознание, «консервируя» складывающиеся в самой юридической практике нормы, а также формируя императивы, которые в дальнейшем в практической юридической деятельности становятся общими, едиными для всех ориентирами долженствования, оказывает тем самым на юридическую практику упорядочивающее воздействие);

– стабилизирующая функция (система находящих свое выражение в юридической практике нормативов, обусловленных ценностями правовой культуры и правовой идеологией, выступает основой устойчивости такой практики, условием сохранения ею своих базовых качеств и свойств);

– конструирующая функция (неся в себе определенные идеалы и ценности, правосознание нередко определяет реальные изменения юридической практики. Например, распространение идей Просвещения, либера-

ук. Владимир, 2006. С. 15-16; Надыгина Е.В. Указ. соч. С.16; Клишина А.В. Профессиональное правосознание адвокатов (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10 и др.

¹ См.: Хаконова И.Б. Роль правосознания в правовой жизни общества // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. № 2.

лизация общественной идеологии со всей очевидностью повлияли на юридическую практику в Западной Европе);

– легитимирующая функция (заключая в себе определенные социальные идеалы, правосознание в своем функционировании обеспечивает надделение юридической деятельности смыслом, придание ей социальной значимости или тогда, когда это оказывается невозможным, ее оправдание);

– компенсаторная функция (правосознание не только легитимирует юридическую деятельность, но и объясняет причины ее недостаточной эффективности, несоответствия социальным идеалам. Таким образом снимается социальная неудовлетворенность реальной юридической практикой, дискомфорт, порождаемый расхождением между ею и социальным идеалом, формируется надежда на благополучное изменение правовой жизни в дальнейшем);

– опосредующая функция (взаимодействуя с религиозным, моральным, политическим сознанием, правосознание «переплавляет» религиозные, политические, моральные идеи, трансформирует их в правовые, обеспечивая тем самым канал, посредством которого юридическая практика «вбирает» в себя социальный опыт и тем самым поддерживает свою адекватность духовной культуре конкретного общества).

Для индивидуального правосознания функциями, в которых выражается его связь с юридической практикой, выступают:

– идентификационная функция (правосознание обеспечивает субъекту возможность идентификации юридически значимой ситуации, а также самого себя в ней; такая идентификация выступает необходимым условием юридической деятельности, а, следовательно, и предпосылкой юридической практики как таковой);

– ориентационная функция (правосознание обеспечивает освоение человеком правового пространства, среды, в которой протекает его деятельность, в частности, позволяет устанавливать смысл, приоритетные цели, принципы своей собственной юридической активности и активности других субъектов; это в конечном итоге позволяет не только умозрительно рассуждать о праве, но и активно участвовать в юридически значимой практической деятельности);

– мотивационная функция (личностное переживание правовой действительности управляет практической деятельностью человека, побуждая его к совершению конкретных юридически значимых актов, предопределяя тем самым характер юридической практики);

– моделирующая функция (правосознание обеспечивает формирование мысленных образов юридически значимых практических действий, которые в последующем находят свое выражение вовне, становясь самой практикой);

– прогностическая функция (правосознание предсказывает развитие юридически значимых ситуаций, конечные результаты осуществляемых субъектами юридических действий; помимо этого, оно обеспечивает выявление общих тенденций развития юридической практики, что для человека является необходимым условием успешной ориентации в правовом пространстве);

– творческая функция (в правосознании не только формируется мысленный образ, определяется, в каком направлении и по каким принципам будет развиваться юридически значимая ситуация, но и определяются реальные пути и способы практического воплощения мысленно сконструированной модели в жизнь, тем самым обеспечивая созидание самой юридической практики, ее воспроизводство);

– критическая функция (правосознание обеспечивает критическое осмысление существующей юридической практики, выявление ее проблем и противоречий; тем самым обеспечивается мотивация к тому, чтобы не только реализовывать уже сложившиеся модели правового поведения, но и стремиться к их совершенствованию).

Сопоставление функций, реализуемых общественным правосознанием в юридической практике, свидетельствует о том, что их роль в ней изначально не является одинаковой. Характер самих функций указывает на то, что общественное правосознание для юридической практики выступает духовно-интеллектуальным фоном, качественно ее определяющим. Индивидуальное правосознание по отношению к юридической практике играет роль непосредственно организующего фактора.

Говоря о различии функций общественного и индивидуального правосознания в юридической практике, следует подчеркнуть, что оно не является ни следствием несовпадения их проявлений, способов существования в ней, ни его причиной. И различия в способах проявления общественного и индивидуального правосознания в юридической практике, и неодинаковость функций, реализуемых ими, связаны с тем, что сама постановка вопроса об общественном и индивидуальном правосознании как о формах одного и того же явления является довольно условной.

Как подчеркивает С.С. Алексеев, «уровни, слои, сферы правосознания... не есть структура целостного органического образования. Это лишь подразделения более или менее организованной совокупности, и по своей сути скорее свидетельство разобщенности правосознания – того, что под термином «правосознание» имеются в виду различные проявления духовной, интеллектуальной, социально-психологической жизни, связанные со сферой права, но не образующие органичной целостности»¹. Несовпадение форм выражения индивидуального и общественного правосознания в юри-

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х т. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1981. С. 200.

дической практике и их функциональных проявлений выступает подтверждением того, что они предстают различными идеальными явлениями, отражающими далеко не одни и те же моменты правовой жизни.

Далее необходимо отметить, что если «набор» функций, реализуемых правосознанием в юридической практике, определяется непосредственно самой этой практикой, то особенности их фактической реализации – в том числе, и эффективность таковой – обуславливаются содержанием правосознания, на которое существующая правовая практика влияет лишь в качестве одного из факторов, причем, далеко не всегда ведущего¹. Это обстоятельство не позволяет оставить без внимания вопрос о содержании правосознания в контексте исследования проблемы роли правосознания в юридической практике.

Проблемы, связанные с содержанием правосознания, в отечественной правовой литературе традиционно рассматриваются в двух плоскостях. С одной стороны, о правовом сознании говорят как о реально существующей данности², с другой стороны – как о «наборе» идеологических и психологических элементов, черт, характеристик, отвечающих или – даже чаще – не отвечающих представлениям об идеале, формирование которого позитивно влияет на правовую действительность (правотворчество, право-реализацию, правоприменение и т.д.)³. В первом случае вопрос ставится о характеристиках правосознания, естественных, обусловленных самой природой человека и общества, в котором он живет, во втором – о его эталоне как конечной цели воспитательных усилий.

Поскольку в правовой жизни важно только то право, которое реально существует, а не то, каким оно видится в идеале или желается, постольку исследование правосознания и юридической практики через призму их связи и взаимообусловленности в правовой жизни предполагает в первую

¹ Долгова Н.А. Факторы, влияющие на формирование правосознания молодежи современной России // Право и образование. 2011. № 2. С. 130-138; Караваева Т.А. Факторы, влияющие на формирование правосознания // Подходы к решению проблем законо-творчества и правоприменения: сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 17. Омск : Омская академия МВД России, 2010. С. 25-32; Петров А.В., Полякова Н.А. Указ. соч. С. 82-108; Шашин П.А. Правовая культура в правовой системе общества : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 119-136 и др.

² Баширов Т.А. Российское правосознание: социально-философские аспекты становления и развития. Уфа : РИО БашГУ, 2007; Климанский Д.В. Система факторов интеграции и дезинтеграции правосознания сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; Сафронов В.В. Правосознание гражданина. Красноярск : Сибирский ин-т бизнеса, управления и психологии, 2008 и др.

³ Рябцев Р.А. Современная правовая реформа в России и правосознание: теоретико-правовые проблемы изменения правосознания граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005; Коробка В.Н. Деформация профессионального правосознания следователей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999; Кузнецов Р.А., Плетников В.С., Шабуров А.С. Деформация профессионального правосознания юристов. Екатеринбург : Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2008 и др.

очередь анализ правосознания с точки зрения его реального содержания, таким, каким оно реально значимо для практики. Постановка вопросов, связанных с эталонным, желаемым, идеальным взаимоотношением правосознания и юридической практики (моделью правосознания, отвечающей «запросам» правовой практики), в практическом отношении явно недостаточна.

Признание, с одной стороны, обусловленности правосознания юридической практикой, а с другой стороны – разнообразия такой практики, ее неоднородности, предопределяет то, что решение проблемы роли правосознания в юридической практике требует дифференцированного анализа. Подобный анализ, прежде всего, позволяет подтвердить, что обусловленность функций правосознания юридической практикой является действительной, а не мнимой. Также он дает возможность установить, в чем выражаются обусловленные особенностями юридической практики функциональные различия (если они в реальности существуют), определяются ли такие различия только характером самой юридической практики или одновременно и культурными особенностями правовой системы; можно ли вести речь о разной значимости правосознания для разных сфер юридической деятельности, а также о разном соотношении индивидуального и общественного правосознания в юридической практике и т.д.

Подводя итог рассмотрению вопроса, полагаем возможным сделать следующие общие выводы.

1. Проблема роли правосознания в юридической практике может быть адекватно решена лишь в контексте социологического подхода к пониманию права.

2. В контексте социологического правопонимания проблема роли правосознания в юридической практике предстает как вопрос об их взаимной связи. Будучи базовым, основополагающим фактором, определяющим правовую жизнь общества и человека, правовая практика задает правосознанию параметры его функционирования. Однако и правосознание влияет на практику: общественное – выражаясь в ней в правовых ценностях и правовой идеологии, индивидуальное – находя свое выражение в правовых установках, притязаниях и оценках.

3. Роль общественного правосознания в юридической практике определяется осуществлением отражательной, кумулятивной, нормативной, стабилизирующей, конструирующей, легитимирующей, компенсаторной и опосредующей функций, а индивидуального правосознания – реализацией им идентификационной, ориентационной, мотивационной, моделирующей, прогностической, творческой и критической функций.

4. Неоднородность форм выражения в юридической практике индивидуального и общественного правосознания, а также несовпадение осуществляемых ими функций указывает на их неодинаковую роль для юридической практики. В самом общем виде роль правосознания в юридиче-

ской практике состоит в том, что общественное правосознание служит для нее духовно-интеллектуальным фоном, качественно ее определяющим, а индивидуальное – непосредственно организующим фактором.

5. Функции и общественного, и индивидуального правосознания, в которых проявляется их роль в юридической практике, являются одинаковыми для всех сфер юридической практики. Однако, в силу того, что сама по себе практика не является однородной, а особенности функционирования в ней правосознания определяются в значительной мере его содержанием, они приобретают в различных ее сферах разную значимость и находят неодинаковое фактическое осуществление.

6. Вопрос о том, что конкретно привносит в юридическую практику функционирование общественного правосознания в качестве ее духовно-интеллектуального фона, а индивидуального – в качестве непосредственно организующего фактора, не имеет универсального решения, он требует дифференцированного анализа с учетом специфики различных сфер юридической практики и особенностей содержания правосознания.

§ 2. Общая характеристика категории «правовая культура»

Правовая культура – чрезвычайно емкое явление. Ее общественная значимость во многом превосходит границы нормативного воздействия права на социальные отношения, так как, являясь составной частью общечеловеческой культуры, правовая культура влияет на формирование сознания и деятельность граждан в самых различных сферах жизни общества. Неслучайно поэтому к подавляющему большинству проблем построения правового государства и гражданского общества вопросы формирования правовой культуры имеют самое прямое отношение.

Научное понимание феномена культуры характеризуется сложностью и многогранностью. В философской и культурологической литературе уже давно сформировался достаточно полный анализ эволюции данного понятия и сделан вывод о детерминированности понимания культуры и перспектив ее развития от различных методологических, теоретико-познавательных, а также идеологических и социально-политических установок исследователей.

Различное понимание правовой культуры оформило возникновение нескольких базовых подходов к рассмотрению данной категории.

Разнообразие трактовок феномена культуры позволяет выделить четыре основных подхода к ее толкованию: аксиологический, деятельностный (функциональный) и личностный¹.

¹ См.: Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М., Воронеж, 2004. С. 23.

Аксиологический подход к правовой культуре позволяет акцентировать внимание на тех сторонах правовой деятельности, которые связаны с отношением людей к законодательству и правосудию. Признание правовых ценностей есть первый шаг к достижению высокого правосознания, активного правомерного поведения, к охране и приумножению всех ценностей общества.

Согласно аксиологическому подходу культура понимается как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством (А.А. Зварыкин, Г.П. Францев, Н.З. Чавчадзе). Зарубежные авторы (А. Кребер, Т. Парсонс, Р. Мертон) рассматривают культуру как совокупность образов, систему ценностей, идей, детерминирующих упорядоченность и управляемость социальными системами.

Важно отметить, что культура не только трактуется как опыт, где она связывается с современной системой воспроизводства деятельности человека (здесь делается акцент на характеристику культуры как информационной системы), но выделяется и уровень элементов системы, представленной программами будущих, потенциально возможных видов и форм деятельности человека. При этом культура является отражением «человеческого существования, содержащего многогранную композицию идей, ценностей, образцов поведения, которые играют огромную формирующую роль в развитии цивилизации, равно как и в развитии отдельной личности». Здесь общественное значение культуры состоит в ее прогностических возможностях, которые, по определению И.А. Бернштейна, играют роль «моделей потребностного будущего»¹.

Сущность функционального подхода состоит в уяснении роли правовой культуры под углом зрения деятельности субъектов права. По мнению В.П. Сальникова, под правовой культурой с позиций функционального подхода понимается совокупность всех элементов юридической надстройки, рассматриваемых в динамике ее разносторонних связей и отношений в целях прогрессивного развития социального организма².

Деятельностный подход к культуре выражается в ее толковании как специфического способа деятельности, как способа реализации творческих сил и способностей человека в конкретной деятельности (В.Е. Давидович, И.Ф. Исаев, К. А. Жданов, М.С. Каган, Э.С. Маркарян). Выделяют также технологическую природу культуры, понимая ее как устоявшуюся систему норм, упорядочивающих деятельность, взаимодействие и общение людей (О.И. Джигоев, И.Н. Семенов). Социальная значимость феномена культуры определяется тем, что именно культура формирует социально направ-

¹ Роль культуры в формировании личности / под ред. Е.М. Бабосова. Минск, 1980. С. 35.

² Сальников В.П. Социалистическая законность: правовая культура и эффективность // Административно-правовые аспекты правового воспитания личного состав органов внутренних дел. Киев, 1984. С. 4.

ленную активность человека, ориентируя его на преобразование среды и связанное с этим саморазвитие индивида.

Особенность личностного подхода выражается в убеждениях, навыках и стереотипах поведения, самоконтроле, творческой реализации деятельности, мыслей, чувств человека.

Правовая культура личности – это, прежде всего, правовое явление, охватывающее своим содержанием совокупность как социально-правовых, так и иных признаков, присущих общей культуре. Личность, обладающая высоким уровнем правовой культуры, должна руководствоваться требованием: «поступай так, чтобы твое поведение стало всеобщим законом»¹. Правовая культура одной, отдельно взятой личности – это частица правовой культуры нации, расы, класса, общности, общества.

В юридической литературе существуют различные определения правовой культуры личности. Большинство ученых исходят из того, что правовая культура личности – это качественная категория, характеризующая правосознание и поведение человека с точки зрения уровня его правового воспитания². Здесь под правовой культурой личности понимается уровень юридической грамотности, образованности, степень правовой осведомленности граждан, степень овладения правом со стороны личности.

По мнению других авторов, правовая культура личности представляет собой определенную степень знания законодательства, уважения к законам, умение правильно понимать и применять их в точном соответствии с теми задачами, для решения которых они были приняты. Конечно, всех законов знать нельзя. В то же время любой гражданин должен быть осведомлен в правовых вопросах, имеющих каждодневное значение. Эти знания обеспечивают сознательное поведение, юридический самоконтроль.

Помимо знания норм права, каждому человеку нужно знать еще его принципы (исходные, основные положения) и источники права с тем, чтобы при необходимости найти искомые принципы и нормы. Объем и качество знаний, принципов и норм права принято называть правовой информированностью личности³. Особое место здесь занимает проблема «правового минимума», некоего обязательного уровня знания права, которым должен обладать каждый гражданин независимо от его социального статуса.

К сожалению, сегодня в России большинство людей имеет самое общее представление о законе. Правовая неосведомленность граждан в зна-

¹ Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. в 6-ти т. М., 1964-1966. Т. 4. Ч. 1. С. 260.

² Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. С. 176; Сальников В.П., Казаченко В.Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД СССР // Правоведение. 1980. № 1. С. 37-38, 54-58.

³ Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура. М. : Юрист, 1998. № 11/12. С. 2 .

чительной степени снижает предупредительную силу законов, затрудняет своевременное и квалифицированное решение вопросов, затрагивающих их права и интересы. Человек сталкивается с законом только в случае вольного и невольного его нарушения. Следует отметить, что знание основ права не связывается с простой осведомленностью о существовании тех или иных правовых норм. Оно предполагает осмысление права, постижение его содержания, определение значения для практической деятельности.

Правовая культура представляет систему ценностей, правовых идей, убеждений, навыков и стереотипов правового поведения, правовых традиций, принятых членами определенной общности (государственной, религиозной, этнической) и используемых для регулирования их деятельности и отношений (М.Е. Волосов, В.Н. Додонов)¹.

В акмеологических исследованиях категория правовой культуры рассматривается как личностная и деятельностная характеристика человека (О.С. Анисимов, С.А. Аиисимов, Г.И. Марасанов). Определяющим при этом является социально-философское понимание культуры в ее гуманистической направленности, поскольку оно выводится из генетической связи личности и деятельности и предполагает социокультурную регуляторную активность личности при овладении предметом деятельности. Правовая культура выступает как система идей, принципов, убеждений, способностей, позволяющая субъекту выделить максимально близкий к оптимальному способ совершенствования своей жизни, обеспечивающий эффективное выполнение правоохранительной деятельности.

В литературе выделяется три уровня развития правовой культуры индивида - высокий, средний, низкий. Для каждого из этих уровней характерно различное соответствие правовых представлений личности о подлинном правовом государстве и обществе и, как следствие, различающееся правомерное поведение людей, обладающих им.

Правовая культура как личностная и деятельностная характеристика профессионализма сотрудников правоохранительных органов тесно связана с правосознанием. Но она шире правосознания, так как включает помимо знания и оценки права юридически значимое поведение людей и материализованные юридические ценности. Правовая культура, зависящая от объективных общественно-политических, экономических и социально-психологических условий общества и одновременно от способов реализации внутренних характеристик личности, представляет собой юридическое богатство общества и рассматривается в контексте двух составляющих — общества и индивида.

Правовая культура общества как часть его общей культуры характеризуется состоянием правосознания, уровнем совершенства законодатель-

¹ Краткий юридический словарь / М.К. Волосов, В.Н. Додонов. М., 2004. С. 201.

ства и состоянием законности в стране, соотношением общечеловеческого и национального в праве, степенью развитости в стране юридической науки и юридического образования, эффективностью деятельности правоохранительных органов.

Содержание, характеризующее уровень культуры сотрудника органов внутренних дел, условно можно разделить на два основных уровня - культурно-специальный и общекультурный.

Правовая зрелость личности находится в тесной взаимосвязи с правовой зрелостью общества, состоянием законности и правопорядка страны. Социально-правовой кризис системы государственного управления, правовой нигилизм как одна из форм его проявления не могли не отразиться на состоянии правовой культуры сотрудников органов внутренних дел.

Низкий уровень правовой культуры и профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел представляется существенной причиной низкого профессионализма правоохранительной деятельности. Поэтому так актуальна и своевременна постановка комплексной цели по формированию правовой культуры сотрудников ОВД.

Основными критериями формирования правовой культуры являются:

- знание действующего законодательства, ведомственных актов, способов толкования права, обеспечивающих законность и обоснованность правоприменительной деятельности;

- соответствие личностных качеств сотрудника должностным квалификационным требованиям;

- наличие профессионального отношения к праву, его принципам и нормам;

- уважение правовых требований. Содержание уважения к праву включает уважение к действующему законодательству и принципам законности, к правам, законным интересам и достоинству личности, а также результатам правовой деятельности и юридическим ценностям;

- следование режиму законности на основе убеждений и привычки соблюдать правовые предписания;

- нетерпимость к произволу и злоупотреблениям;

- навыки правового профессионального поведения, выраженные в умении эффективно использовать юридические и специальные средства для достижения целей правопорядка.

Таким образом, правовая культура имеет основополагающее значение для функционирования и развития любого демократического общества, а потому рост профессионализма сотрудников органов внутренних дел и правовой культуры как его интегрального показателя является основным условием повышения авторитета правоохранительных органов, обеспечения правопорядка и общественной безопасности страны.

§ 3. Структурно-содержательные аспекты функционирования правосознания в романо-германской правовой семье

Раскрывая черты романо-германской правовой системы, определяющие место и роль правосознания в юридической практике, следует отметить, что по своим базовым источникам, господствующим типам права, роли человека в правовой жизни общества и его значимым правовым свойствам она существенно отличается от англосаксонской правовой системы.

Господствующими типами права в романо-германской правовой системе выступают официальное (юридическое) право, представленное системой нормативных правовых актов, получающих детальную доктринальную интерпретацию, и обычное право, представленное сложной системой обычаев, фактически выступающих регуляторами общественных отношений.

Официальное (юридическое) право целенаправленно воспроизводится государством и служит инструментом государственно-властного регулирования общественных отношений. При этом в современных условиях, характеризующихся повышением значимости политического фактора в жизни современного общества, юридическое право оказывается господствующим, базовым типом, существенно влияющим на все другие типы права, в том числе и на обычное право.

Обычное право в специальной литературе часто понимается как система обычаев, санкционированных государством, применение которых обеспечивается возможностью государственного принуждения¹. Однако более точным, на наш взгляд, является определение обычного права как совокупности правил внешнего поведения, сложившихся в результате их неоднократного повторения в стереотипных условиях, приобретающих юридическую силу либо при наличии санкции государства, либо признания и соблюдения данных норм «своими» определенной социальной и этнической общностью, племенем, кастой и т.д.² Признание того, что обычное право складывается не только как результат санкционирования государством, но и как результат фактического общественного (или группового) признания, на наш взгляд, является важным для понимания обычного права как самостоятельного типа права.

Воспринимающееся, как правило, в качестве дополнительного, вспомогательного по отношению к юридическому праву нормативного основа-

¹ См.: Вопленко Н.Н. Источники и формы права. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. С. 49-59; Лопуха А.Д., Зельцер И.М. Обычное право: вопросы теории и современная практика. Новосибирск, 2002. С. 11 и др.

² Муромцев Г.И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки (теоретико-правовые проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 22; Кирилин А.В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 19-20 и др.

ния юридической практики, в реальности обычное право, в силу того, что оно развивается в противовес ему, нередко оказывается предпосылкой складывания специфической, существенно отличающейся от юридической, неофициальной, внеюридической практики.

На первый взгляд, как следствие, на юридическую практику соответствующий тип права не влияет. Однако, когда обычное право не получает необходимого признания и санкционирования со стороны государства (признаком чего служит установление серьезных формальных ограничений применения обычаев в юридической практике, что характерно, например, для российской правовой системы), тогда это негативно сказывается на функционировании правосознания в юридической практике. В данном случае неизбежно возникает негативистское отношение непосредственно к юридическому праву как противоположному, противопоставленному обычному, рассматриваемому в качестве подлинного, настоящего.

Основными источниками права в романо-германской правовой системе, как уже было сказано, выступают нормативный правовой акт, правовой обычай, нормативный договор и общие принципы права¹. В качестве самостоятельного источника зачастую также рассматривают судебную практику². Однако очевидно, что уже сама неопределенность положения, места и роли судебной практики в системе романо-германского права, отмечаемая, в том числе, и сторонниками признания ее источником права в данной правовой системе³, лишает возможности говорить о ней как о базовом, основополагающем источнике, принципиальным образом влияющем на правовую жизнь, правосознание и его роль в юридической практике.

Отдельно следует указать на то, что принципиально иная, чем в государствах англосаксонской правовой системы, организация судопроизводства, иное восприятие суда и понимание судебного решения как правоприменительного акта, основанного на законе и подчиненного ему, сами по себе определяют следующее. Даже в условиях усиления значимости судебной практики она не начинает оказывать на правовую жизнь общества (а, следовательно, и на функционирование правосознания в юридической

¹ Марченко М.Н. Источники романо-германского права: понятие, виды, классификация // Вестник Московского университета. 2000. № 2. С. 14-28; Савченко В.В. Нормативный акт как источник права в романо-германской правовой семье: современные идеи и проблемы // Бизнес в законе. 2010. № 1. С. 42-43.

² Марченко М.Н. Источники права. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 463; Гаджиев Г.А. Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права. М. : Юристъ, 2000. С.100; Кузина Е.Н. Судебная практика как источник российского права // Наука и знания : материалы научно-практической конференции Новороссийского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Новороссийск : СТМ Торг, 2006. С.113-114 и др.

³ Марченко М.Н. Указ. соч. С. 503; Анисимов А.П., Мельниченко Р.Г. Судебный прецедент: от теории к практике // Российский судья. 2009. № 3. С. 6-10 и др.

практике) влияния, аналогичного тому, которое обнаруживается в англосаксонской правовой системе.

Говоря об источниках романо-германского права, следует отметить существенность влияния, оказываемого на юридическую практику правовой доктриной, несмотря на то, что на сегодняшний день она в качестве самостоятельного нормативного источника права часто не рассматривается¹.

Значимость такого влияния обуславливается уже тем обстоятельством, что «семья романо-германских правовых систем ... сложилась в результате усилий европейских университетов, которые выработали и развили, начиная с XII века на базе кодификации императора Юстиниана, общую для всех юридическую науку, приспособленную к условиям современного мира»². В силу указанного обстоятельства правосознание традиционно оказывается доктринально ориентированным, а практика, вне зависимости от того, признается ли доктрина формально-юридическим источником правовых норм или нет, ориентируется на нее если и не как на свое нормативное основание, то, по крайней мере, как на наиболее авторитетное толкование официально признанных источников.

Особо следует отметить то, что изначально развитие правовой доктрины в рамках романо-германского права было обусловлено необходимостью преодоления возникшей в условиях феодальной раздробленности неоднородности и бессистемности местного права. При этом правовая доктрина как источник романо-германского права традиционно была критична по отношению к реально складывающемуся праву и практике его реализации, нацеливалась в первую очередь не на анализ реально складывающейся юридической практики, а на идеологическое обоснование ее эталона. Критичность правовой доктрины как важная черта, влияющая на юридическую практику, сохраняется и по сегодняшний день.

В романо-германской правовой системе «в силу исторических причин право выступает... прежде всего как средство регулирования отношений между гражданами; другие отрасли права были разработаны гораздо позднее и менее совершенны по сравнению с гражданским правом, которое и остается основой юридической науки»³. В этой связи значимым в правовой жизни общества изначально должен оказываться в первую очередь человек, а не его статус, роль в обществе. Вместе с тем, в действительности значимость человека, его личностных свойств оказывается значительно меньшей, чем это характерно для англосаксонской правовой системы.

¹ См.: Осаке К. Сравнительное правоведение: схематический комментарий. М. : Юристъ, 2008. С. 174; Джоусе-Иванина М. Нормативно-правовой акт в системе источников российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 21; Тальянина И.А. Указ. соч. С. 16-17 и др.

² Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 21.

³ Там же.

Исторически формирование правовых систем, относящихся к романо-германской правовой семье, было связано с согласованием, подстраиванием реальной социальной действительности под текстуально выраженные или выведенные средневековыми юристами конструкции глоссированного римского права. С.А. Муромцев убедительно доказывал, что вся история юриспруденции, начиная с вторжения германских племен в Римскую империю и заканчивая эпохой комментаторов, «представляла шаг за шагом постепенное падение самостоятельного юридического творчества и возрастающее подчинение юристов кругу понятий, так или иначе основанных на римских воззрениях. Римский юрист создавал свои нормы по мере роста действительных отношений; средневековый юрист в конце концов пришел к такому положению, когда все разнообразие действительных отношений он должен был подвести под готовые понятия или, точнее, – из готовых понятий вывести все разнообразие действительных отношений»¹. И уже в силу указанного обстоятельства проблема человека исторически оказалась за рамками того, что представляется наиболее значимым в правовом плане.

Кроме того, логически завершенная, непротиворечивая система правового регулирования изначально не может быть ориентированной на индивидуализм участников отношений, не способна учитывать личностно значимое. Как следствие, юридическая практика объективно оказывается связанной не с поиском специфического, уникального, позволяющего «повернуть» дело в ту или иную сторону, а с усреднением, схематизацией, вне которой отыскание ближайшей к фактам дела нормы существенно затрудняется.

Построение завершенной и пронизанной едиными общими принципами системы позитивного права, к которой стремится романо-германское право, объективно достижимо только при условии строгой классификации и систематизации обеспечиваемых им интересов. Однако в реальности интересы возникают и изменяются стихийно. В силу этого, а также в силу своей противоречивости они не поддаются строгому упорядочению. Соответственно, построение завершенной системы позитивного права оказывается возможным только тогда, когда при ее построении исходят из неких допущений о сущности и содержании интересов, а не из реально существующих потребностей и притязаний реальных людей.

К числу наиболее значимых свойств человека как субъекта права прежде всего следует отнести уважительное отношение к закону (законопослушность) и стремление к установлению истины. В идеале человек как субъект права – это именно активный субъект. Причем, правовая активность, выражающаяся в его «борьбе за право», предстает именно как осуществляемая юридическими средствами борьба за истину. Последней в

¹ Муромцев С.А. Рецепция римского права на западе. М. : Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1886. С. 41.

данном случае предстает единственно правильное, в силу своей формально-юридической закреплённости, предписанности, решение.

Ценными правовыми качествами также являются рационализм, прагматизм, умение действовать по обстоятельствам, ориентируясь в изменяющихся условиях и согласовывая свое правовое поведение с ними, гражданственность, ответственность.

Особенности организации правовой жизни и юридической практики в целом существенным образом влияют на содержание и функционирование как индивидуального, так и общественного правосознания.

Общественное правосознание в юридической практике в первую очередь характеризуется тем, что значимой в нем становится идея о юридической практике как сфере правоосуществления, в которой юрист выступает «проводником» права. Большое значение приобретает идея, что значимым условием эффективной юридической деятельности является юридический профессионализм. Следствием становится, среди прочего, бюрократизация правосудия и превращение судей в часть аппарата государственного управления.

К иным специфическим идеям, находящим свое выражение в юридической практике и оказывающим на нее существенное влияние, могут быть отнесены также идея о формально организованном порядке как о наиболее стабильном, устойчивом и, как следствие, в наибольшей степени отвечающем интересам правовой жизни общества; идея о значимости закона как наиболее эффективного и в силу этого наиболее целесообразного инструмента формального упорядочения общественных отношений; идея о приоритетности обеспечения законности, ее большей значимости для поддержания правового порядка в сравнении с принципом справедливости.

Вместе с тем, наряду с идеологией, обусловленной потребностями и запросами юридической практики, выражениями общественного правосознания в ней оказываются и идеи, определяемые спецификой западной правовой ментальности:

- идея ценности естественного права;
- идея о необходимости подтверждения и обеспечения минимального социального пространства человека, являющегося совокупностью его притязаний в социальной жизни¹, как необходимого условия проявления правовой воли и правовой активности личности;
- идея гражданского общества как сферы свободы;
- идея формального равенства как предпосылки и базового критерия справедливости правового порядка;
- идея о безусловности права, недопустимости изъятий из принципа его общеобязательности, а как следствие – идея правового государства как

¹ См.: Малахов В.П. Философия права. М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. С. 410.

субъекта, ограниченного правом в той же степени, как и другие лица, действующие в юридическом поле;

– идея либерализма как приверженности правам человека и человеческому достоинству, гражданским свободам и, как следствие, идея, что «все социальные институты (в том числе политико-правовые) предназначены для служения человеку»¹;

– идея демократии как условия правового государства;

– идея о саморегулировании как приоритетном и базовом способе организации и упорядочения общественных отношений.

Базовыми ценностями для юридической практики оказываются закон, законность, стабильность (упорядоченность), власть (как способность оказывать правовое влияние), свобода (как условие проявления и реализации правовой воли), справедливость (в формальном ее понимании), формальное равенство, а также естественное право (как наиболее рациональное в силу его очевидности).

Что касается индивидуального правосознания, то его содержание в юридической практике характеризуется следующими моментами.

Значимыми установками выступают установки на законопослушание как условие правомочности; на рациональное действие; на обоснованность юридически значимых действий и поступков (при этом речь идет именно о формальной обоснованности, обеспечиваемой точным воспроизводством на практике предписываемых юридическими нормами моделей поведения); на соблюдение формальных требований, в том числе, установленного порядка реализации частных интересов; на ответственность по формальным основаниям (недопустимость ответственности за действия или бездействия, противоправность и наказуемость которых формально не закреплена в действующих нормативных правовых актах).

Однако одновременно, в силу проявления в индивидуальном правосознании ментальных установок, характерных для западной правовой культуры, в нем обнаруживаются установки на гражданскую активность, которая признается в том числе и «необходимым условием для производства, распространения и освоения ценностей культуры»², на действие, преобразующее юридическую действительность в соответствии с потребностями и запросами человека как субъекта права; на отстаивание субъективных прав и частных интересов; на развитие собственных правовых качеств и правового мышления.

Наиболее значимыми для юридической практики притязаниями оказываются притязания на предсказуемость юридически значимых действий и поступков, а также их последствий; на ограничение свободы других уча-

¹ Честнов И.Л. Универсальны ли права человека: Полемиические размышления о Всеобщей декларации прав человека // Правоведение. 1999. №1. С.73.

² Бондаренко М.В. Правовая культура и правомерное поведение в современном российском обществе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 19.

стников регулируемых правом отношений в не меньшей степени, чем ограничена свобода притязającego субъекта; на формальное равенство перед законом; на рациональную согласованность действий и поступками других лиц с действиями и поступками притязającego.

Однако одновременно в юридической практике находят свое выражение такие связанные с ментальными основаниями западной правовой культуры притязания, как притязание на свободу правового выбора; на признание справедливости и правомерности разумного эгоизма; на отрицание «всякого принципа, превышающего уровень человеческой индивидуальности, а также логически вытекающее из этого сведение всех компонентов цивилизации к чисто человеческим элементам»¹; на невмешательство в частную жизнь.

Базовыми критериями правовых оценок в юридической практике в романо-германской правовой системе становятся целесообразность, рациональность и законность. В силу этого проблемы обеспечения законности и дисциплины в различных сферах юридической деятельности традиционно приобретают особую значимость и для правовой теории², и для отраслевых юридических наук³. Вместе с тем, для правосознания, в силу специфики его ментальных оснований, актуальными остаются проблемы справедливости, гуманизма, равенства, решение которых в существующем юридическом контексте оказывается невозможным.

Изложенное с уверенностью позволяет говорить о том, что содержание и общественного, и индивидуального правосознания, находящее свое выражение в юридической практике, в романо-германской правовой системе оказывается противоречивым. Помимо составляющих, адекватно отражающих запросы юридической практики, оно обнаруживает в себе элементы, избыточные для последней, препятствующие ее абсолютной формализации и рационализации. Указанное обстоятельство и подтверждает, и в определенной степени объясняет изначально, объективно существующую низкую степень способности правосознания адаптироваться к потребно-

¹ Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. С. 65.

² См.: Бондаренко Н.В. Обеспечение конституционной законности в деятельности государственных служащих : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Сауляк О.П. Законность в правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Фастов А.Г. Законность в правовом государстве и ее гарантии в деятельности милиции: общетеоретические вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000; Макаров И.А. Законность в деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009 и др.

³ См.: Баранов А.М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам. Омск : Изд-во Омской академии МВД России, 2006; Седов В.И. Дисциплина труда государственных гражданских служащих (ретроспективный анализ и современное правовое регулирование). Владимир : Изд-во Владимирского пед. ун-та, 2007; Кондрашов С.В. Договорная дисциплина. М. : Юрист, 2010 и др.

стям юридической практики и, как следствие, его недостаточную адекватность ей.

Что касается функционирования индивидуального правосознания, то сама логика правового регулирования предопределяет то, что его роль в юридической практике оказывается принципиально иной, чем в англосаксонской правовой системе. Очевидные особенности приобретают и механизмы его функционирования.

Специфика нормативных оснований юридической практики указывает на то, что для романо-германской правовой системы оказывается характерным «стремление к созданию абстрактных правовых норм, к охвату всей сферы права хорошо структурированной системой и, наконец, просто к разработке методов для построения юридических конструкций»¹. Как следствие, правовое мышление оказывается рационалистичным и дедуктивным.

Компонентами индивидуального правосознания, существенными для юридической практики, оказываются в первую очередь правовые установки и правовые оценки.

Правовые установки являются значимыми в силу того, что от их содержания непосредственно зависит то, насколько точно правосознание будет следовать целесообразным с точки зрения юридической практики моделям функционирования.

Значимость правовых оценок обуславливается тем, что, в силу господства юридического типа права и базового значения нормативного правового акта как источника права, важным для юридической практики моментом оказывается сообразование практической деятельности с юридическими нормами. Анализируя применение норм права как специфический вид юридической деятельности, Г.Ф. Шершеневич указывал, что в нем «для достижения юридического результата или для уклонения от юридических последствий необходимо произвести примерку фактического состава в данном или предполагаемом случае к норме права»². Представляется, что в применении к романо-германской правовой системе описанный способ действия оказывается основным, наиболее широко используемым в абсолютно любой сфере юридической практики.

Что касается притязаний, то в силу культурной специфики организации правовой жизни существенно влияют на юридическую практику лишь те из них, которые являются юридически признанными. Значимость иных правовых притязаний как фактора, оказывающего в процессе функционирования индивидуального правосознания влияние на юридическую практику, существенно снижается вследствие той специфической роли, которую играет человек как субъект права. Необходимо также учитывать и то об-

¹ Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 110.

² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Часть теоретическая. Философия права. Т. 1. Вып. IV. М. : Бр. Башмаковы, 1910. С. 699.

стоятельство, что присущий юридическому регулированию формализм объективно предполагает ориентированность практики на норму, а не на интерес, притязание. Такая ориентированность рассматривается в качестве условия достижения порядка как желаемой и предполагаемой цели правового регулирования. Допущение возможности воспроизводства и развития юридической практики в зависимости от реально существующих правовых притязаний рассматривается как то, что неизбежно приведет к противоречивости такой практики, ее иррационализации.

Поскольку в романо-германской семье роль господствующего источника права играет нормативный правовой акт, постольку базовой формой правового мышления становится толкование. Этим, с одной стороны, объясняется значимость для практики юридической доктрины даже в тех случаях, когда формально она не признается источником права, с другой стороны, обусловливается схематизация, формализация мышления, его догматизация. Важной для эффективного функционирования правосознания характеристикой оказывается также его ретроспективность (опора на предшествующий жизненный опыт).

Признавая естественное право неотъемлемой частью права, содержание любых рассуждений о нем выводят за рамки юридического мышления, определяют как философию права, которая имеет весьма опосредованное отношение к реальной практике и не случайно в этой связи противопоставляется юриспруденции и юридическому мышлению. Аналогичный процесс происходит по отношению к любым другим явлениям и процессам, которым либо не находится место в юридическом праве, либо от которых в последнем остается лишь форма.

Для индивидуального правосознания в юридической практике избыточными становятся вопросы о правовой сущности явлений, их природе, критериях правового и неправового, справедливости, равенстве и т.д. Предполагается, что для того, чтобы быть адекватным юридической практике, правосознанию достаточно опираться на догмы и аксиомы, нашедшие отражение в позитивном праве, возведенные в норму. Выход за рамки догм рассматривается как дезорганизующий фактор, влияние которого на юридическую практику негативно. При этом схематизация мышления тем более увеличивается, чем больше позитивное право стремится достичь до такой степени детализации и формализации, когда какие-либо возможности для различия в понимании, а, следовательно, и сама необходимость в интерпретационных, герменевтических усилиях исчезнут.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о существенном снижении значимости для юридической практики реализации индивидуальным правосознанием присущих ему функций в том смысле, что гармоничность юридической практики, полнота решения в ней конкретных задач оказываются лишь в незначительной степени зависящими от того, насколько адекватно функционирует правовое сознание. При этом модели функ-

ционирования, обусловленные потребностями юридической практики, содержательно, как правило, существенно упрощаются.

В процессе идентификации в первую очередь речь идет о решении по существу не вопроса о том, что есть применительно к данной ситуации право и неправое, а вопроса о том, какой юридической гипотезе, закрепленной законом или иным нормативным правовым актом, возникшая ситуация формально соответствует. Вопрос о правовых свойствах идентифицируемых фактов, явлений, процессов не ставится и не решается, поскольку для юридической практики оказывается незначимым.

Ориентация в юридической практике предстает не как установление действительных параметров правового пространства, целей и принципов права, а как освоение юридического поля деятельности как области, конструируемой юридическими нормами. При этом, несмотря на то, что такая область оказывается пространством, весьма существенно отличающимся от правовой среды, те составляющие последней, которые юридическое право не принимает во внимание, не формализует и/или не отражает в себе, правосознанием в идеале приниматься во внимание не должны. Более того, их нивелирование зачастую рассматривается в качестве необходимой предпосылки правильной ориентации как условия эффективности юридической практики.

Снижение значимости мотивационной функции предопределяется тем, что базовыми мотивами, необходимыми и достаточными для адекватного функционирования правосознания в юридической практике, оказываются те, которые связаны с признанием априорной целесообразности юридических норм и самоценности воспроизводимого ими и на их основе порядка. Личностное переживание правовой действительности, чувствование права рассматриваются как явления, которые сами по себе мало что значат в механизме формирования правомерного юридически значимого поведения.

Значимость реализации правосознанием моделирующей и прогностической функций снижается вследствие того, что образ должного формирует уже сама юридическая норма. Юридическая практика предполагает точное воспроизведение этого образа, при этом зачастую даже необходимость в его интерпретации отсутствует. Если же таковая все же возникает в силу абстрактности юридической нормы, то она может быть удовлетворена в процессе индивидуального юридического регулирования, осуществляемого в форме административного или управленческого правоприменения. При этом последнее организуется таким образом, что потребность в моделировании и прогнозировании в процессе ее осуществления, как правило, опять же оказывается минимальной.

Логическая законченность позитивного права предопределяет то, что значимость активного, творческого функционирования правосознания субъекта, а также критического анализа в юридической практике также

существенно снижается. Дело разрешает в действительности не конкретный наделенный властными полномочиями субъект, а закон: действуя от имени закона, этот субъект логически выводит решение из существующей системы правил. И даже в тех ситуациях, когда юридические правила фактически отсутствуют, субъект права руководствуется не собственным усмотрением, а строго следует предписаниям закона. Если последний допускает аналогию закона и права, руководствуются нормами, регулирующими схожие отношения, либо выводят общие принципы из существующей системы норм. Если аналогия закона и права формально-юридически не разрешена, тогда решение принимается исходя из того, что соответствующая ситуация находится вне сферы правового регулирования.

Следует отметить, что характер моделей функционирования, целесообразных с точки зрения юридической практики, в действительности изначально предопределяет высокую вероятность неадекватного функционирования правосознания. Представляя собой сложное, целостное образование, отражая правовую действительность во всем многообразии ее форм и проявлений, правосознание оказывается гораздо богаче и разнообразнее, чем требует от него юридическая практика. Его функционирование практически всегда становится избыточным в том смысле, что оказывается неспособным ограничиться выполнением строго очерченного круга функциональных задач, не проявляя себя в том, что приносит в юридическую практику момент дезорганизации, разрушает ее строгую упорядоченность.

Что касается общественного правосознания, то его значимость для юридической практики в целом также снижается.

Потребность в адекватной реализации общественным правосознанием отражательной и кумулятивной функций уменьшается вследствие снижения значимости для юридической практики индивидуального правосознания и его адекватного функционирования.

Значимость нормативной и стабилизирующей функций также снижается. Во-первых, решение задач, связанных с формированием императивов, составляющих нормативный базис воспроизводства юридической практики, а также выступающих ее стабилизационной основой, в достаточной степени обеспечивается законотворчеством. Во-вторых, те механизмы нормирования и стабилизации, которыми объективно располагает общественное сознание, по своей природе не позволяют обеспечить тот уровень формализма юридической практики, который адекватно воспроизводит в себе культурные особенности организации правовой жизни.

В силу того, что механизмы конструирования правовой реальности, используемые общественным правосознанием, объективно, в силу самой природы последнего, не могут оказаться адекватными тем моделям, которые приемлет юридическая практика, существенно снижается активность конструирующего функционирования правосознания.

Потребность в адекватной реализации общественным правосознанием опосредующей функции снижается вследствие того, что юридизированность правовой жизни, ее формализованность предопределяют существенное уменьшение потребности в обеспечении адекватности ее моральным и религиозным идеалам и ценностям. Юридическая практика в силу своих нормативных оснований объективно не может их отражать и к этому не стремится. Что касается политических идей, то отсутствие необходимости в том, чтобы «переплавлять» их в правовые идеи, обусловливается тем, что юридическое право как господствующий в романо-германской правовой системе тип права изначально уже их в себе выражает. Политические идеи лежат в основе правовых идей и норм. Как следствие, потребность в обеспечении адекватности юридической практики политической культуре общества сама собой отпадает.

Что касается легитимирующей и компенсаторной функций, то их значимость для юридической практики в романо-германской правовой системе увеличивается, в первую очередь, вследствие того, что такая практика не вполне адекватно отражает правовую жизнь во всем многообразии ее форм и проявлений, упрощает, схематизирует ее, а в ряде случаев даже симулирует ее воспроизводство. Вместе с тем, в силу того, что сама практика требует воспроизводства юридизированного сознания, а такое правосознание эффективно реализовывать легитимирующую и компенсаторную функцию оказывается неспособным, в данном случае говорить о реальном возрастании роли общественного правосознания для юридической практики опять же не приходится.

Изложенное свидетельствует о том, что, как и в случае с индивидуальным правосознанием, функционирование общественного правосознания для юридической практики в романо-германской правовой системе оказывается избыточным. Практика, по сути дела, требует от правосознания обеспечить осуществление нормативных установлений в том виде, в котором они были законодательно закреплены, без искажения их смысла, однако правосознание неизбежно стремится к тому, чтобы привнести в практическую деятельность и свое собственное содержание.

Оказывается, что «юридическая стационарность правосознания», необходимая для практики (с учетом специфики ее оснований и принципов организации в романо-германской правовой системе), с одной стороны, «зависит от качественного состояния правовой ментальности, степени развития имманентных ей духовно-психологических структур»¹, а, с другой стороны, ими же объективно не обеспечивается. Таким образом, выражения общественного правосознания в юридической практике становятся

¹ Меняйло Д.В. Правовой менталитет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 15.

препятствием для решения задач, связанных с обеспечением реализации законодательных и иных юридических установлений.

Оценивая преимущества и недостатки романо-германской правовой системы с точки зрения специфики функционирования правосознания в юридической практике, прежде всего следует сказать хотя и о незначительной, но все же неадекватности и индивидуального, и общественного правосознания юридической практике, обусловленной его объективной невозможностью, в силу специфики собственной природы, закономерностей воспроизводства и функционирования, обеспечить удовлетворение потребностей и запросов последней.

Если говорить о конкретных недостатках, связанных с содержанием и функциями правосознания, то в первую очередь необходимо акцентировать внимание на следующих моментах:

– степень противоречивости функционирования и общественного, и индивидуального правосознания (первого – в качестве духовно-интеллектуальной основы юридической практики, второго – в качестве непосредственно организующего ее фактора) существенно увеличивается вследствие противоречивости их содержания. Противоречивость функционирования правосознания, в свою очередь, снижает степень его адекватности юридической практике;

– оказываясь в определенной степени схоластическим, индивидуальное правосознание склонно «отрываться» от реальной правовой жизни, игнорировать ее (по крайней мере, те ее стороны и аспекты, которые не «вписываются» в строго логически выстроенную и выверенную схему). При этом, поскольку в действительности в правовой жизни достаточно много случайного, стихийного, зачастую реальная юридическая практика – будучи весьма далекой от тех идеалов и образов, которыми живет правосознание – оказывается не способной существенно повлиять на развитие правосознания. Как справедливо отмечают К. Цвайгерт и Х. Кетц, «на континенте оперируют понятиями, которые начинают часто жить собственной жизнью, что таит в себе опасность для тех, кто их применяет»¹;

– упрощение функций правосознания, обусловленных потребностями и запросами юридической практики, приводит к тому, что в реальности далеко не все потенциально существующие у правосознания функциональные возможности оказываются востребованными. Индивидуальное правосознание утрачивает стимул к творческому действию и активному использованию имеющихся у него ресурсов, а в результате высоковероятной оказывается снижение его активности в реализации функций, осуществление которых является минимально необходимым для эффективного осуществления юридической деятельности. Кроме того, в ситуациях, когда возникает необходимость мыслить шире, нежели только лишь юридическими

¹ Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 110.

категориями, отойти от уже существующих схем, правосознание оказывается к этому не готовым;

– способность индивидуального правосознания ориентироваться в новых, ранее не существовавших юридически значимых ситуациях, которые еще не были подвергнуты доктринальному анализу, не систематизированы и, как следствие, не нашли своего регулирования действующим законодательством, оказывается в большинстве случаев низкой. Правосознание не эмпирично, опирается в первую очередь не на жизненный опыт, а на обобщенные, систематизированные представления, а потому в ситуации, когда требуется не автоматически действовать по формализованной схеме, а импровизировать, оно оказывается дезориентированным;

– в силу специфики духовно-интеллектуальных оснований юридической деятельности высокой оказывается вероятность замены воспроизводства правового его симулированием. Например, именно для юридической практики романо-германской системы оказывается характерным фингирование¹, намеренное искажение действительных характеристик предмета с целью придать ему (или обнаружить в нем) те самые свойства, которые с юридической точки зрения должны у него существовать.

– следование той модели функционирования индивидуального правосознания, которую предлагает юридическая практика, в реальности не оказывается достаточной предпосылкой для обеспечения эффективности и гармоничности юридической практики, ее адекватности правовой жизни общества в целом. Равным образом, даже устранение противоречивости общественного сознания как духовно-интеллектуального фона юридической практики, его воспроизводство в ней только в идеях, адекватных формально-догматическим принципам ее организации, не способно обеспечить такое состояние юридической практики, которое бы удовлетворяло потребностям общества и человека;

– то обстоятельство, что, с одной стороны, причины недостаточной эффективности юридической практики правосознание видит в том, чем в действительности проблема не исчерпывается, а с другой стороны, в этой связи предпринимаемые меры не приносят желаемого позитивного эффекта, приводит следующему: чувство недостаточной эффективности юридической практики, недовольство ею становится практически постоянным состоянием индивидуального правосознания. Возникающий в качестве закономерного следствия дискомфорт оказывается способным разрушить всю сложившуюся систему юридической практики.

¹ См.: Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции // Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004. С. 130-132; Яблочков Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков: Очерки законодательной и судебной практики. Т. 2. Ярославль : Тип. Губ. правл., 1911. С. 396-409; Новиков К.А. Об абстрактных и каузальных сделках и обязательствах // Закон. 2010. № 11. С.96;

Изложенное не свидетельствует об отсутствии преимуществ функционирования правосознания в юридической практике. К числу таковых, в частности, следует отнести то, что в ситуациях, когда правосознание оказывается адекватным потребностям и запросам юридической практики, воспроизводство и развитие последней являются постепенными и предсказуемыми.

Кроме того, в условиях, когда роль и индивидуального, и общественного правосознания в юридической практике объективно снижается, неблагоприятные последствия тех негативных явлений, которые возникают в правосознании, оказываются менее существенными, чем это могло бы быть. Негативный эффект в данном случае нивелируется как раз вследствие того, что юридическая практика не слишком чутко реагирует на изменения, происходящие в общественном сознании.

Завершая рассмотрение вопроса, полагаем возможным сделать следующие выводы.

1. Содержательные выражения и функционирование в юридической практике и общественного, и индивидуального правосознания в значительной степени определяются спецификой господствующих типов права, его базовых источников как нормативных оснований юридической практики, особой ролью человека в правовой жизни общества и характером наиболее значимых свойств человека как субъекта права.

2. И индивидуальное, и общественное правосознание для юридической практики оказываются менее значимыми, чем это характерно для англосаксонской правовой системы.

3. Содержание и общественного, и индивидуального правосознания, их выражения в юридической практике в романо-германской правовой системе, в отличие от англосаксонской правовой семьи, являются противоречивыми. Это изначально снижает адекватность функционирования правового сознания.

4. Противоречивость правосознания обуславливается несовпадением в нем идей и ценностей, обусловленных ментальными основаниями западной правовой культуры, с идеями и ценностями, воспроизводство которых выступает результатом отражения существующей юридической практики и правовой жизни в целом.

5. Как и в англосаксонской правовой системе, культурные особенности юридической практики и правовой жизни в романо-германской системе в целом существенным образом влияют на способы и механизмы функционирования лишь индивидуального, но не общественного правосознания.

6. Идеальными характеристиками индивидуального правосознания, позволяющими ему эффективно функционировать в юридической практике, выступают его рационалистичность, схематичность, дедуктивность, догматичность, схоластичность, прагматичность. В реальности воплотить их в себе правосознание оказывается неспособным в силу своей природы,

и это определяет объективно низкую степень адекватности его функционирования.

7. Если в англосаксонской правовой системе проблемой для юридической практики является недостаточно активное функционирование правосознания, то в романо-германской системе – избыточное.

8. К недостаткам романо-германской правовой системы с точки зрения специфики функционирования правосознания в юридической практике следует отнести: не вполне адекватность правосознания юридической практике как вследствие его противоречивости, так и в силу того, что следование модели функционирования, стимулируемой юридической практикой, в действительности объективно не может обеспечить гармоничного развития последней; формирование предпосылок для игнорирования правовым сознанием реальной правовой жизни, утраты им способности адекватно ориентироваться в новых юридически значимых ситуациях, возникновения внутреннего правового дискомфорта и, как следствие, правового нигилизма; формирование условий для подмены в юридической практике воспроизводства правового его симулированием; снижение активности правосознания.

9. Преимущества романо-германской правовой системы состоят в том, что в условиях функционирования правосознания в юридической практике последняя развивается постепенно и предсказуемо, а последствия для практики негативных явлений, возникающих в правосознании, оказываются менее существенными, чем это характерно для англосаксонской правовой системы.

Глава 2. Правосознание и правовая культура в различных сферах юридической практики

§ 1. Правосознание и правовая культура в сфере законотворчества

Прежде чем приступить к решению вопроса о роли правосознания в сфере законотворчества, представляется необходимым уточнить те моменты, которые определяют специфику законотворчества как юридической практики и значимо влияют на воспроизводимое в связи с ней и функционирующее в ней правосознание. При этом, на наш взгляд, важно установить не только те обстоятельства, которые связаны с природой соответствующей юридической деятельности, но и с ее современными особенностями.

Прежде всего, специфика законотворчества определяется тем, что данный вид юридической деятельности является единственным непосредственно нацеленным на установление императивных норм, на возведение в закон властной воли, на придание последней общеобязательного значения.

Фактически воспроизводство императивных норм составляет смысл законотворчества. При этом, с одной стороны, условием, делающим возможным такое воспроизводство, выступает абсолютная независимость и полная самостоятельность законотворчества, причем, не просто как сферы публичной власти, но и как реально осуществляемой практической деятельности. С другой стороны, в современных условиях беспредельность, бесконтрольность и неограниченность превращают законотворчество в произвол, делают его результаты ничтожными, лишенными правового характера, а, следовательно, в этом случае, как и в ситуации отсутствия независимости и самостоятельности, законотворчество опять же лишается смысла. Последнее определяется тем, что законотворчество воспринимается как юридическая сфера, в которой, прежде всего, происходит реализация идеи правового государства и ряда других социально-правовых идеалов, характерных для современного общественного сознания: «именно через закон и более всего через законотворчество выражается демократическая природа государства, его возможности стать правовым государством, через законотворчество просматриваются формы и способы взаимосвязи государства и общества и отдельного человека, через законотворчество точнее всего на практике можно реализовать принцип разделения властей»¹.

На обеспечение устранения существующего противоречия в современной правовой жизни нацелена строгая формализация законотворчества

¹ Борсова Ж.П. Законотворчество в современном федеративном государстве (проблемы теории на опыте Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4.

как юридической деятельности. Как следствие, законотворчество оказывается сферой юридической практики, для которой процедурно-процессуальная сторона по значимости оказывается, как минимум, равной содержательной. При этом четкая структурированность законотворческого процесса, его стадийность, соблюдение формальных процедур не просто воспринимаются как условия эффективности соответствующего вида юридической деятельности и/или как условие ее легитимности. Само законотворчество начинает рассматриваться как процесс, «сумма организационных процессуальных действий»¹.

Законотворчество является коллективным видом юридической деятельности. Его результат предстает как решение, в основе которого лежат зачастую разные цели, интересы, притязания, установки и т.д. В этой связи, с субъективной точки зрения, в законотворчестве непосредственно организующим фактором выступает не индивидуальное правосознание, а общая воля как результат компромисса.

Однако указанное обстоятельство, на наш взгляд, вовсе не должно становиться основанием для того, чтобы рассматривать профессиональное правосознание определенной группы должностных лиц в качестве непосредственно организующего законотворческую практику. Функционирующим в данном случае выступает именно индивидуальное сознание, отражающее в себе, в том числе, черты и характеристики, обусловленные принадлежностью ее носителя к определенной профессиональной группе, и это индивидуальное сознание оказывается нацеленным на достижение компромиссного соглашения как на непосредственное условие, делающее возможным осуществление целей и задач юридической практики.

Законотворчество представляет собой узко специализированный вид юридической деятельности с той точки зрения, что его осуществление – функция строго определенного государственного органа (парламента). Иные субъекты, чье участие в законотворческой деятельности является возможным, выполняют обеспечивающие функции либо функции, реализацией которых достигается (по крайней мере, предположительно может быть достигнуто) фактическое воплощение в законотворческом процессе лежащей в основе его организации и осуществления идеологии.

Законотворчество как вид юридической деятельности перспективно в том смысле, что направлено именно на воспроизводство обязанностей, запретов и правомочий, а не на узаконение, санкционирование в действительности уже существующего. Вместе с тем, оно одновременно реактивно в том смысле, что выступает «ответом» на уже свершившееся – на возникновение новых отношений, снижение степени упорядочения, утрату способности к саморегулированию и т.д. В этой связи достижение оптимального для законотворчества как юридической практики состояния оказыва-

¹ Там же. С. 12.

ется достаточно сложной задачей, в связи с чем функционирование правосознания существенно усложняется.

Сущность законотворчества как специфического вида юридической практики и его современные особенности определяют формирование характерной лишь для него идеологии. Наиболее значимыми для законотворческой практики сегодня оказываются следующие идеи:

– идея о необходимости обеспечивать моделирование юридических норм, исходя из объективных потребностей общественного развития, убеждения и потребностей населения государства;

– идея о необходимости ограждать законотворчество от субъективизма и обеспечивать научно-профессиональный подход к законотворческой деятельности;

– идея о необходимости принципиального соответствия сущности и содержания отдельных законотворческих мероприятий и решений общим принципам и направлениям законодательной политики государства¹;

– идея о необходимости учитывать в законотворческой деятельности требование справедливости, стремиться к созданию справедливых законов (причем, справедливых не только в свете проводимой государством политики, а именно в морально-правовом смысле) постольку, поскольку только верховенство справедливых законов выступает условием и признаком правового государства;

– идея о том, что качество и эффективность законотворческой деятельности в значительной степени зависят от системности осуществления таковой, ее рациональности, плановости, проработанности, согласованности и взаимодополнительности совершаемых действий, предпринимаемых мер и используемых законотворческих средств;

– идея о возможности уравнивания посредством законотворческой деятельности различных социальных интересов;

– идея об обусловленности содержания законотворческой практики формой государства, и в первую очередь – государственным (политическим) режимом;

– идея об обязательности для законодателя предъявляемых к нему обществом требований;

– идея о подчиненности законотворческой практики во всех ее проявлениях (в том числе – непосредственно самого процесса разработки и притязания законодательных актов) действующему законодательству, ее юридической опосредованности;

– идея о том, что целью законотворческой деятельности является обеспечение реальности осуществления прав и свобод человека, обеспечение интересов гражданского общества;

¹ См.: Спиринов М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 107-108.

– идея об обусловленности расширения границ государственно-властного регулирующего воздействия на общественные отношения уложением социальной жизни.

Обозначенные идеи находят свое концентрированное выражение в принципах законотворчества. Таковыми на сегодняшний день чаще всего признаются принципы законности, демократизма, гласности, правового характера законотворческой деятельности, научной обоснованности, профессионализма, практичности, признания высшей ценностью прав и свобод человека, технико-юридического совершенства законотворчества¹.

Изложенное, на наш взгляд, свидетельствует о том, что содержание идеологии законотворчества в целом демонстрирует сложное сочетание моментов, по природе своей выступающих политико-правовыми и нравственно-правовыми. С одной стороны, сущность и предназначение законотворческой деятельности определяют значимость для его идеологии политико-правовых идей. С другой стороны, восприятие в современном культурно-историческом контексте законотворчества как деятельности, которая должна быть подчинена естественно-правовым установлениям, предопределяет высокую значимость для нее морально-правовых идей.

Противоречивость политико-правовых и морально-правовых идей, а зачастую и обнаруживающаяся их несовместимость не могут не сказаться на функционировании общественного правосознания в рассматриваемой сфере. И самым очевидным их последствием выступает изначально низкая вероятность адекватного функционирования общественного правосознания в рассматриваемой сфере. В частности, противоречия, возникающие между политико-правовыми и морально-правовыми идеями, становятся предпосылкой к тому, что в реальности общественное правосознание оказывается не способным полно и, как следствие, результативно и непрерывно реализовывать определяемые самой юридической практикой функции. Особенно острой данная проблема оказывается тогда, когда речь идет о стабилизирующей функции. В реальности, в силу внутренней противоречивости, идеология законотворчества оказывается не фактором, обеспечивающим стабильность законотворческой практики, а, наоборот, придает ей неустойчивость, динамизм.

Что касается индивидуального правосознания, то его специфика в значительной степени определяется тесной и устойчивой содержательной связью с общественным правосознанием, которая в сфере законотворчест-

¹ См.: Спирин М.Ю. Указ. соч. С.117-119; Кибак И.А. Соблюдение принципов в законотворческой деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 2. С. 128-129; Бахвалов С.В., Карташов В.Н. Законодательная технология субъектов Российской Федерации. Ярославль : ЯрГУ, 2010. С. 145-152; Чухвичев Д.В. Законодательная техника. М. : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2006. С. 72-79; Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 2004. С. 101-120 и др.

ва находит свое выражение в том, что идеология законотворческой деятельности выступает значимым фактором формирования культуры законотворчества.

В рассматриваемой сфере характерными для индивидуального правосознания субъектов законотворческой деятельности установками оказываются:

- установка на признание изначальной полезности и целесообразности законотворческой деятельности;
- установка на исследование реальных социальных и политических процессов перед принятием законотворческих решений;
- установка на системное и целенаправленное осуществление законотворческой работы;
- установка на инициативное и творческое действие субъектов законотворчества;
- установка на обеспечение достаточного законодательного регулирования (при этом достаточность не отождествляется с оптимальностью, допускает в том числе и избыточность, но ни в коем случае не неполноту);
- установка на реализацию именно тех целей законотворческой деятельности, которые обусловлены существующей потребностью в упорядочении общественных отношений;
- установка на создание в процессе законотворчества системы юридических гарантий ретрибутивной обеспеченности действия закона в дальнейшем;
- установка на специальную техническую (языковую, логическую, специально-юридическую и т.п.) обработку императивного предписания, оформляемого в норме закона.

Важно отметить, что для индивидуального правосознания в законотворческой практике характерным оказывается отсутствие установки на самоконтроль; установки на прогнозирование социальных последствий принимаемых законотворческих решений, исходя из реальной специфики самих регулируемых отношений и действительных условий их воспроизводства и развертывания; установки на ответственность законодателя за последствия осуществляемой им деятельности.

Содержание индивидуального правосознания в сфере законотворчества характеризуется следующими притязаниями:

- на достаточность императивных велений и выражающих их норм для упорядочения общественных отношений. Фактически речь идет о том, что субъект законотворчества притязает на то, чтобы результат его юридической деятельности обеспечивал исчерпывающее решение задач, связанных с регулированием отношений в определенной сфере, не нуждался в дополнительных средствах обеспечения, будь то нормы, закрепленные неюридическими источниками, средства обеспечения и т.д. Вместе с тем, уже

сам комплексный характер механизма правового регулирования предопределяет то, что рассматриваемое притязание является необоснованным и неосуществимым. Напротив, стремление к его реализации может создать определенные проблемы в обеспечении эффективного правового регулирования, затруднив функционирование других необходимых элементов. Отдельно следует подчеркнуть, что фактически следствием реализации соответствующего притязания в законотворческой практике становится постепенная детализация юридического регулирования;

– на расширение полномочий по обеспечению эффективной реализации устанавливаемых им императивных норм. Субъект законодательной деятельности, стремясь обеспечить реализацию притязания на достаточность своих императивных велений для регулирования общественных отношений, рассчитывает не только на полноту и глубину познания социальной действительности, как условие эффективного осуществления законотворческой деятельности, но и на возможность одновременно с изданием юридических норм создать юридические механизмы обеспечения их реализации. При этом, поскольку учесть все условия действия юридических норм, просчитать их возможные результаты на практике практически невозможно, притязание на то, чтобы участвовать не только в правоустановлении, но и в правообеспечении, оказывается весьма значимым;

– на превращение законотворчества из правомочия в право. Специфика законотворческой деятельности, ее природы и сущности предопределяет то, что закономерным для субъекта, ее осуществляющего, оказывается стремление к тому, чтобы правомочие, предоставленное ему государством в качестве способа, средства реализации его функций, трансформировалось в принадлежащее ему право. Это обстоятельство весьма негативно сказывается на состоянии и развитии соответствующей сферы юридической практики;

– на использование в качестве базового критерия оценки качества законотворчества его соответствия общественным потребностям и способности обеспечивать регулирование общественных отношений¹. Аналогичным образом качество закона нередко трактуется и в специальной литературе².

Таким образом, законодатель стремится исключить из числа критериев оценки качества осуществляемой им юридической деятельности и реальные показатели эффективного действия закона как результата такой деятельности, и формальные, технические моменты. Фактически законода-

¹ Речь идет именно о способности обеспечивать регулирование общественных отношений, а не об эффективном, действенном регулировании в реальности.

² См., например: Петров А.И. Законотворчество как особый вид деятельности представительного органа государственной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007; Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1993 и др.

тель стремится к тому, чтобы результаты его деятельности оценивались исходя из того, как мог бы действовать тот или иной закон в идеальной для него среде, характеризующейся отсутствием препятствующих реализации изначального замысла факторов.

Последнее из перечисленных правовых притязаний неразрывно связано с воспроизводством в индивидуальном правосознании, функционирующем в рассматриваемой сфере юридической практики, специфических правовых оценок. В реальности такие оценки опираются в первую очередь на собственный правовой опыт субъектов законотворческой деятельности. При этом речь идет о представлениях как о том, что собой представляет эффективное и целесообразное законотворчество, так и о том, какая его организация может быть признана наиболее оптимальной. Объектом оценивания выступает в первую очередь именно законотворчество как деятельность и процесс, а не законодательство как конечный результат этой деятельности и процесса.

Содержательная специфика индивидуального правосознания обусловливает особенности его функционирования в законотворчестве как особой сфере юридической практики. Во-первых, поскольку законотворческий процесс является стадийным, постольку функционирование правосознания участников соответствующей юридической деятельности, как предполагается, должно также быть строго последовательным, логически формализованным. В этой связи высокий уровень правовой культуры законодателя отнюдь не оказывается достаточным условием адекватности его правосознания законотворчеству как специфической сфере юридической практики.

В значительной степени она также зависит от владения формальными процедурами и приемами законодательной техники. Весьма точным следует признать следующее утверждение: «Процедура конструирования закона является достаточно кропотливой и трудоемкой творческой работой, выполнение которой для неподготовленного человека представляется явно трудноразрешимой задачей... самым главным аспектом в разрешении названной проблемы... представляется необходимость подготовки специалистов, знающих не просто процедуру создания закона, а свободно владеющих вопросами законодательной техники, умеющих конструировать закон»¹.

Вместе с тем, формализовать деятельность человеческого разума объективно невозможно, и в этой связи практически неизбежно нарушение той схемы, следование которой обеспечивает в законотворческой деятельности необходимую степень формализма.

¹ Булаков О. Актуальные вопросы законотворчества и законодательной техники // Право и жизнь. 2003. №11.

Во-вторых, возникают предпосылки для возрастания роли индивидуального правосознания в законотворческой деятельности. Вместе с тем, в условиях формализации процесса законотворчества, ограничения свободы творчества для его субъектов эти предпосылки в действительности не находят своей реализации, что предопределяет определенную адекватность в функционировании правосознания и, как следствие, негативные последствия для юридической практики.

Существенное снижение инструментальной значимости индивидуального правосознания, которое в целом негативно сказывается на развитии рассматриваемой сферы, предопределяет и специфика идеологии законотворческой деятельности.

Эффективность законотворчества в значительной степени зависит от того, каков потенциал индивидуального правосознания и насколько полно он реализуется. При этом то, используется ли соответствующий потенциал активно и эффективно (а, следовательно, в значительной степени и то, как осуществляется функционирование индивидуального правосознания в целом), в значительной степени зависит от развитости культуры законотворчества. Для формирования последней значимым фактором выступает идеология законотворческой деятельности. При этом в условиях, когда содержательная связь индивидуального правосознания с общественным оказывается тесной и устойчивой, противоречивости составляющей основу законотворческой деятельности идеологии оказывается достаточно для того, чтобы существенно снизить эффективность функционирования индивидуального сознания в рассматриваемой сфере.

В-третьих, специфика идеологии законотворчества предопределяет то, что и сама идеальная модель законотворчества и адекватная ей модель индивидуального сознания в соответствующей сфере юридической практики оказываются утопичными.

С одной стороны, предполагается максимальная полнота и самостоятельность в осуществлении законотворческой деятельности, с другой стороны, предполагается правовой характер такой деятельности. Действительно, творческий характер законодательной деятельности, а одновременно и наиболее полная реализация предназначения законотворчества – производства императивных норм – возможны тогда, когда правосознание законодателя в своем функционировании ничем не ограничивается. Вместе с тем, реализация идеи о законотворчестве как о деятельности, подчиненной праву, основанной на нем, возможна только тогда, когда свобода творчества индивидуального правосознания в соответствующей сфере ограничена определенными рамками, а отсутствие последних воспринимается как фактор, свидетельствующий о незащищенности общества от произвола законодателя.

В-четвертых, стремление обеспечить оптимальное состояние законотворческой практики влечет за собой ее формализацию. В условиях, когда

такая формализация в реальности не дает желаемого эффекта (а она и не может его дать по объективным причинам), она постоянно усиливается. В результате законодатель превращается в субъекта, функционирование правосознания которого в соответствующей сфере юридической деятельности оказывается минимальным. Функционально сознание нацелено уже не на воспроизводство воли и выражающих ее императивных требований, а на познание обстоятельств, прогнозирование тех моделей юридического регулирования, которые позволят придать этим обстоятельствам наибольшую степень упорядоченности.

В-пятых, отдельно следует подчеркнуть, что специфика идеологии законоотворчества все же имеет не только негативные, но и моменты, позитивные для функционирования правосознания в рассматриваемой сфере. В частности, тесная связь одновременно и с политическими, и с моральными идеями предопределяет высокую вероятность адекватного функционирования правового сознания в реализации им опосредующей функции. Как следствие, соответствующая деятельность сама по себе (безотносительно к ее конкретным результатам) и с политической, и с религиозной, и с моральной точки зрения изначально оказывается оправданной, что обуславливает отсутствие потребности в осуществлении идеологической работы, направленной на ее легитимацию.

В-шестых, если говорить непосредственно о специфике реализации тех функций правосознания, потребность в осуществлении которых обуславливается самой юридической практикой, то в конечном итоге оказывается, что средства и способы их осуществления в значительной степени обедняются. При этом указанное обстоятельство выступает логическим следствием процедуризации и механизации соответствующей деятельности.

Завершая рассмотрение вопроса о роли правосознания в законоотворчестве, полагаем возможным сделать следующие основные выводы.

1. В законоотворчестве как специфической сфере юридической практики существенную роль играют и общественное, и индивидуальное правосознание. Однако в целом для сферы законоотворчества более значимым является общественное правосознание; его адекватность, особенно с учетом того, что в современных условиях степень формализации законоотворческой деятельности постоянно увеличивается, оказывается более значимой для эффективного осуществления соответствующего вида деятельности, чем адекватность индивидуального правосознания.

2. Последнее обстоятельство в значительной степени определяется тем, что в силу тесной связи индивидуального правосознания субъектов законоотворческой деятельности с общественным правосознанием адекватность юридической практике первого в значительной степени зависит от содержательной и функциональной специфики второго.

3. Адекватное функционирование общественного правосознания как духовно-интеллектуального фона законотворческой деятельности существенно осложняется тем, что оно характеризуется сложным сочетанием моментов, часть из которых имеет политико-правовую природу, а часть – нравственно-правовую.

4. Серьезным препятствием адекватному функционированию индивидуального правосознания в законотворческой сфере становится то, что сама модель его функционирования, обусловленная потребностями и запросами юридической практики, является противоречивой. С одной стороны, она предполагает активное творческое функционирование сознания, с другой стороны, функционирование строго последовательное, логически формализованное.

5. В современных условиях, характеризующихся тенденцией к формализации процесса законотворчества, законодатель превращается в субъекта, функционирование правосознания которого в соответствующей сфере юридической деятельности постепенно минимизируется. Средства и способы осуществления функций, реализуемых правосознанием в рассматриваемой сфере юридической деятельности, постепенно обедняются.

§ 2. Правосознание и правовая культура в сфере правосудия

Исследование роли правосознания в сфере правосудия требует, прежде всего, уточнения сущности и специфики соответствующей области современной юридической практики. Решение поставленной задачи затрудняется тем обстоятельством, что четкого представления о том, что есть правосудие, в современной правовой науке, как ни странно, нет. Оно определяется и как «особый вид государственной деятельности, осуществляемой исключительно органами судебной власти путем рассмотрения уголовных, гражданских и иных дел»¹, и как «особый вид государственной (публичной) деятельности, состоящий в том, что независимый, беспристрастный и справедливый суд (суды) на основе закона рассматривает и разрешает правовые споры и дела, отнесенные к его ведению в установленных законом правовых формах»², и как «органичное движение материального права в процессуальном пространстве в целях достижения справедливости»³, и как «интересы деятельности судов общей и арбитражной юрисдикции по законному рассмотрению и разрешению дел в порядке кон-

¹ Государственное и муниципальное управление / под ред. В.Д. Кривога. М. : Изд. Центр ЕАРИ, 2009. С. 116.

² Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М. : Юрист, 2001. С. 821-822.

³ Немытина М.В. Интегративная модель российского правосудия // Диалог культур в условиях глобализации : XI Международные Лихачевские научные чтения, 12-13 мая 2011 г. Т. 1. : Доклады. С. 475.

ституционного, уголовного, гражданского и административного судопроизводства, определенном международными договорами Российской Федерации, Конституцией Российской Федерации, федеральным конституционным и федеральным законодательством РФ»¹. Имеются и другие определения, зачастую весьма существенно отличающиеся от приведенных.

На наш взгляд, если говорить о правосудии именно как о сфере юридической практики, то в данном случае его следует понимать предельно широко, отождествляя с юстицией, включающей, в том числе, процессуальную и исполнительную деятельность. Целесообразность подобного подхода определяется тем, что при рассмотрении правосудия в обозначенном аспекте непосредственно отделить суд от его «инфраструктуры», а деятельность судебных органов - от деятельности других участников процесса (как вступающих в него в своих интересах, так и реализующих обеспечительные функции), значит не охватить своим вниманием соответствующую сферу целиком, а сосредоточиться только на отдельном, хотя и важном, составляющем ее моменте.

Как справедливо отмечает М.В. Немытина, «понятие «правосудие» можно рассматривать в смысле достижения обеспечения прав человека... И в этой связи проблемы правосудия перестают быть уделом профессиональных юристов, а становятся делом общества... Правосудие отправляется от имени государства, но адресуется обществу. Конфликты частных интересов в стенах судов переходят в плоскость публичных интересов»².

К числу характеристик правосудия как специфической сферы юридической деятельности, определяющих особенности функционирующего в ней правосознания, следует прежде всего отнести его нацеленность на защиту субъективных прав.

В специальной литературе и нормативных источниках встречаются и другие подходы к решению обозначенного вопроса. Так, например, существует точка зрения, в соответствии с которой правосудие понимается как услуга, оказываемая от имени государства³. Однако именно в защите прав физических и юридических лиц, в такой защите нуждающихся и за ней борющихся, видится подлинный смысл и назначение правосудия.

Во-первых, правосудие неразрывно связано с достижением справедливости (правды, милости в контексте отечественной правовой традиции) для конкретного человека. Во-вторых, подобное понимание правосудия не

¹ Коробейников А.А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С.56.

² Немытина М.В. Указ. соч. С. 475.

³ Такой подход к пониманию целей правосудия нашел свое отражение в Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 года, где гражданский процесс рассматривался в качестве услуги, оказываемой государством сторонам. См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 98.

является исключительно доктринальным, а характерно и для обыденного сознания, отражает ожидания общества, требования, предъявляемые им к суду. В-третьих, осуществляясь государственно-властным порядком, деятельность суда отличается тем, что законность здесь – в первую очередь именно процедурно-процессуальное требование, и с его реализацией ни в коей мере не связывается фактическая эффективность этой деятельности.

В специальной литературе в качестве специфического признака правосудия достаточно часто указывается на то, что оно осуществляется судом, представляет собой специфическую функцию государства¹. Вместе с тем, на наш взгляд, если рассматривать правосудие как юридическую практику, то о суде более корректно было бы говорить лишь как об основном его субъекте, организующем и направляющем развитие соответствующей сферы деятельности и выступающем в этой связи по отношению к другим участникам судопроизводства носителем власти. Суд следует рассматривать также в качестве субъекта, которому принадлежит право окончательного решения по существу дела.

Правосудие представляет собой коммуникативную сферу. В отличие, например, от законодательства, в нем и содержание, и результаты определяются характером взаимодействия множества участвующих в нем и различающихся своими правовыми ролями субъектов. Более того, потребность в правосудии существует только там, где есть противостояние. Как целостность оно может существовать только как диалог. Чем более активным является «говорение», тем более высока вероятность того, что в процессе судопроизводства цели правосудия реально будут достигнуты.

Отдельно следует подчеркнуть, что в случае, когда коммуникативность из сферы правосудия уходит, оно превращается в администрирование.

Будучи сферой коммуникации, правосудие специфично тем, что в нем, в сущности, происходит взаимодействие между субъектами, для каждого из которых заранее определено место и роль в нем. При этом функции субъектов не просто строго определены, предзаданы, но еще и четко разграничены, распределены, и обмен ролями оказывается принципиально невозможным.

Правосудие имеет не только сугубо практическое, но и символическое значение. Оно выступает, прежде всего, символом торжества справедливости. Помимо того, в различном историческом и культурном контексте правосудие способно оказываться символом справедливого разбирательств-

¹ См.: Маняк Н.И. Этические нормы и принципы правосудия. М. : Миттель Пресс, 2010. С. 48; Чикшов П.Н. Понятие правосудия и посягательства против интересов правосудия // Современные проблемы государства и права : сборник научных статей. Архангельск : Изд-во Поморского ун-та, 2006. С. 69-70; Скаун А.И. Правосудие: теоретический анализ, понятие и содержание // Подходы к решению проблем законодательства и правоприменения. Вып. 13. Омск : Изд-во Омской академии МВД России, 2006. С. 15 и др.

ва спора государством, правды, милости, соразмерности ответственности, неизбежности кары и т.д.

При этом следует отметить, что в силу объективных причин то, что в реальности представляет собой и обеспечивает правосудие, весьма существенно отличается от того, что оно символизирует. В частности, стремясь к тому, чтобы обеспечить достижение справедливости как социального идеала, в действительности правосудие оказывается способным позволить воплощение в жизнь того, что соответствует представлениям о справедливости лишь одного или, в лучшем случае, строго определенного круга субъектов.

Говоря о специфике современного правосудия, прежде всего, необходимо указать на то, что его формализация, процессуализация превращает его из самостоятельного способа воспроизводства права во вспомогательное организующее звено механизма государственно-правового регулирования, которому отводится в основном техническая роль. В этой связи вполне понятными становятся и допускаемое в специальной литературе отождествление правосудия и судопроизводства¹, несмотря на то, что в действительности они соотносятся между собой как форма и содержание.

В реальности правосудие политизируется и, как следствие, различные его аспекты и проявления становятся предметом не только правовых, но и политологических исследований². При этом суд начинает рассматриваться как «институт осуществления власти»³, а правосудие – как «инструмент политической системы»⁴.

С политизацией правосудия связано его превращение в сферу борьбы между законом и частным интересом. Как справедливо отмечает Т.К. Касумов, «на поле правосудия основными противоборствующими сторонами являются закон, справедливость и интерес. Именно закон в первую очередь борется против интереса, пытаясь, взять себе в союзники справедливость, интерес же, стремится к своей цели напрямую, со своей «справедливостью». В то время как высшая справедливость смотрит на них свысока, мало надеясь обрести среди них свою бытийность»⁵. При этом, следует под-

¹ См.: Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М. : Юрист, 2001. С. 821-822; Смирнов О.М. К вопросу о юридическом значении законодательного закрепления принципов российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы совершенствования законодательства, правоприменения и правовых теорий в России и за рубежом : материалы Международной научно-практической конференции. Т. 1. Челябинск: Филиал МПГУ в г. Челябинске, БУПИ, 2008. С. 426-427 и др.

² См.: Сергеев Д.Н. Конституционное правосудие в России: политико-правовое исследование : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005; Леонов И.Н. Политологический анализ реформы судебной системы РФ : дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010 и др.

³ Сергеев Д.Н. Указ. соч. С. 8.

⁴ Касумов Т.К. Социология правосудия: вопросы методологии и предвидения // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2008. № 5. С. 27.

⁵ Там же. С. 28.

черкнуть, правосудие воплощает в себе не борьбу общественного интереса и частности, формального и содержательного, а противостояние государства и человека, что негативно сказывается на развитии рассматриваемой сферы юридической практики в целом.

Еще одной характеристикой современного правосудия становится то, что возведение в абсолют права на судебную защиту превращает его из сферы защиты права в сферу разрешения конфликтов интересов сторон. Возможна ситуация, которую описывает М.В. Немытина: «Одна сторона не выполняет обязательства в отношении другой, не выполняет их потому, что, например, не в состоянии их выполнить в настоящее время. И если даже судебное решение будет вынесено, то обстоятельства этой стороны не изменятся, и выполнить свои обязательства она все равно не сможет»¹. Однако возможна и ситуация, когда обращение в суд оказывается связанным со стремлением достигнуть целей, правовыми по своему характеру не являющихся. Так, в частности, оно может быть обусловлено стремлением извлечь материальную выгоду путем заявления иска о возмещении морального вреда, в действительности не наступившего, но, якобы, причиненного несоблюдением юридически закрепленных формальных (процедурно-процессуальных) требований. Очевидно, что решение подобных конфликтов – функция, которая не только не вытекает из природы правосудия, но и объективно не может быть реализована посредством его осуществления. Вместе с тем, подобное изменение содержания деятельности суда, характера разрешаемых им дел со всей очевидностью сказывается на всей сфере правосудия.

Представляя собой суд по праву, правосудие в современном мире становится многообразным по своим формам вследствие усложнения самого права, его неоднородности. В самом общем виде можно вести речь о таких современных формах правосудия, как правосудие по закону, по справедливости и по обычаю.

Правосудие по закону представляет собой процесс обеспечения реализации юридического права в конкретных жизненных обстоятельствах (казусах). Суть разрешения дела заключается в вынесении строгого с формально-логической точки зрения заключения на основе регулирующей соответствующий казус юридической нормы. «Судья ... не призван определять, какой образ действий по самой сущности дела был бы наиболее желательным в данном случае: он определяет только то, под какое правило закона подходит этот случай, т.е. что предписал законодатель делать в подобного рода случаях, а потому какое намерение надо предположить у него относительно данного случая»². Свобода усмотрения судьи сводится к вы-

¹ Немытина М.В. Указ. соч. С.476.

² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Часть теоретическая. Философия права. Т. 1. Вып. IV. М. : Бр. Башмаковы, 1910. С. 676.

бору из юридически определенных альтернатив, а базовым требованием и критерием правосудности вынесенного решения становится законность.

Правосудие по справедливости характеризуется абсолютным господством судьи, его активной ролью в определении и выборе нормативных оснований правосудия, которые изначально никогда не являются безусловными и безальтернативными. Обязательными оказываются только наиболее общие принципы права, а не нормы закона или другого формального юридического источника. Базовым требованием и критерием правосудности вынесенного решения становится обоснованность. При этом реализация соответствующего требования может быть обеспечена, в том числе, и «подбором» аргументов, подтверждающих правильность интуитивно вынесенного решения.

Правосудие по обычаю по месту и роли в нем суда и судьи имеет больше общего с правосудием по закону, нежели с правосудием по справедливости. В правосудии по обычаю судья выступает не как активная, инициативная сторона, а как субъект, цель деятельности которого состоит в том, чтоб определить, под какое уже существующее правило подходит конкретный случай. При этом если в правосудии по закону судья может выбирать из нескольких юридически установленных альтернатив, то в правосудии по обычаю он, как правило, бывает лишен такой возможности. В отличие от правосудия по закону, правосудие по обычаю связано с обеспечением устойчивости, повторяемости отношений, и судья в нем выступает прежде всего как гарант заведенного порядка. Базовым требованием и критерием правосудности вынесенного решения становится его стереотипность и, как следствие, легитимность.

Идеология, лежащая в основе современного правосудия, имеет специфическое содержание. Каждая из обозначенных выше форм современного правосудия характеризуется своей особенной идеологией. Однако, поскольку юридизированный характер современного права предопределяет то, что базовой, основной формой правосудия оказывается именно правосудие по закону, постольку в реальности наиболее значимой для судебной практики оказывается именно идеология данного вида правосудия.

Наиболее важными идеями, составляющими идеологию правосудия по закону, выступают:

- идея о судебной деятельности как специфической форме (разновидности) правоприменения, наряду с административной (оперативно-исполнительной) деятельностью;
- идея о том, что предназначением правосудия является обеспечение порядка;
- идея о преследовательной направленности правосудия;
- идея о недостижимости высшей справедливости (справедливости как социального идеала) посредством правосудия;

– идея о том, что на практике правосудие есть воспроизводство справедливости во имя закона;

– идея о том, что правосудие не может устраивать всех и недоверие отдельных субъектов права, их неверие в социальную ценность правосудия неизбежна;

– идея о том, что недоверие правосудию и неверие в его социальную ценность не снижают его реальной значимости и не являются признаками его неэффективности;

– идея о том, что способность правосудия обеспечить достижение стоящих перед ним целей в значительной степени зависит от качества действующего законодательства;

– идея о существовании зависимости между соблюдением формальной, процедурно-процессуальной стороны производства и быстрым, полным и экономичным достижением целей правосудия;

– идея о незначимости личности судьи и его индивидуальных качеств, за исключением связанных со способностью и желанием подчиняться требованиям закона и претворять их в социальную практику.

Несмотря на то, что в реальности для современного правосудия наиболее значимыми оказываются идеи, составляющие идеологию правосудия по закону, система принципов правосудия, формирующаяся с учетом неоднородности форм соответствующего вида юридической деятельности, включает в себя основополагающие идеи, требования, обусловленные, в том числе, и идеологией правосудия по справедливости и по обычаю. Так, например, к принципам правосудия традиционно относят принцип равенства всех перед законом и судом¹, который по природе своей не является обусловленным идеологией правосудия по закону, и представляет собой требование, содержательно связанное с правосудием по справедливости.

Тот факт, что принципы правосудия позиционируются и воспринимаются, а, следовательно, и реализуются как универсальные, не учитывается то, что содержательно они обусловлены идеологией, лежащей в основе совершенно различных по своему характеру форм правосудия, предопределяет следующее: в реальности судебная практика оказывается во многом хаотичной и противоречивой; постепенно снижается эффективность и, как следствие, ценность рассматриваемых всех трех форм правосудия. При этом, несмотря на то, что снижение эффективности и значимости правосудия обуславливается утратой каждой из его форм естествен-

¹ См.: Карташов В.Н. Принципы права (некоторые аспекты понимания и классификация) // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Вып. 3. Ярославль : Изд-во Ярославского гос. ун-та, 1999. С.7; Асликян С.Э. Уголовно-правовое обеспечение реализации конституционных принципов осуществления правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 39; Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М. : Юристъ, 1998. С. 132 и др.

ных, природных характеристик, довлением над ними идеологии правосудия по закону, это не становится стимулом возвращения их к исходному состоянию, а влечет за собой дальнейшую юридикацию, доминирование правосудия по закону там, где исторически наиболее эффективными оказывались правосудие по справедливости или обычаю.

Описанный процесс оказывается нехарактерным, пожалуй, лишь для сферы криминального права, которая в силу самой своей специфики процессом юридикации не охватывается. Здесь и правосудие по обычаю, и правосудие по справедливости оказываются весьма эффективными, причем, в значительной степени в силу того, что роль в них идеологии как духовно-культурного фона остается высоко значимой.

Что касается индивидуального правосознания, то четкая разграниченность и распределенность функций между участниками судопроизводства предопределяет то, что содержательно их правосознание оказывается наполненным различным содержанием.

Содержание, а также роль индивидуального правосознания в рассматриваемой сфере юридической практики в значительной степени определяются видом правосудия. При этом господствующая роль юридического права в жизни общества в условиях содержательной связи общественного и индивидуального правосознания предопределяет то, что и индивидуальное правосознание преимущественно представлено установками, притязаниями и оценками, по природе своей связанными именно с правосудием по закону.

Установки правосознания в сфере правосудия определяются в первую очередь функциональной ролью ее носителя. Для судьи это установки на суверенность суда, на то, что он защищает закон, и если закон неэффективен, то и судья бессилён; на необходимость защиты права, а не субъектов правоотношений, их правомерных притязаний и интересов; установка на разрешение конфликта (спора), а не непосредственно самой юридически значимой ситуации; установка на базовое значение арбитражной функции суда; установка на закрытость правосудия, ограниченный доступ населения к участию в его осуществлении. Для прокурора это установки на соблюдение формальных требований, процедуры судопроизводства; на рационализм правосудия; на превращение суда в инструмент обеспечения реализации воли законодателя; на обезличенность судебной власти (отсутствие зависимости содержания принимаемого решения личностью судьи); на ответственность судьи; на принудительность суда; на конкретность и четкость судебного решения; на обеспечение быстроты судопроизводства; на обеспечение реализации принципа неотвратимости ответственности; на признание сдерживания неправомерной активности основным предназначением правосудия. Для адвоката это установки на необходимость достижения компромисса, на активную борьбу за отстаивание субъективного интереса, который он представляет, на базовый характер правокорректирующей

(адаптирующей) функции суда, на высокую степень неопределенности с точки зрения содержания любой нормы, подлежащей применению при разрешении дела и, как следствие, вариативность ее возможных интерпретаций, на невозможность непредубежденности суда и существование потенциальной возможности изменить решение, сформировав ее в свою пользу. Для подсудимого (ответчика) это установки на самооправдание; на апеллирование к милости, гуманизму; на отрицание или преуменьшение фактически причиненного вреда; на апеллирование к незнанию или формальному соблюдению требований закона, несправедливости, неясности и (или) противоречивости нарушенных положений последнего, а также к собственной добропорядочности и неправомерности действий потерпевшего; на достижение примирения с потерпевшим (истцом). Для потерпевшего (истца) это установки на карательно-репрессивный характер правосудия, его суровость; на защиту интересов и притязаний, а не права, формализмом которого можно пренебречь в интересах человека; установка на преувеличение фактически причиненного вреда и собственных душевных страданий, а в ряде случаев – их некомпенсируемость.

Неоднородными в силу распределенности функций и процессуальных ролей оказываются и правовые притязания участников судебного производства. Для судьи базовым притязанием оказываются притязания на полномочие, свободу усмотрения, независимость в принятии решения, неподконтрольность и неподотчетность, действие от лица государства и, как следствие, отсутствие личной (персональной) ответственности, а также авторитет. Для прокурора базовым притязанием оказывается притязание на соблюдение формальной стороны судопроизводства и прежде всего – строгое и неукоснительное соблюдение принципа формальной законности. Для подсудимого (ответчика) базовым притязанием выступает притязание на понимание. С ним тесно связаны притязания на милость, на принятие во внимание обстоятельств, смягчающих вину, на гуманное отношение, отказ от формализма. Для потерпевшего (истца) базовым выступает притязание на защиту. В этой связи значимыми также оказываются притязания на восстановление нарушенного права (или его компенсацию, если восстановление в силу каких-либо причин невозможно), на компенсацию затрат и моральных страданий, связанных с недобросовестным поведением подсудимого (ответчика). Для адвоката наиболее значимыми в сфере правосудия оказываются притязания на доверие, на то, чтобы быть услышанным, а также на реальную возможность участвовать в производстве по делу, повлиять на его ход и результаты.

Что касается правовых оценок, то для судьи объектом оценивания становится фактическое содержание реально сложившегося отношения, а критерием – его соответствие юридическому содержанию и через него, в свою очередь, правовым статусам его участников. Для прокурора объектом оценивания выступает само судопроизводство как форма, в которой нахо-

дит свое воплощение правосудие, а базовым критерием оценивания – законность. Для подсудимого (ответчика) объектом оценивания становится интерес потерпевшего (истца) и то требование, в котором он находит свое выражение, базовым критерием оценивания – его соответствие собственным, подсудимого, представлениям о правовом, а также общепризнанным идеалам и принципам права. Для потерпевшего (истца) основным объектом оценивания выступает правовое (правомерное или неправомерное) поведение подсудимого (ответчика), а критерием оценивания – степень его соответствия тем собственным, истца, интересам, реализацию которых в порядке корреспондирования оно должно обеспечивать. Для адвоката объектом оценивания выступает правовая позиция суда, а критерием – степень соответствия ее интересам того лица, которое он представляет.

Специфичность различных форм правосудия изначально предполагает неодинаковость роли в них общественного и индивидуального правосознания.

Общественное правосознание как духовно-интеллектуальный фон правосудия наиболее значимую роль играет в правосудии по обычаю. Чрезвычайно важными для эффективного функционирования рассматриваемой сферы оказываются реализуемые правовым сознанием отражательная, кумулятивная и нормативная функции. Вне реализации перечисленных функций общественным правосознанием правосудие окажется лишенным своей нормативной основы, каковой выступает обычай. Это определяется уже тем, что существование обычая само по себе связано с наличием в общественном сознании представления о закрепляемой им модели отношений в качестве устойчивой, повторяющейся. А такое представление может возникнуть только тогда, когда общественным правосознанием соответствующая модель будет отражена в качестве правовой, будет накоплен опыт воспроизводства данной модели в качестве типичной, а далее произойдет нормативизация соответствующей модели, она из стереотипной станет должной.

В правосудии по закону и правосудии по справедливости общественное правосознание играет несколько менее значимую роль. Во-первых, здесь оно влияет на формирование его нормативных оснований лишь опосредованно. В правосудии по закону такое влияние осуществляется прежде всего через идеологию законотворчества, а также за счет содержательной связи, существующей между общественным сознанием и индивидуальным сознанием участников производства. В правосудии по справедливости возникновение такой опосредованной связи, помимо существования содержательной связи индивидуального правосознания участников правосудия с общественным сознанием, определяется культурной обусловленностью содержания идеи справедливости и связанных с ней иных правовых идей. При этом, поскольку для формирования закона как нормативного основания правосудия его культурная обусловленность не является его естествен-

ным, природным свойством¹, в то время как содержание идеи справедливости всегда является культурно обусловленным, значимость общественного правосознания для правосудия по закону оказывается даже меньшей, чем для правосудия по справедливости.

Во-вторых, непосредственное влияние общественного сознания на правосудие влияет, по большому счету, лишь на его процедурно-процессуальную сторону, на судопроизводство как форму, но не на правосудие как содержание. И в правосудии по закону, и в правосудии по справедливости соответствие его процедурно-процессуальной стороны идеалам и принципам, находящим отражение в общественном сознании, не оказывается решающим фактором, определяющим его эффективность, результативность, экономичность и другие характеристики, по которым оно может быть оценено.

Далее следует отметить, что в силу того, что на сегодняшний день, в условиях господства юридической формы права, универсальный характер приобретает идеология правосудия по закону, а различия в степени значимости правосознания в правосудии различных видов постепенно стираются. И в суде по справедливости, и в суде по обычаю роль общественного правосознания постепенно снижается и, как следствие, оказывается недостаточной для них. В результате опять же постепенно снижается эффективность и ценность рассматриваемых видов правосудия.

Индивидуальное правосознание наиболее значимым оказывается для правосудия по справедливости.

Что касается правосознания судьи как фигуры, центральной для правосудия, то тогда, когда последнее осуществляется по справедливости, его функционирование играет специфическую роль. Оно приобретает значение фактора, определяющего то, каким образом будут конструироваться и развиваться отношения между участниками производства, в какую форму они будут обличены, насколько активным будет влияние правосознания других участников на ход и результаты процесса. Решение юридического дела выступает творческим актом, и для него, по большому счету, единственным фактором, влияющим на него коренным, принципиальным образом, является мысленный образ, сформировавшийся в правосознании судьи.

Другие участники процесса могут существенно повлиять на формирование соответствующего образа, однако не на процесс воплощения данного образа в конкретное решение, который является необратимым. В случае обжалования решения как несправедливого его отмена или изменение возможны только в той ситуации, если мысленный образ, сконструирован-

¹ Именно в силу этого рецепция законодательства – явление, настолько простое и, как следствие, широко распространенное и в истории развития права, и в современной правовой жизни, в отличие от рецепции правовых идей, ценностей, которая если и возможна, то только как длительный исторический процесс.

ный судьей апелляционной (надзорной) инстанции, существенно разойдется с образом, сконструированным судьей, вынесшим решение.

В правосудии по закону роль индивидуального правосознания оказывается менее значимой уже в силу того, что сами рамки свободы усмотрения, его пределы задаются нормативно. В зависимости от того, каким образом к этому вопросу подходит законодатель, они оказываются большими или меньшими, но всегда - объективно более ограниченными, чем в рамках правосудия по справедливости.

Основными моментами, в связи с которыми правосознание судьи активно «включается», начинает оказывать существенное влияние на правосудие, выступают выбор способов, средств и методов доказывания, толкование и индивидуализация ответственности. В остальные моменты правосознание судьи в основном ограничивается реализацией функций идентификации и ориентации, что обычно обусловливается предзаданностью сценариев развития типичных для правосудия по закону ситуаций, законодательным презюмированием причинно-следственных связей между юридически значимыми обстоятельствами, а также – в особенности – четкой, однозначной и детальной регламентированностью всех процедур.

Функционирование правосознания иных участников производства в рамках правосудия по закону определяется тем, что единственным способом повлиять на развитие юридически значимой ситуации для них оказывается отыскание законодательных норм, презумпций и логико-смысловых конструкций, подтверждающих правоту их интереса или предписывающих обязательное совершение действий, позволяющих такую правоту установить. Непосредственно повлиять на решение дела они могут, только критически осмыслив то, каким образом функционирует правосознание судьи и какими формальными, законодательно predeterminedными установлениями оно руководствуется или пренебрегает, и обнаружив в этом функционировании выход за рамки той сферы, в которой судья свободен в своем усмотрении, либо – как его результат – нарушение непосредственно законодательных норм.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что в правосудии по закону правосознание других его участников оказывается еще менее значимым, чем правосознание судьи. Данное обстоятельство, связанное с невозможностью для участников производства реализовать заложенные в их правосознании потенциальные (в том числе и творческие) возможности с тем, чтобы повлиять на ход и результаты рассмотрения дела, ощущением их «исключенности» из процесса его разрешения, предопределяет следующее: в правосудии по закону в гораздо большей степени, чем в правосудии по справедливости, оказывается опасность несогласия с решением судьи.

В этих условиях возрастает роль легитимирующей функции общественного правосознания, но поскольку в действительности влияние общест-

венного правосознания на правосудие по закону оказывается ограниченным, постольку степень ее фактической реализации, как правило, оказывается недостаточной.

В правосудии по обычаю роль правосознания и судьи, и других участников производства оказывается минимальной, что обусловливается спецификой механизма действия обычного права. Конкретность обычая, который всегда предписывает строго определенную линию поведения в тех или иных ситуациях, предопределяет снижение значимости ориентационной, моделирующей, прогностической, творческой и критической функций. Основным мотивом подчинения заведенному порядку в данном случае выступает само его существование. Как следствие, механизм реализации правовым сознанием мотивационной функции весьма упрощается. Единственной функцией, эффективная реализация которой оказывается действительно значимой для того, чтобы правосудие по обычаю достигло своих целей, выступает лишь идентификационная функция.

Обобщая изложенное по вопросу о роли правосознания в сфере правосудия, полагаем возможным сделать следующие выводы.

1. Базовой формой современного правосудия является правосудие по закону, поэтому его идеология оказывает существенное влияние на правосудие по справедливости и обычаю. Это обстоятельство предопределяет снижение вероятности адекватного функционирования правосознания в этих двух сферах правосудия.

2. То обстоятельство, что современные принципы правосудия по закону, в свою очередь, содержательно воплощают в себе среди других и идеи, характерные для правосудия по справедливости и обычаю, предопределяет снижение эффективности функционирования правосознания в рассматриваемой сфере правосудия.

3. Индивидуальное правосознание в условиях содержательной связи общественного и индивидуального правосознания преимущественно представлено установками, притязаниями и оценками, по природе своей связанными именно с правосудием по закону. При этом четкая разграниченность и распределенность функций между участниками судопроизводства предопределяет то, что правосознание каждого из них оказывается наполненным специфическими по своему содержанию правовыми установками, притязаниями и оценками.

4. Каждая из форм современного правосудия – правосудие по закону, по справедливости и по обычаю – характеризуется специфической ролью в ней индивидуального и общественного правосознания.

5. Общественное правосознание как духовно-интеллектуальный фон правосудия наиболее значимую роль играет в правосудии по обычаю, наименее существенную – в правосудии по справедливости. Однако в современных условиях, характеризующихся господством юридического права и универсализации идеологии правосудия по закону, и в суде по справедливости

ности, и в суде по обычаю роль общественного правового сознания постепенно снижается и, как следствие, оказывается недостаточной для них, не обеспечивающей эффективное решение стоящих перед судом задач.

6. Индивидуальное правосознание наиболее значимо для правосудия по справедливости, а наименее важную роль оно играет в правосудии по обычаю. При этом для правосудия в любой его форме правосознание судьи является более значимым, чем сознание других участников судебного производства.

§ 3. Правосознание и правовая культура в сфере гражданско-правовых отношений

Специфика гражданско-правовых отношений как особой сферы юридической практики определяется в первую очередь тем, что составляющие ее отношения носят невластный характер. Ее субъекты – собственники, равные в своем праве свободно распоряжаться принадлежащей им собственностью, поэтому между ними, выступающими в обозначенном качестве, невозможны ни подчинение, ни подопечность.

Говоря о субъектах гражданского права, особо следует подчеркнуть, что речь идет о равенстве весьма специфического характера – таком, которое существует только в рамках конкретного правоотношения, и лишь до тех пор, пока ни одна из сторон не попытается его нарушить. Как только такое нарушение происходит, ранее существовавшая симметрия исчезает, так как вторая сторона автоматически приобретает правомочия, которых в данном отношении нет и не может быть у первой – право требовать принудительного обеспечения обязательства от государства, право на компенсацию причиненного вреда и т.д. Однако само гражданско-правовое отношение при этом фактически разрушается, трансформируется в публично-правовое, в него вовлекаются государственно-властные субъекты.

Как и сфера правосудия, сфера гражданско-правовых отношений является коммуникативной. Однако, если в сфере правосудия базовой формой коммуникации является диалог, то в гражданско-правовой сфере такой формой является обмен: «правовая жизнь по логике гражданского права представляет собой обмен индивидуальными (или частными) положениями (состояниями, обладаниями)»¹. При этом, в отличие от сферы правосудия, гражданско-правовые отношения по своей природе не связаны с распределением, разграничением ролей и функций.

Гражданско-правовые отношения носят договорный характер. Договор как соглашение выступает предпосылкой возникновения гражданско-

¹ Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 346.

правовых отношений, а договор как сделка – воспроизводящим, изменяющим или прекращающим такие отношения фактом. Договор как обязательство составляет содержание этих отношений и определяет их динамику – направленность и скорость развития, пути и средства движения к поставленной цели и т.д. При этом, в силу природы этих отношений, наличие гражданско-правового договора оказывается фактором, достаточным и для их воспроизводства, и для их развития вплоть до логического завершения.

Договорный характер гражданско-правовых отношений предопределяет то, что рассматриваемая сфера юридической практики никогда не приходит в некое завершенное, конечное состояние. Договор не в состоянии ее стабилизировать потому, что в любой момент сам может быть изменен по соглашению сторон. Как следствие, гражданско-правовой порядок оказывается весьма условным состоянием, для достижения которого становится необходимым наличие специфических, не связанных с его нормативными основаниями, стабилизирующих факторов.

Современная специфика рассматриваемой сферы определяется тем, что постепенно в ее регулировании усиливается юридический компонент, в силу чего, собственно, соответствующая сфера и становится юридической. Государственно-властным регулированием охватываются вопросы, связанные с предпосылками и основаниями гражданско-правовых отношений, их содержанием и развитием, условиями и характером ответственности за нарушение гражданско-правовых обязательств, и это существенно ограничивает возможности коммуникации между участниками гражданско-правовых отношений, и в первую очередь, что весьма существенно влияет на функционирование индивидуального правосознания, меняет роль такой коммуникации.

Также особенностью современного развития сферы гражданско-правовых отношений является сложный, разветвленный характер системы ее нормативных оснований. Если говорить непосредственно о гражданском праве с учетом российской специфики, то его источниками на сегодняшний день признаются гражданское законодательство, иные акты, содержащие нормы гражданского права, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, договоры, правовые обычаи, судебная и арбитражная практика, локальные нормативные акты юридических лиц, обычаи делового оборота и деловые обыкновения¹. Очевидно, что ни для одной другой сферы юридической практики такое разнообразие ее нормативных оснований не является характерным.

Еще одной специфической чертой гражданско-правовых отношений как сферы юридической практики выступает постепенное их усложнение. Во-первых, существенно усложняются и становятся все более разнообраз-

¹ Семякин М.Н. Источники российского гражданского права: проблемы теории и практики. М. : Юрлитинформ, 2010; Долинская В.В. Источники гражданского права. М. : МГИМО(У) МИД России, 2005 и др.

ными объекты гражданско-правовых отношений. Данное обстоятельство определяется не просто развитием общественных отношений, а усложнением системы статусов, социальных ролей и функций. Во-вторых, поскольку статусы, роли и функции становятся все более разнообразными, а соотношение между ними – все более сложным и неоднозначным, постольку все более сложным становится обмен положениями (состояниями, обладаниями). С одной стороны, возможности для него расширяются, с другой стороны, все более разветвленной становится система условий, при которых он может состояться, и факторов, его определяющих.

Изложенные обстоятельства весьма существенно влияют на функционирование правосознания в сфере гражданско-правовых отношений.

Изначально идеологию гражданско-правовых отношений составляют следующие идеи правосознания:

- о том, что право имеет своей целью обеспечение осуществления свободы¹;
- о самоценности личности;
- о большей эффективности механизмов самоорганизации, саморегулирования, стихийного развития в сравнении с государственно-властным регулированием общественных отношений;
- о зависимости общего блага от полноты реализации индивидуальных интересов и притязаний;
- о собственности как условии правовой свободы и критерии ее меры, масштаба;
- о собственности как предпосылке правосубъектности и, как следствие, условия неподопечности личности;
- о собственности как основании притязания на власть;
- о врожденной способности человека к самопонуждению и самообязыванию;
- о рациональной обусловленности притязаний личности, а также рациональном способе ее ориентации и действия в социальном пространстве;
- о большей эффективности и справедливости соглашения как способы правотворчества (установления норм) по сравнению с императивно-властным регулированием;
- о несправедливости формального уравнивания;
- об непредопределенности статуса субъекта гражданско-правового отношения его природой (в этом контексте, например, речь может идти о равенстве человека и государства как участников гражданско-правовых отношений);

¹ В этой связи справедливым будет указать на то, что гражданско-правовое сознание базируется на понимании права как всеобщей и равной меры свободы индивида, характерном для либертарно-юридического типа правопонимания.

– о том, что продуцирование публичности, придание частноправовым отношениям публично-правового значения, препятствует гармоничному развитию гражданско-правовой сферы, обуславливает неэффективное действие механизма гражданско-правового регулирования;

– о том, что базовые функции государства составляют функция арбитража и функция защиты нарушенного права в случаях, когда за такой защитой обращаются участники правоотношений;

– о судебной власти как наиболее значимой для обеспечения нормального развития гражданско-правовых отношений.

Вместе с тем, в условиях, когда юридическое регулирование сферы гражданско-правовых отношений усиливается, многие из перечисленных идей, которые с таким усилением не согласуются (например, идеи о зависимости общего блага от полноты реализации индивидуальных интересов и притязаний, о собственности как условии неподопечности личности и как основании притязания на власть) из разряда регулятивно-значимых переходят в разряд утопических идеалов. Невозможность их реализации в юридической практике обуславливает возникновение представлений о том, что они в принципе не реализуемы. Как следствие, постепенно их значимость как выражений общественного сознания в гражданско-правовой практике нивелируется, и реальные гражданско-правовые отношения оказываются гражданско-правовыми лишь по формальным признакам, но не по своей природе, все более приобретают публично-правовой характер.

На то, что описанный процесс в действительности имеет место, указывает, прежде всего, то, что частное право от публичного отличить по содержательным, качественным характеристикам в реальности оказывается уже не так просто. Как следствие, правовая наука вынуждена идти по пути использования для их различения формальных критериев – целей правового (а в сущности – юридического, государственно-властного) регулирования, его предметов, порядка защиты нарушенных прав, характера связи субъектов правоотношений, характера обязательности и видов правовых (а фактически – юридических) норм¹.

При этом, что служит дополнительным подтверждением процесса трансформации гражданско-правовых отношений, использование исключительно формальных, юридико-догматических критериев разграничения частного и публичного права рассматривается как оправданное и обоснованное, позволяющее учесть подлинную сущность имеющихся различий. Например, Н.П. Асланян отмечает, что «догматические принципы являются концентрированным выражением сущности правового регулирования той или иной сферы правопорядка, нашедшей закрепление в позитивном

¹ Дорохин С.В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 41-42.

праве, субстанцией, вбирающей в себя наиболее существенные ее характеристики собственного регулятивного и ценностного свойства»¹.

Специфика идеологии гражданско-правовых отношений, находящей выражение в рассматриваемой сфере юридической практики, предопределяет то, что принципы гражданского права² оказываются далеко не в полном объеме и не вполне адекватно выражающими в себе содержание общественного правосознания.

Характеризуя выражения общественного правосознания в гражданско-правовых отношениях как особой сфере юридической практики, отдельно следует отметить, что нестабильность рассматриваемой сферы, тот факт, что в силу договорного характера гражданско-правовых отношений достижение порядка в них возможно только при условии воспроизводства дополнительных стабилизирующих факторов, предопределяет возникновение такого специфического идеального явления, как гражданско-правовые презумпции.

В специальной литературе презумпция, как правило, рассматривается как прием юридической техники³, однако в реальности юридическое презюмирование представляет собой попытку целенаправленного, искусственного воспроизводства компонентов идеологии юридической практики там, где обнаруживается (видится) их недостаточность. При этом, к сожалению, зачастую, преследуя благие цели, презюмирование в действительности весьма негативно сказывается на развитии рассматриваемой сферы юридической практики. В реальности оно снижает потребность в активном функционировании правосознания субъектов права и ограничивает сферу такого функционирования, в то время как оно, в силу самой природы гражданско-правовых отношений, является необходимым условием их гармоничного развития.

Изначально, в силу специфики гражданско-правовой сферы, адекватное функционирование общественного правосознания для нее оказывается гораздо менее значимым, чем адекватное функционирование правосознания индивидуального. Поэтому то обстоятельство, что по причине своей

¹ Аслаян Н.П. Основные начала российского частного права. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. С. 163.

² См.: Барышникова Ю.Р. Принципы гражданского права в системе принципов частного права и их реализация // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 59. Тольятти : ВУиТ, 2006. С. 81-95; Вавилин Е.В. Основные принципы гражданского права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2003. № 1. С. 69-72; Слепенкова О.А. Принципы гражданского права. Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2005. С. 28-45 и др.

³ См.: Смирнов Л.В. Правовые презумпции как прием юридической техники // Правовые и социальные исследования : сборник научных трудов. Вып. 1. Тула : МосУ МВД России, 2006. С. 97-105; Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. С. 236-262; Зыкова С.В., Кулакова Ю.Ю., Лановая Г.М. Юридическая техника. М. : МосУ МВД России, 2008. С. 20-21 и др.

неоднородности общественное правосознание оказывается далеко не всегда способным действовать полно, результативно и непрерывно, теоретически само по себе в целом не влечет негативных последствий для юридической практики.

Вместе с тем, в реальности трансформация идеологии гражданско-правовых отношений приводит к тому, что гражданское право все больше утрачивает исходное значение «права граждан», а гражданско-правовые отношения – характер отношений, для которых обладание их субъектами такими личностными качествами, как честность, порядочность, обязательность и т.п., является необходимым условием. Гражданско-правовые отношения существенным образом трансформируются и из сферы координации превращаются в сферу, в которой за счет собственной активности, собственных усилий можно приобрести возможность использовать ресурсы, принадлежащие другим субъектам права, для удовлетворения собственных частных интересов.

Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что те изменения, которые – в том числе и в силу трансформации общественного правосознания – происходят в индивидуальном правовом сознании, оказываются для сферы гражданско-правовых отношений весьма значимыми.

В условиях усиления юридического регулирования сферы гражданско-правовых отношений и дифференциации идей, составляющих идеологию рассматриваемой сферы юридической практики, на имеющие практический смысл и утопические, происходят весьма существенные трансформации в содержании индивидуального правосознания. Прежде всего, из индивидуального правосознания «уходят» установки на честность, добровольность, договорную добросовестность, ответственность, лояльность, справедливость. Одновременно в нем обнаруживаются (частично сохраняясь, а частично появляясь) установки на действие в собственных интересах; на неподопечность; на активное действие (которое связано в первую очередь не с борьбой за право, а с борьбой за собственный интерес, выгоду); на снижение собственных издержек; на использование обнаруживающихся условий для пересмотра условий договора в собственную пользу; на максимально полное использование юридических механизмов и гарантий восстановления и/или компенсации нарушенного права в случаях, когда это позволяет извлечь выгоду.

Вместе с тем, несмотря на постепенную юридизацию сферы гражданско-правовых отношений, для функционирующего в нем индивидуального правосознания оказываются не характерными такие установки, как установка на действие юридически дозволенными и, тем более, рекомендуемыми методами, на точное и детальное юридическое оформление частноправовых отношений, на разрешение правовых конфликтов преимущественно при посредничестве государства как арбитра.

Специфическим оказывается содержание не только правовых установок, но и притязаний и оценок. Определяющими развитие сферы гражданско-правовых отношений оказываются притязания:

- на свободу договора как условие полноты владения, пользования и распоряжения собственностью;
- на подлинную свободу самоопределения;
- на независимость от юридического права (императивно-властных установлений государства), и в первую очередь – на возможность обращаться к данному праву и выходить из сферы его действия по собственной инициативе, собственному усмотрению;
- на пересмотр условий договора в случае наступления непредвиденных обстоятельств, препятствующих реализации интереса, для удовлетворения которого заключался соответствующий договор;
- на способность ограничивать другого в случаях, когда его интересы и притязания создают препятствия для реализации собственных интересов и притязаний;
- на возможность апеллировать к государству, использовать имеющиеся в его распоряжении властные ресурсы для осуществления такого ограничения тогда, когда собственные возможности для этого оказываются недостаточными;
- на достижение желаемого результата минимальными усилиями, осуществление активных действий только по необходимости;
- на безнаказанное злоупотребление правом в случаях, когда все формальные требования соблюдены.

Базовые критерии оценивания в индивидуальном правосознании являются содержательно противоречивыми и нестабильными. При этом особенно опасным для юридической практики оказывается то, что их выбор определяется непосредственно не правовыми установками, а характером притязаний субъектов права и спецификой условий, при которых такие притязания объективно могут найти свою реализацию.

С одной стороны, правосознание может ориентироваться на идеологию гражданско-правовых отношений, причем, не только на те идеи, в которых видит практический смысл, но и на идеи, воспринимаемые как утопические, не принимая во внимание или нивелируя значимость тех формальных требований, которые составляют содержание юридических норм. Однако, с другой стороны, правосознание может ориентироваться на формальные критерии, задаваемые действующими юридическими нормами, отвергая критерии оценивания, обусловленные содержанием базовых идей гражданского права.

Характеризуя роль индивидуального правосознания в рассматриваемой сфере, в целом следует отметить, что ее юридизация предопределяет, во-первых, существенное сужение границ правовой активности участников

возникающих в ней отношений, а, во-вторых, снижение потребности в таковой, ее значимости для достижения собственного интереса. Юридическая урегулированность гражданско-правовых отношений предопределяет то, что потребность проявлять собственную активность, настойчивость для того, чтобы содержание этих отношений в максимально возможной степени способствовало удовлетворению собственных интересов, снижается в силу того, что оказывается не столь существенно от них зависящей. Государство заранее определяет, какой интерес может быть реализован, а какой нет, и само предпринимает меры для того, чтобы этот юридический интерес обеспечить, тем самым коммуникативный договорный процесс заменяется юридическим регулированием.

В складывающихся условиях снижается потребность в эффективном осуществлении индивидуальным правосознанием участников гражданско-правовых отношений в первую очередь таких функций, как мотивационная, моделирующая, прогностическая, творческая и критическая, в меньшей степени – идентификационной и ориентационной функций. Это обстоятельство указывает на то, что роль индивидуального правосознания в юридической практике постепенно снижается.

Рассмотренные содержательные особенности индивидуального правосознания в сфере гражданско-правовых отношений предопределяют то, что возникают дополнительные предпосылки для неадекватного функционирования индивидуального правосознания в рассматриваемой сфере юридической практики. Во-первых, снижается полнота и результативность реализации индивидуальным правосознанием всех его функций и, прежде всего, идентификационной, ориентационной, мотивационной и критической. Во-вторых, функционирование правосознания в силу его внутренней противоречивости объективно становится менее оперативным и быстрым. В-третьих, правосознание во многих случаях перестает «срабатывать» автоматически.

Из всех перечисленных моментов наиболее негативное значение для юридической практики, на наш взгляд, приобретает последний. В силу того, что способность индивидуального правосознания участников гражданско-правовых отношений к тому, чтобы функционировать автоматически, существенно снижается, появляется необходимость в воспроизводстве дополнительных стимулирующих механизмов. Увеличение числа последних приводит к дальнейшей юридизации рассматриваемой сферы и, как следствие, к дальнейшей содержательной трансформации, а в результате – к дальнейшему снижению адекватности функционирования индивидуального правосознания.

Подводя итог анализу роли правосознания в сфере гражданско-правовых отношений, необходимо сделать следующие выводы.

1. На функционирование правосознания в сфере гражданско-правовых отношений в современный период решающее воздействие оказывает

постепенное усиление юридического компонента в регулировании соответствующей сферы.

2. Юридизация сферы гражданско-правовых отношений обуславливает изменения в содержании и функционировании как общественного, так и индивидуального правосознания.

3. Трансформация содержания общественного правосознания как интеллектуально-духовного фона юридической практики в сфере гражданско-правовых отношений проявляется в нивелировании целесообразности и, как следствие, значимости усилий, направленных на практическую реализацию, по крайней мере, ряда выступающих основой воспроизводства соответствующей сферы юридической практики идей. Конечным итогом трансформации идеологии гражданско-правовых отношений становится коренная трансформация всей рассматриваемой сферы юридической деятельности.

4. В современных условиях наблюдается снижение активности функционирования индивидуального правового сознания и его адекватности. Это обстоятельство влечет за собой дальнейшую юридизацию рассматриваемой сферы, что, в свою очередь, обуславливает дальнейшую трансформацию индивидуального правосознания и в конечном итоге дальнейшее уменьшение степени адекватности и эффективности его функционирования.

§ 4. Правосознание и правовая культура в сфере международных правоотношений

Увеличение значимости международного права обуславливает существенное повышение интереса к проблеме правосознания в сфере международных отношений. При этом, поскольку признается не только воздействие международного права на сознание, но и влияние правосознания на международное право и международную правовую жизнь¹, возникает необходимость постановки и рассмотрения в рамках проводимого исследования вопроса о роли правосознания в обозначенной сфере юридической практики.

Исходным моментом, определяющим решение проблемы, следует признать факт существования международно-правового сознания как качественно специфического типа правового сознания². При этом следует учи-

¹ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. Заключение международных договоров. М., 2004. С. 61; Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права: теоретические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 24 и др.

² См.: Василевич Т.А. Соотношение международно-правового сознания и международно-правовой культуры на современном этапе развития государства // Формирование

тивать, что специфика механизмов воспроизводства международно-правового сознания предопределяет весьма специфический, не характерный для национальных правовых систем и внутригосударственной правовой жизни способ его связи с юридической практикой.

В специальной литературе нередко подчеркивается немаловажная роль в формировании международно-правового сознания международного сообщества в целом, а также отдельных субъектов международных отношений. Так, например, И.И. Лукашук указывает на значимость для развития международно-правового сознания науки международного права, доказывает, что «труды юристов сыграли главную роль в зарождении международно-правового сознания»¹.

И.Б. Малкина подчеркивает роль в формировании международного правосознания международных неправительственных организаций, которые действуют посредством таких инструментов, как «организация системы правового просвещения широких слоев населения и особенно молодежи, т.е. проведение лекций, конференций, семинаров, конкурсов, учебных игр, подготовка и издание специальной литературы, книг, журналов, бюллетеней, создание произведений искусства в целях правового воспитания и повышения правовой культуры»².

Значимой считает роль международных неправительственных организаций в формировании международного правосознания и И.Р. Султанов³.

По нашему мнению, возникновение международно-правового сознания связано с целенаправленными усилиями в такой же незначительной степени, как и воспроизводство правосознания общественного. Его формирование – культурный процесс, обусловленный сложной системой факторов морально-религиозного, политического, экономического и социального характера. При этом стихийность, естественность данного процесса подтверждается уже тем, что само международное право «есть органичная система, самоорганизующееся культурное образование ... имеет неуста-

российской правовой культуры в период становления рыночной экономики. М. : Изд-во МГЮА, 2004. С. 101-105; Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1990. С. 83-90; Молчанов С.Н. Культурное право как основа национальной идеи, природной идентичности и международного правосознания // Культура: управление, экономика, право. 2007. № 1. С. 36-37; Султанов И.Р. Роль международных неправительственных организаций в процессе формирования международного правосознания // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы международной научно-практической конференции. Ч. III : Международно-правовые и уголовно-правовые проблемы. Уфа, 2011. С. 62-65 и др.

¹ Лукашук И.И. Указ. соч. С.48.

² Малкина И.Б. Международные неправительственные организации в современном международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 25.

³ Султанов И.Р. Указ. соч. С. 62-65.

новленный характер и поэтому функционирует на основе признания его субъектами общих норм и ценностей»¹.

Механизм воспроизводства международно-правового сознания носит сложный характер. С одной стороны, основой такого воспроизводства исторически является естественное право. Это подтверждается тем, что, несмотря на нерешенность в правовой науке вопроса о том, что является источником обязательной силы международного права², международное правосознание апеллирует именно к естественному закону и человеческому разуму. Межгосударственные соглашения и договоры рассматриваются как акты признания государством естественно складывающихся норм, вытекающих из требований разума, как акты принятия этих норм государством под его защиту. Власть государства при этом воспринимается как средство обеспечения, поддержания, а не источник юридической практики.

Воспроизводство международного правосознания именно на основе естественного права, фактически означающее опору на общепризнанные ценности, в силу его универсальности обеспечивает нивелирование культурно-своеобразного в нем, что является необходимым условием адекватного и эффективного функционирования в принципиально новых, отличных от внутригосударственной юридической практики условиях.

С другой стороны, в условиях доминирования западной правовой культуры, существенности влияния, оказываемого ею на другие культуры, международно-правовое сознание складывается в первую очередь именно на основе тех интерпретаций естественно-правовых идей и принципов, которые они получают в западноевропейском правовом сознании, что подтверждается целым рядом обстоятельств. Среди них – европейские корни самой идеи международного права; органичная связь содержания международно-правового сознания с западным правосознанием; внутренняя связь международного права с проблемами права человека, сама идея которого может зародиться лишь в контексте западной правовой культуры с присущим ей индивидуализмом.

Материальные и духовные предпосылки формирования классического международного права как самостоятельной стройной системы начинают складываться с конца Средних веков, а сама идея международного права формулируется в европейской правовой доктрине на рубеже XVI-XVII веков. Чаще всего ее возникновение связывают с именем Г. Гроция, впервые обосновавшего существование права, которое «определяет отношения между многими народами или их правителями и которое имеет источником

¹ Малахов В.П. Указ. соч. С.406.

² См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 366; Палазян А.С. Современное право: функциональный аспект. М. : МосУ МВД России, 2009. С. 359 и др.

самую природу или установлено законами божескими, или же введено нравами или молчаливым соглашением»¹.

О наличии органичной связи содержания международно-правового сознания с западным правосознанием свидетельствует то обстоятельство, что в первом обнаруживаются идеи, неразрывно связанные с содержанием второго. К таковым, например, относятся идея равноправия участников международно-правовых отношений, идея верховенства международного права, идея о возможности установления международного правопорядка только на прочной юридической основе, идея о достижении целей, для которых организуется международное сотрудничество, только при условии признания и защиты прав человека и т.д.

О специфическом соотношении международно-правового сознания и западного правосознания свидетельствует и внутренняя связь международного права с проблемами права человека. Ее наличие, в свою очередь, подтверждается тем, что яркой чертой международного права выступает «гомоцентризм, означающий выдвижение на первый план прав и интересов человека»², и это несмотря на то, что в реальности приоритетным в рассматриваемой сфере юридической практики является интерес международного сообщества.

Имея в своей основе идеи естественного права, международно-правовое сознание служит непосредственной основой воспроизводства международного права и, как следствие, всей международно-правовой жизни. В этой связи уже не правосознание оказывается вторичным по отношению к юридической практике, ее отражением, а, наоборот, международно-правовая практика является следствием появления международно-правового сознания как качественно специфичного типа правосознания.

Подтверждением наличия специфической связи между правосознанием и юридической практикой, отличной от характерной для внутригосударственной правовой жизни, где функции правосознания, а также в значительной мере и его содержание определяются юридической практикой, свидетельствует, прежде всего, история становления и развития международного права³. Указывают на это и другие обстоятельства.

В международном праве обнаруживается в первую очередь религиозно-нравственная, а не политическая природа. Международное право «не есть какая-то юридическая фикция, искусственно построенная профессио-

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Ладомир, 1994. С.44.

² Палазян А.С. Указ. соч. С. 360.

³ Шумилов В.М. Краткий курс истории международного права. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 2006. С. 13-46; Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Якушева Е.А. История международного экологического права. М. : РУДН, 2007. С. 6-112; Елисеев Р.А. История становления и развития международного уголовного права // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 3. С. 89-104; Самигуллин В.К. Традиция в правосфере. Теоретико-правовое исследование. Уфа, 2008. С. 216-229 и др.

рами или дипломатами, а просто известный минимум правового сознания, необходимый для практического сосуществования и культурного сотрудничества цивилизованных народов»¹, и указанное обстоятельство не может быть объяснено иначе, как тем, что оно является непосредственным следствием обусловленности международного права международно-правовым сознанием.

Необходимо также принимать во внимание и то, что там, где международно-правовое сознание перестает функционировать, там, где его логика в силу каких-либо причин не срабатывает, международное право фактически перестает действовать, организовывать существующую практику межгосударственных отношений. «Там, где... минимум правовых ощущений или юридического сознания перестает существовать в международной жизни, – например, именно между воюющими, т.е. за пределами данной государственной границы, – там, строго логически, нельзя, конечно, ожидать, чтобы такой же нравственный минимум оставался в наличности и по сию сторону государственной границы»².

Косвенным подтверждением обусловленности международно-правовой практики международно-правовым сознанием выступает и то, что в формировании международного права (несмотря на то, что оно традиционно носит межгосударственный характер, и негосударственные субъекты не обладают международной правосубъектностью в ее классическом понимании³) роль государственно-властного регулирования оказывается гораздо меньшей, чем в воспроизводстве национального права.

Представляя собой качественно своеобразный тип, международно-правовое сознание находит свое выражение и в общественном, и в индивидуальном правосознании. При этом в каждой из своих форм оно демонстрирует специфическое содержание.

Идеями международно-правового сознания, находящими свое выражение в международных правоотношениях и оказывающими на них существенное влияние, выступают:

- идея о правовом договоре как основе формирования международного сообщества и конструирующем элементе международно-правовой практики;
- идея верховенства права в международном сотрудничестве;
- идея гуманизма;
- идея о естественности и неотъемлемости прав человека;
- идея о существовании прав, воплощающих в себе интересы человечества в целом;

¹ Таубе М.А. Вечный мир или вечная война? (Мысли о Лиге Наций). Берлин, 1922. С. 30.

² Там же. С. 30.

³ Сеидов А.В. Воздействие глобализации на концепцию государственного суверенитета в международном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 15.

- идея о договорном и компромиссном характере международно-правовых отношений;
- идея о высокой значимости обычая как источника международного права и нормативного основания международно-правовой практики;
- идея о равенстве субъектов международного права;
- идея об универсальности международного права, его способности служить интересам всех государств и каждого отдельно взятого человека;
- идея приоритетности международного права по сравнению с правом национальным (внутригосударственным);
- идея об уникальности международного права и невосполнимости его неэффективного функционирования механизмами и инструментами, характерными для других форм права;
- идея о том, что обязывающая сила международного права черпается в международно-правовой практике, обеспечивается международным сообществом и не зависит от волеизъявления отдельных государств;
- идея о недопустимости в международно-правовой практике насилия и агрессии;
- идея о том, что международное право выступает не только нормативной основой международного сотрудничества, но и инструментом обеспечения интеграции национальных правовых систем.

Базовыми принципами международного права, содержательно обусловленными характером идеологии международно-правового сознания, становятся принципы неприменения силы и угрозы силой, разрешения международных споров мирными средствами, невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, обязанности государств сотрудничать друг с другом, равноправия и самоопределения народов, суверенного равенства государств, добросовестного выполнения обязательств по международному праву, нерушимости государственных границ, территориальной целостности государств, уважения прав человека и основных свобод¹. К числу таких принципов с полным правом могут быть также отнесены и принципы толерантности, идентичности, добровольности, абсолютности и оправданности².

¹ См.: ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956; Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24.10.1970 // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать пятой сессии. 15 сентября – 17 декабря 1970 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двадцать пятая сессия. Нью-Йорк : ООН, 1971; Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 01.08.1975 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977.

² Малахов В.П. Указ. соч. С. 413-414.

Основополагающими правовыми установками международно-правового сознания, оказывающими существенное влияние на международно-правовые отношения, выступают:

- установка на самостоятельность, автономность, но в то же время – взаимность в отношениях с другими субъектами международного права;
- установка на самоидентификацию как предпосылку функционирования в международно-правовом пространстве;
- установка на установление и поддержание равновесия и гармонии между субъектами международно-правовых отношений;
- установка на толерантность как условие поддержания равновесия и гармонии;
- установка на открытость отношений;
- установка на следование традиционному, привычному, обычному;
- установка на признание приоритета коллективной воли.

Правовыми притязаниями, находящими выражение в международно-правовых отношениях как особой сфере юридической практики, являются: притязание на приобщенность, включенность в круг субъектов международно-правовых отношений; притязание на свободу; притязание на суверенность; притязание на добровольность; притязание на самоопределение; притязание на доверие; притязание на терпимость; притязание на защищенность от произвола и принуждения.

Базовыми критериями правовых оценок для международно-правового сознания выступают: рациональность, соответствие здравому смыслу; добровольность (непринужденность, невынужденность); привычность и обыденность для человека, противопоставленность сверхъестественному (божественному, космическому и т.д.); соразмерность человеку и связь с природой человека, обусловленность ею; универсальность как соответствие наиболее распространенному и общепризнанному стандарту.

Содержание международно-правового сознания, с одной стороны, подтверждает то, что оно формируется именно на основе естественно-правовых идей и принципов. В то же время, с другой стороны, оно демонстрирует, как вследствие неразрывной связи международного правосознания с идеями и принципами естественного права именно в западной их интерпретации это правосознание содержательно предстает как не отражающее идеи и ценности, характерные для незападных правовых культур.

Тот факт, что происходящее в реальности снижение степени универсальности международно-правового сознания влечет за собой усиление противоречивости международного права, снижение эффективности международно-правового регулирования, вызывает дисгармонию международно-правовых отношений и дезориентацию их субъектов, свидетельствует: именно такая универсальность выступает наиболее значимым условием адекватности функционирования международно-правового сознания в рассматриваемой сфере юридической практики.

Завершая рассмотрение вопроса о роли правосознания в международно-правовых отношениях, полагаем возможным сделать следующие выводы.

1. Роль правосознания в международно-правовых отношениях является гораздо более значимой, чем в любой из сфер национальной юридической практики. Это обусловливается уже тем обстоятельством, что правосознание выступает основой формирования и международного права, и международно-правовой практики.

2. Сфера международно-правовых отношений характеризуется функционированием в ней качественно специфического вида правового сознания, проявляющегося, воспроизводящегося как в форме общественного, так и в форме индивидуального правосознания.

3. В основе международно-правового сознания лежат идеи и принципы естественного права в их преломлении идеалами и ценностями западноевропейской правовой культуры. Указанные идеи содержательно определяют идеи и принципы международно-правового сознания, его базовые правовые установки, характер правовых притязаний и основные критерии правовых оценок.

4. Наиболее значимым условием адекватного функционирования международно-правового сознания в сфере международных отношений выступают универсальность его содержания, степень которой в современный период постепенно снижается вследствие усиления в условиях глобализации влияния на развитие международного права западной правовой культуры.

§ 5. Правосознание и правовая культура в деятельности органов внутренних дел

Изучая роль правосознания в юридической практике, интересным представляется установить, каким образом оно меняется в условиях государственно-властного организующего воздействия на соответствующую сферу. Решить обозначенную проблему представляется возможным посредством анализа правосознания в деятельности органов внутренних дел как сферы юридической практики, претерпевающей сегодня существенные изменения в условиях реформирования системы МВД России.

Для того чтобы определить, каким образом реформирование отражается на роли правосознания в осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел деятельности, прежде всего, необходимо уточнить его содержательные и функциональные характеристики, а также выявить особенности, присущие ему в сравнении с правосознанием, взятым в связи с другими сферами юридической практики.

Проблема правосознания в деятельности сотрудников органов внутренних дел в отечественной правовой науке, как правило, ставится и решается как вопрос о профессиональном правосознании, выступающем фактором, в значительной степени влияющим на характер и результаты профессиональной деятельности¹. Вместе с тем, отдельные исследователи предлагают исходить из того, что рассматриваемая сфера юридической практики не исчерпывается односторонне осуществляемой государственно-властной деятельностью, что ее составляют правоприменительные отношения, а, значит, на правоприменительную практику органов внутренних дел влияет правосознание не только осуществляющих свою профессиональную деятельность должностных лиц, но и других участников правоприменительных отношений, и прежде всего – адресатов применяемых правовых норм².

По нашему мнению, не отрицая возможности рассматривать деятельность органов внутренних дел через призму тех правоприменительных отношений, которые складываются в ходе ее осуществления, тем не менее, следует исходить из того, что возникновение, изменение и/или прекращение таких отношений выступает непосредственным следствием осуществляемой органами внутренних дел как правоприменительными органами деятельности.

Во-первых, возникновение правоприменительных отношений с участием органов внутренних дел лишь в некоторых случаях связано с волеизъявлением адресатов правовых норм: «правоприменительная деятельность может возникать вне желания отдельных заинтересованных лиц и даже вопреки их стремлению уклониться от контактов с правом, например, при привлечении виновного к ответственности»³.

Во-вторых, в силу того, что правоприменение представляет собой государственно-властную деятельность, а, соответственно, и отношения, которые возникают в связи с ее осуществлением, являются управленческими, а не договорными, именно правосознание сотрудников органов внутренних дел, а не других участников правоотношений, оказывается непосредственно-организующим фактором, существенным образом влияющим на рассматриваемую сферу юридической практики.

Характеризуя профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел как непосредственно-организующий фактор для рассматриваемой сферы юридической практики, полагаем необходимым отметить,

¹ См.: Сачков В.Н. Профессиональное правосознание – основа правомерного поведения сотрудников милиции // Российский следователь. 2007. № 9. С. 33-35; Артемьев А.М. Роль правовой культуры и правосознания в деятельности сотрудников милиции // Закон и право. 2003. № 5. С. 43-46 и др.

² См.: Бурканова О.А. Правосознание иных участников применения норм права органами внутренних дел как фактор, влияющий на его эффективность // Наука и практика. 2010. № 2. С. 24-27.

³ Вопленко Н.Н. Реализация права. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. С. 27.

что оно традиционно рассматривается как такой вид (уровень, форма) правосознания, особенности которого определяются непосредственно спецификой осуществляемой юридической деятельности. Например, Р.Л. Ахмедшин, давая характеристику профессиональному правосознанию, подчеркивает, что оно «складывается в ходе специальной подготовки, в процессе осуществления практической юридической деятельности»¹.

Н.Н. Вопленко определяет профессиональное правосознание как «обусловленную спецификой социальной роли и юридической деятельности профессионально формируемую систему правовых идей, взглядов, чувств, ценностных ориентаций, определяющих образ жизни и мотивы поведения в служебной сфере представителей юридической профессии»².

М.А. Шерменев высказывает мнение, что «профессиональное правовое сознание сотрудников УИС представляет собой открытую, самоорганизующуюся динамическую систему, элементами которой выступают социально ожидаемые, социально требуемые и нормативно заданные правовые знания, правовые чувства, ценностные ориентации, правовые установки, стереотипы социально активного правомерного поведения и правовой профессиональный опыт, предметно обусловленные целями, задачами, характером уголовно-исполнительной деятельности и условиями труда сотрудников УИС»³.

Вместе с тем, признавая, что правосознание сотрудников органов внутренних дел формируется в значительной мере как результат отражения специфической сферы юридической практики, тем не менее, нельзя оставить без внимания тот факт, что в силу существующей связи общественного и индивидуального правосознания в нем «наряду со специфическими качествами, находят свое выражение базовые, основополагающие черты, характерные для правосознания российского общества»⁴. Соответственно, общественное правосознание в силу этого оказывается фактором, оказывающим косвенное влияние на рассматриваемую сферу юридической практики.

Необходимо принимать во внимание и тот факт, что общественное правосознание в качестве духовно-интеллектуального фона влияет на рассматриваемую сферу юридической практики и непосредственно (в частности, идеология применения норм права органами внутренних дел влияет на

¹ Ахмедшин Р.Л. Психологические аспекты феномена «правосознание» // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 119.

² Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. С. 22.

³ Шерменев М.А. Деформации профессионального правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы (Общеправовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 7.

⁴ Климанский Д.В. Система факторов интеграции и дезинтеграции правосознания сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 16.

содержание нормативных оснований данного вида деятельности, особенности ее организации, характер компетенции сотрудников органов внутренних дел и т.д.). Вместе с тем, вследствие того, что правоприменительная деятельность представляет собой форму осуществления функций государства и в силу этого определяющим для нее оказывается именно императивное государственно-властное регулирование, значимость общественного правосознания для рассматриваемой сферы юридической практики оказывается в реальности невысокой. Помимо того, в современных условиях, характеризующихся юридизацией различных сфер правовой жизни¹, значимость общественного правосознания для рассматриваемой сферы юридической практики снижается еще больше.

Характеризуя профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел в качестве непосредственно-организующего юридическую практику, полагаем необходимым отметить, что оно является весьма специфическим по своему содержанию.

С одной стороны, для того, чтобы адекватно реализовывать функции, обусловленные характером осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел деятельности, оно с необходимостью должно обладать специфическими чертами. В частности, его должны отличать: уважительное отношение к праву; осознание в качестве источника собственных властных полномочий закона; осознание собственной ответственности за адекватное воплощение применяемых правовых норм в реальные общественные отношения; установка на необходимость добиваться поддержания и восстановления правового порядка; наличие внутренней убежденности в необходимости, целесообразности и правильности подчинения закону; установка на безусловную приоритетность принципа законности при выборе средств и методов правоприменительной деятельности, а также определении сущности самого правоприменительного решения; нацеленность на достижение в процессе осуществления правоприменительной деятельности социально-полезного результата; признание ценности человека, его прав и свобод; осознание недопустимости использования предоставленных полномочий для достижения личных, не связанных с интересами службы целей; рациональность правового мышления; его критичность; стремление к недопущению огрубления чувства права и правовой справедливости.

Вместе с тем, в реальности профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел по своему содержанию оказывается далеким от того идеала, который позволил бы ему функционировать адекватным образом.

Базовыми правовыми установками профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел выступают:

¹ Дубинина Е.Н. Юридизация отношений в современном обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8-9.

- установка на стереотипное (шаблонизированное) мышление;
- установка на обвинительный уклон («предрасположенность занимать обвиняющую позицию, склонность юридически негативно оценивать действия людей, с которыми им приходится иметь дело»¹);
- установка на большую компетентность, чем у других граждан, в понимании норм права;
- установка на веру в собственный правовой опыт;
- установка на отсутствие необходимости в самокритике;
- установка на спекулятивно-правовой популизм и нравственно-правовой конформизм²;
- установка на первичность обязательств человека перед государством, а не его прав;
- установка на признание первичности интересов службы в сравнении с требованиями закона, а целесообразности – в сравнении с законностью.

Для правосознания сотрудников органов внутренних дел базовыми являются притязания на:

- идентификацию себя с социальной группой, находящейся в особом, отличном от простых граждан, отношении с государством, и находящейся вне рамок всеобщего правового поля;
- обладание властью, в отличие от обеспечения ее осуществления;
- неограниченность полномочий, допустимость любых средств достижения целей профессиональной деятельности;
- признание собственной непогрешимости;
- закрытость деятельности, недопустимость ознакомления общественности с формами и методами ее осуществления;
- повышение эффективности борьбы с правонарушениями посредством ужесточения наказания;
- соблюдение собственных прав со стороны вышестоящих руководителей, а также представителей контролирующих и надзорных органов;
- признание собственного профессионального опыта и безошибочности принимаемых решений.

Критериями правовых оценок в правосознании сотрудников органов внутренних дел фактически выступают: целесообразность (соответствие интересам службы); соответствие собственному правовому опыту; соот-

¹ Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (Теоретические проблемы). М. : ВЮЗШ, 1991. С. 91.

² Кузнецов Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 11.

ветствие позиции вышестоящих руководителей, а также представителей местной власти¹; оперативность (экономичность).

В современных условиях становится очевидным то, что правосознание сотрудников органов внутренних дел как непосредственно-организующий для соответствующей сферы юридической практики фактор находится в состоянии, не позволяющем ему адекватно функционировать. При этом общее признание получает тот факт, что неадекватность функционирования реально, а не гипотетически негативно сказывается на эффективности осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел деятельности. В этой связи вполне объяснимым оказывается интерес, проявляемый к проблеме формирования профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел, а также его совершенствования².

На сегодняшний день в теоретико-правовой науке получают обоснование, как минимум, три возможных подхода к решению проблемы неадекватного функционирования правосознания сотрудников органов внутренних дел.

Во-первых, многие исследователи ведут речь о необходимости совершенствования профессионального правосознания посредством сложной системы мероприятий по повышению уровня правовой образованности и правовой культуры сотрудников органов внутренних дел³. Решение обозначенной задачи чисто теоретически является самым простым средством, применение которого может поспособствовать повышению адекватности функционирования правосознания сотрудников органов внутренних дел. Однако, как показывает практика, предпринимаемые в обозначенном на-

¹ Баранов П.П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава органов внутренних дел. Ростов-на-Дону : РВШ МВД РФ, 1997. С. 11-12.

² См.: Баранов П.П. Проблемы теории правосознания и правового воспитания. Избранное. Т. 2. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2005; Магденко А.Д. Правосознание сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в контексте международных стандартов правоохранительной деятельности: теоретический и практический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004; Ульянов А.В. Совершенствование воспитательной работы при подготовке кадров органов внутренних дел. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2007; Левченко А.А. Мотивация правового поведения сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002; Болтаева О.С. Формирование профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел в условиях становления информационного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011 и др.

³ Климанский Д.В. Указ. соч. С.19-22; Рыбаков В.Н. Правовое обеспечение патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы четвертой международно-практической конференции. Барнаул : Изд-во Барнаульского юрид. ин-та МВД России, 2006. С. 236-238; Бабенко А.Н. Правовая социализация и правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел // Современные подходы к подготовке кадров для органов внутренних дел : тезисы восьмой межвузовской научно-методической конференции. Иркутск : ВСИ МВД РФ, 2003. С. 4-5 и др.

правлении усилия, к сожалению, не приносят желаемого эффекта. При этом, как представляется, причины их неэффективности оказываются связанными не с их недостаточностью, а со спецификой самих факторов, в силу которых правосознание сотрудников органов внутренних дел оказывается неадекватным. И прежде всего, тем, что существующие негативные черты правосознания сотрудников органов внутренних дел, препятствующие его адекватному функционированию, в основном обуславливаются спецификой самой осуществляемой ими деятельности¹.

Во-вторых, достаточно часто в качестве способа решения проблемы неадекватного функционирования правосознания рассматривают совершенствование самой правоохранительной сферы². Предполагается, что можно организовать правоприменительную деятельность органов внутренних дел таким образом, чтобы негативные черты профессионального правосознания не оказывались фактором, существенно снижающим эффективность правоохранительной деятельности, дезорганизующим ее.

Для решения обозначенной задачи требуется формализовать правоприменительную деятельность, более строго и детально ее регламентировать, усилить контроль над правоприменительной деятельностью органов внутренних дел, усилить специальные требования, предъявляемые к сотрудникам органов внутренних дел как субъектам применения права, ужесточать меры ответственности за нарушения, допущенные сотрудниками органов внутренних дел в ходе осуществления должностных обязанностей и т.д. Кроме того, отдельные исследователи предполагают, что правоприменительную сферу следует совершенствовать таким образом, чтобы снизить ее противоречивость и исключить иные ее особенности, отражая которые, профессиональное сознание сотрудников органов внутренних дел, деформируется.

Что касается эффективности рассматриваемого способа решения проблемы неадекватного функционирования правосознания сотрудников органов внутренних дел, то его реализация также далеко не всегда позволяет получить желаемый результат.

С одной стороны, исключить влияние функционирования правосознания сотрудников органов внутренних дел на правоприменительную

¹ См.: Караваев А.Ф., Марьин М.И., Петров В.Е. Основы психопрофилактики профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел. Омск : Изд-во Омской академии МВД России, 2007. С. 51-62; Проклов О.В. Проблемы правовой и мотивационно-ценностной деформации в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 29-32; Степанова А.Л. Нравственно-профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел и пути ее преодоления // Новое в законодательстве России: проблемы теории и практики применения : сборник научных статей. Вып. 2. Саратов : Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2005. С. 130-135 и др.

² См.: Бурканова О.А. Правосознание в правоприменительной деятельности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 21-22.

практику объективно невозможно. Правоприменение специфично тем, что его цели непосредственно связаны с индивидуализацией предписания, содержащегося в норме права, оно представляет собой индивидуально-правовую деятельность, которая «направлена на решение юридических дел и в результате которой в ткань системы включаются индивидуальные предписания»¹. Соответственно, адекватно функционировать правоприменительная система может только при условии активной роли субъектов правоприменения, «включенности» в процесс правоприменения их правосознания. А если правосознание объективно оказывается фактором, в значительной степени влияющим на характер и результаты правоприменительной деятельности, тогда добиться того, чтобы неадекватность функционирования правосознания сотрудников органов внутренних дел не оказывалась фактором, существенно влияющим на юридическую практику, никакими мерами объективно невозможно.

С другой стороны, как показывает опыт реформирования органов внутренних дел, те изменения, которые целенаправленно могут быть принесены в юридическую практику, в том числе, посредством изменения ее нормативных и организационных основ, оказываются в конечном итоге не способными изменить в юридической практике те моменты, которые в реальности обуславливают негативные черты правосознания, препятствующие его адекватному функционированию. В данном случае весьма точным является наблюдение, сделанное П.П. Барановым: «Наблюдая, как обычно строится стратегия борьбы против... деформаций правового сознания личного состава... приходится констатировать, что... в ответ на обострение ситуации следует активизация организованных мероприятий, расширение дисциплинарной и уголовно-правовой репрессии, прорабатывание на собраниях и совещаниях, пропагандистские выступления в печати, по телевидению и т.п. Реагирование направляется на самые доступные принципы и обязательно ориентируется на самую скорую отдачу от принимаемых мер. Обычно кривая нарушений в таких случаях ползет вниз, затем происходит адаптация системы к введенным новшествам, после чего все возвращается «на круги своя»»².

В-третьих, существует мнение, что способствовать повышению адекватности функционирования профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел в правоприменительной практике может изменение общественного правосознания. При этом предполагается, что в силу содержательной связи индивидуального правосознания с общественным изменением, происходящие в последнем, с необходимостью должны повлечь

¹ Алексеев С.С. Теория права. М. : БЕК, 1993. С. 178.

² Баранов П.П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава ОВД. Ростов-на-Дону : РВШ МВД РФ, 1997. С. 61-62.

за собой изменения и в профессиональном правосознании сотрудников органов внутренних дел¹.

Рассуждая о перспективности рассматриваемого пути, полагаем необходимым сделать ряд оговорок.

Во-первых, следует учитывать, что формирование общественного правосознания – весьма сложный длительный процесс, организовать который исключительно правовыми средствами, объективно невозможно. В основе общественного правосознания лежат глубинные ментальные установки, которые в основном и определяют его содержание. Как следствие, его трансформация предстает целью скорее идеалистической, нежели реально достижимой.

Во-вторых, нельзя не отметить тот факт, что сегодня в общественном правосознании уже существуют необходимые предпосылки для того, чтобы в своем воздействии на профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел способствовать качественной трансформации последнего. На это указывает уже характер самой идеологии правоохранительной деятельности органов внутренних дел.

На сегодняшний день в качестве базовых для нее идей, воплощения которых в юридической практике ожидает общество от правоприменителей, относятся:

- идея об обусловленности властных полномочий законом и их ограниченности им;
- идея о необходимости добровольного принятия и соблюдения субъектами правоприменительной деятельности общих правовых принципов;
- идея о необходимости признания высшей ценности человека и уважительного отношения к его правам и свободам;
- идея о подконтрольности и подотчетности правоприменительной деятельности как условия ее эффективности;
- идея персональной ответственности должностного лица за ход и результаты осуществляемой им профессиональной деятельности;
- идея об ответственности должностного лица не только перед государством, но и перед обществом;
- идея о нравственно-правовых ценностях гражданственности, патриотизма, гуманизма, справедливости, профессионального долга, чести и достоинства, политической нейтральности, толерантности как об основе осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел правоприменительной деятельности;
- идея о неотвратимости ответственности за каждое допущенное сотрудником органов внутренних дел злоупотребление полномочиями;
- идея о недопустимости обвинительного уклона;

¹ Бурканова О.А. Указ. соч. С. 19.

- идея о недопустимости противопоставления законности и справедливости;
- идея о недопустимости подмены требования законности соображениями служебной целесообразности;
- идея об общественном мнении как о наиболее значимом критерии оценке правоприменительной деятельности органов внутренних дел.

Вместе с тем, к сожалению, перечисленные идеи не находят своего фактического отражения в профессиональном правосознании сотрудников органов внутренних дел, не «переплавляются» в нем в установки, притязания и оценки, позволяющие ему адекватно функционировать, а в силу невысокой значимости общественного правосознания для рассматриваемой сферы юридической практики не оказывают и существенного непосредственного влияния на последнюю.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что на сегодняшний день в качестве способа решения проблемы неадекватного функционирования правосознания в правоприменительной практике органов внутренних дел следует рассматривать не формирование новой идеологии правоохранительной деятельности, а осуществление мероприятий, направленных на повышение значимости общественного правосознания для рассматриваемой сферы юридической практики.

Следует отметить, что реализации подобных мероприятий в последнее время начинает уделяться большее внимание. Прежде всего, базовые идеи правосознания, воплощения которых в повседневной деятельности сотрудников органов внутренних дел ожидает общество, нашли свое нормативное закрепление в основополагающих документах, регламентирующих применение норм права органами внутренних дел, в качестве правовых принципов и нравственных основ службы в органах внутренних дел, определили характер нормативно закрепленных целей и задач правоохранительной деятельности ее основные направления, а также порядок реализации¹.

В качестве принципов деятельности полиции закреплены открытость и публичность, общественное доверие и поддержка граждан (ст.ст. 8 и 9 ФЗ РФ № 3-ФЗ «О полиции»). При этом специально предусмотрены:

- обязанность полиции регулярно информировать государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год)

¹ См.: О полиции : Федеральный закон РФ от 7.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 1.07.2011); Вопросы организации полиции : Указ Президента РФ от 1.03.2011 № 250; Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : утв. Приказом МВД РФ от 24.12.2008 № 1138; Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России : Приказ МВД РФ от 30.08.2011 № 975 и др.

перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами;

– аккредитация журналистов для освещения деятельности полиции по заявкам редакций средств массовой информации;

– право федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в соответствии с законодательством Российской Федерации учреждать средства массовой информации для освещения деятельности полиции;

– обязанность федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел проводить постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества.

Отдельно следует отметить предпринимаемые сегодня меры, направленные на создание системы общественных советов, обеспечивающих согласование общественно значимых интересов граждан, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, в том числе профессиональных объединений предпринимателей¹. Общественные советы формируется на основе добровольного участия в их деятельности граждан, членов общественных объединений и организаций и призваны среди прочего участвовать в разработке и рассмотрении концепций, программ, инициатив граждан, общественных объединений и организаций по наиболее актуальным вопросам деятельности органов внутренних дел, проведении общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов по вопросам деятельности органов внутренних дел, осуществлении общественного контроля над деятельностью органов внутренних дел².

В целях обеспечения оптимальности административных действий, уменьшения сроков выполнения административных процедур, а также оптимизации способов предоставления информации об административных процедурах и административных действиях гражданам и организациям организовано проведение независимых экспертиз проектов административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг³.

¹ О полиции : Федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 01.07.2011). П. 7 ст. 9.

² Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах : Указ Президента РФ от 23.05.2011 г. № 668. П.п. 2, 5.

³ См.: Порядок разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от

Положительно следует оценить и введение в практику общественно-го обсуждения проектов федеральных законов (в том числе – регулирующих отношения в сфере правоохранительной деятельности) в сети Интернет на официальных сайтах разработчиков законопроектов и специально созданных сайтах¹.

Представляется, что предпринимаемые меры позволят, по крайней мере, в определенной степени, сократить негативные последствия неадекватности профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел. Вместе с тем, очевидно, что необходимо принимать и иные усилия, направленные на решение обозначенной задачи.

Разработка практических мер, позволяющих повысить адекватность функционирования правосознания сотрудников органов внутренних дел, – проблема, выходящая за рамки предмета настоящего исследования и требующая самостоятельного анализа. Вместе с тем, представляется необходимым подчеркнуть, что, на наш взгляд, к числу мероприятий, которые позволили бы добиться позитивных результатов в ее решении, могут быть отнесены усиление информационной открытости деятельности органов внутренних дел; смещение акцента в функциях прокуратуры Российской Федерации с осуществления процессуального контроля над деятельностью органов внутренних дел, а также поддержания обвинения в суде на обеспечении защиты личности и законных интересов участников правоприменительных отношений; введение в практику общественного обсуждения также и проектов подзаконных нормативных правовых актов федерального уровня, регламентирующих правоприменительную деятельность органов внутренних дел и организацию службы в органах внутренних дел.

Необходимо отметить, что деятельность сотрудников органов внутренних дел имеет ряд существенных специфических особенностей² (детальная правовая регламентация деятельности и ее экстремальный, властный, обязательный характер, условия организации, объект служебной деятельности в виде правонарушений и нарушений законности, психические и физические перегрузки, повышенная ответственность, корпоративность и др., которые оказывают заметное влияние на качественные характеристики и правовой культуры, следовательно, есть основания для выделения профессиональной правовой культуры сотрудников органов внутренних дел в самостоятельный предмет исследования. При этом под профессиональной

11.11.2005 г. № 679. П. 21; О проведении независимой экспертизы административных регламентов МВД России : Приказ МВД РФ от 20.09.2006. № 742.

¹ Об обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов : Указ Президента РФ от 09.02.2011. № 167.

² Борисова С.Е. Профессиональная деформация сотрудников полиции и ее личностные детерминанты : дис.... канд. псих. наук. М., 1998. С. 87; Гранат Н.Л. Психологические основы обеспечения социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 66.

культурой понимается, с одной стороны, разновидность общей культуры, а с другой – более высокий качественный уровень, прежде всего, правовой, а также нравственной культуры общества, которая играет определяющую роль в выборе правомерного варианта поведения в юридически значимых ситуациях¹.

Важнейшим методологическим принципом изучения профессиональной правовой культуры и, прежде всего правового сознания является системный подход, в основе которого – диалектическое единство общего, особенного и единичного. Его возможности позволяют вскрыть взаимосвязь общественного и профессионального правосознания.

Профессиональное правосознание, являясь видом общественного правосознания, имеет свои исторические корни и достаточно выраженные индивидуальные признаки². Когда мы говорим о профессиональном правосознании, то имеем в виду тех людей, для которых работа в области применения права, охраны общественного порядка является профессией. Другой характерной чертой профессионального правосознания является то, что «оно из системы взглядов переходит в систему убеждений и непосредственно на культуру правоприменительной деятельности»³.

Таким образом, правовая культура сотрудников ОВД образует особую разновидность правовой культуры общества, которая существует в социальной, профессиональной группе, характеризующейся специфическими чертами развития и функционирования.

Правовая сфера, где собственно и царит в полном смысле этого слова, правовая культура, представляет собой некий особый набор понятий, реалий, смыслов, который сформирован жизнью людей, исполняющих профессиональный долг. Таким образом, для людей, работающих в правовой сфере, правовая культура является профессиональной культурой. Если вспомнить о том, что именно культура – это то, что сделало человека человеком, то наличие профессиональной культуры – факт, который творит профессионала. Необходимо разобраться в том, что именно должно характеризовать личность настоящего профессионала, что формирует ее, какие методы для этого используются.

Предметом нашего исследования выступает правовая культура сотрудников полиции, понимаемая нами как сложно-структурное и многоплановое социальное явление.

Как уже отмечалось ранее, правовая культура сотрудников полиции представляет собой разновидность общей правовой культуры, отражаю-

¹ Гранат Н.Л. Профессиональное сознание и социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел. М., 1984. С. 10.

² Соколов Н.Я. Правосознание юристов: понятие, сущность, и содержание // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 2.

³ Соколов Н.Я. Опыт конкретно-социологического исследования профессионального правосознания // Советское государство и право. 1985. № 3. С. 36.

щей определенный уровень правосознания, законности, совершенства законодательства, юридической практики и всецело охватывающей ценности, которые созданы людьми в области права.

Профессиональная культура сотрудников органов внутренних дел обладает спецификой, выражающейся в их правосознании, которое определяется их особой компетенцией в сфере юридической практики¹.

Это правосознание особой группы людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, которая требует специальной образовательной подготовки и характеризуется единством социальных задач, методов и форм профессиональной деятельности, направленной на обеспечение личной безопасности граждан, защиту их прав и свобод, законных интересов, предупреждение правонарушений и их пресечение, охрану и обеспечение безопасности дорожного движения, участие в оказании социальной и правовой помощи гражданам, содействие в пределах компетенции государственным органам, предприятиям, учреждениям и организациям в исполнении возложенных на них обязанностей².

Групповая правовая культура это результат духовного творчества индивидов, который складывается из общественной правовой культуры и индивидуальной правовой культуры, а также к ним присоединяется все наиболее характерное для правовой жизнедеятельности конкретной социальной общности, в данном случае это сотрудники полиции, и наиболее полно отражающее ее интересы.

Поэтому «вполне справедливо и обосновано выделить в самостоятельную группу носителей профессионального правосознания..., ибо их правосознанию присущи особенности, выражающиеся в объеме и уровне знаний, соответствий этих знаний и убеждений, в умении правильно реализовывать их на практике»³. Следует только добавить, что профессиональная правовая культура тождественна специализированной правовой культуре.

Для нашего исследования особый интерес представляют условия развития и особенности функционирования правовой культуры в правоприменительной группе, то есть среди сотрудников правоохранительных органов. Почему же они играют такую важную роль? Во-первых, на этих людей возлагаются регулятивная, воспитательная, карательная функции в области права.

Исполнение таких важнейших функций может быть возложено на людей безупречных с точки зрения правовой культуры, конечно, насколько это возможно, потому что речь, все-таки, идет о некоем идеальном уровне. Во-вторых, большинство населения страны получают правовую

¹ Гуцириев Х.С. Политико-правовая теория и функционирование. СПб., 1996.

² О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О полиции»: Федеральный закон РФ от 31 марта 1999 г. № 68-ФЗ // Профессионал. 1999. № 2-3.

³ Кузнецов Э.В. Философия права в России. М.: Юридическая литература. 1989. С. 7.

информацию и опыт именно при общении с сотрудниками правоохранительных органов, а не с законодателями или людьми, которые занимаются правотворчеством. Именно силовые структуры осуществляют надзор за соблюдением правовых норм и призваны заниматься профилактикой противоправного поведения.

Таким образом, сотрудники полиции выступают правовым примером для остальных граждан и являются олицетворением закона и власти в государстве. Поэтому жизненно необходимо наличие высокой правовой культуры у должностных лиц всей правоохранительной системы. «Поскольку использование прав гражданами, выполнение ими обязанностей связано с правоприменительной деятельностью, в процессе которой должностными лицами не редко допускаются нарушения законодательства, злоупотребления, наконец, просто ошибки, возникают разногласия между гражданами – носителями прав и правоприменителем, поскольку важнейшее значение приобретает вопрос защиты и охраны прав граждан при их реализации»¹.

Таким образом, между правовой нормой и адресатом (гражданином) существует многоуровневая система преобразователей правовой информации. Сотрудники органов внутренних дел исполняют функцию применения и толкования нормативных правовых предписаний, поэтому высокий культурный правовой уровень для них обязателен.

Несмотря на то, что данная проблема уже освещалась в специальной литературе², на наш взгляд, правовая культура сотрудников ОВД недостаточно изучена, требует всестороннего анализа, так как именно она играет огромную роль в формировании правовой культуры в государстве в целом.

Роль и ценность правовой культуры состоит в том, что она показывает уровень уважения к праву, характеризует стремление правового субъекта строить свое поведение в соответствии с предписанными юридическими нормами, которые должны выполняться в силу привычки, а также содействует развитию этических взглядов юристов, а, следовательно, и эффективности их профессиональной деятельности. От эффективности работы структуры, которая олицетворяет власть в государстве, зависит очень многое: формирование и поддержание правопорядка, соответственно, быстрота и успех формирования правового государства, уровень правосознания граждан и успех борьбы с негативными явлениями социальной жизни и т.д.

¹ Аграновская Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М. 1998. С. 104.

² См., например: Баранов П., Витрук Н. Правосознание работников полиции: мифы, деформация, стереотипы // Право и жизнь. 1992. № 2; Гранат Н.Л. Профессиональное сознание и социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел. М., 1984; Сальников В.П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. Л., 1986.

Важность исследования правовой культуры диктуется, прежде всего, неустойчивостью, а нередко и противоречивостью отдельных элементов современной правовой системы России. Любой законопослушный гражданин оказывается в затруднительном положении, так как правовые нормы оказываются недействительными, кроме того, негативную роль играет утвердившееся в общественном сознании пренебрежение к закону, достаточно вспомнить русскую поговорку: «Закон что дышло, куда повернул – туда оно и вышло», которая априорно существует в массовом сознании и действует как мифологема. В такой ситуации правовой субъект не может руководствоваться ничем иным, кроме как своим правосознанием и, соответственно, собственной правовой культурой.

Правовая культура является естественным проявлением творческого начала личности работника полиции в сфере действия права. Она раскрывает возможности милиционера в этой области, его общественную значимость, совокупность способностей и функций работника в указанном направлении. Социальная ценность правовой культуры заключается в том, что она является необходимым условием активной правовой практики¹.

В работе нас интересует роль правовой культуры в обеспечении правомерного поведения должностных лиц в правоохранительной сфере. Сотрудники органов внутренних дел своими действиями, образом жизни оказывают значительное влияние на граждан. Поэтому уровень правовой культуры в правоохранительной сфере служит своеобразным эталоном для формирования правовой культуры граждан. Практика показывает, что низкая правовая культура сотрудников ОВД зачастую становится причиной нарушений законодательства и совершения хозяйственных и должностных преступлений гражданами.

«Социальная группа с отрицательным правовым климатом, своим «групповым правосознанием» активизирует нигилистическое отношение к правам и обязанностям, создает питательную почву для правонарушений, отступлений от требований правовых норм»². Высокая правовая культура должностных лиц означает глубокое уважение к личности, ее правам, достоинству. Она является необходимым условием правомерной деятельности должностных лиц правоохранительных органов. Иначе в обществе, где личность является предметом различного рода манипуляций со стороны государственной власти, законность становится лишенным смысла понятием.

Нами уже было отмечено, что особенности профессиональной деятельности сотрудников полиции определяют специфические черты их правовой культуры. Так же указывался и тот факт, свидетельствующий о том,

¹ Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. Л., 1988. С. 45.

² Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М. : Юридическая литература. 1973. С. 27.

что правовая субкультура правоприменителей отличается от правовой культуры других граждан не столько элементами структуры, сколько их содержанием. Для нее должны быть характерны более полные правовые знания и умения применять их на практике.

К вышесказанному, на наш взгляд, следует добавить, что правовая культура сотрудников ОВД, которая для них является профессиональной, означает:

- знание действующего законодательства как необходимое условие соблюдения законности, правильного использования прав и выполнения своих обязанностей;

- уважение правовых требований, убеждение в правильности и необходимости правовых предписаний;

- привычное отношение к соблюдению закона, при котором сотрудник полиции не задумывается каждый раз над тем, надо или не надо выполнять требования закона, он воспринимает эти требования как должное в силу того, что формальная необходимость выполнять закон перешла в его внутреннюю потребность.

Правовую культуру сотрудника полиции можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, насколько она знает, понимает и верно осмысливает, оценивает свои права, свободы и обязанности, и, во-вторых, как пользуется ими в практической деятельности.

Содержание культуры проявляется, прежде всего, как культурная специфическая среда, которая представляет собой конкретную совокупность ценностных, нормативных, традиционных образований, присущих данной профессиональной общности. Правовая культура работников ОВД является также профессиональной культурой этой сферы. Она предполагает освоение специфических для сферы правоохранительных органов видов деятельности, знаний, навыков, приемов, как в процессе обучения, так и на практике.

Исходя из конкретной направленности правоохранительной деятельности, происходит дифференциация профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел. В соответствии с этим критерием выделяется правосознание следователя, сотрудника ОБЭП, сотрудника ООП, сотрудника паспортной службы и т.п. Различия в профессиональном статусе (компетенции) представителей служб полиции предопределяют специфические особенности их правосознания и соответственно правовой культуры.

Прослеживается определенная закономерность: уровень правосознания сотрудников полиции тем выше, чем больше им приходится применять право или осуществлять свою деятельность преимущественно в правовой, а не в организационной форме. Это подтверждается и результатами исследований, проводимых учеными Орловского юридического институ-

та¹. Так, у сотрудников таких служб, как ООП, ОМОН, тылового обеспечения уровень правосознания близок к обыденному, т.е. характеризуется достаточно поверхностным знанием и пониманием правовых явлений. У сотрудников таких служб, как следствие, дознание, оперативно-розыскная и юридическая службы уровень правосознания достигает теоретического, т.е. им свойственна высокая степень знания и понимания большинства правовых явлений.

Тем не менее, следует отметить, что правовая культура сотрудников органов внутренних дел структурирована не только исходя из конкретной направленности их правоохранительной деятельности, но и с учетом ориентации на отдельные отрасли права. Так, проведенное исследование показало, что правосознание сотрудников следственного аппарата имеет направленность на нормы уголовного и уголовно-процессуального права, сотрудников патрульно-постовой службы – на нормы административного права, сотрудников службы тылового обеспечения – на нормы гражданского, хозяйственного права.

Одним из главных факторов, влияющих на правовую культуру в целом и правовую культуру сотрудников полиции, в частности, является отсутствие или недостаточное наличие правовой информированности. Безусловно, профессиональные преступления основываются на отступлении от требований закона и наглядно показывают, что без определенного уровня правовых знаний сотрудник полиции не может грамотно и квалифицированно решать поставленные перед ним служебные задачи.

С другой стороны необходимо помнить, что даже очень весомый багаж правовых знаний не выступает гарантом высокого уровня правовой культуры личности. Об этом свидетельствует печальная статистика нарушения законности как со стороны сотрудников полиции, так и со стороны представителей иных правоохранительных органов.

Немаловажное значение имеет усвоение правовых требований, выработка практических навыков по применению тех или иных норм права.

Скорее всего, речь идет о правовом нигилизме, пренебрежении к праву, к действующему законодательству, ибо трудно предположить, что сотрудники правоохранительных органов не знают основных правовых положений.

Таким образом, знание права не сводится к простой осведомленности о тех или иных правовых нормах. Оно предполагает их обязательное осмысление, постижение значимости закона. Оно-то и дает возможность принять решение о правомерном поведении в условиях, когда отсутствует информация о конкретной правовой норме, основываясь на понимании

¹ См. более подробно: Бондарев А.А. Профессиональное правосознание сотрудников ОВД и пути его формирования // Проблемы совершенствования правоохранительной деятельности ОВД : межвузовский сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. Ч. 1. М. : МЮИ МВД России, 1988.

смысла и общей направленности законодательства, его принципов и нравственной сути. Способность избирать правомерные варианты собственных поступков – важный критерий достаточного уровня правовой культуры сотрудников полиции. Правильное применение норм права в конкретных жизненных ситуациях, с которыми сотрудники органов внутренних дел встречаются практически ежедневно, свидетельствует об умении и навыках на базе знания права профессионально совершать определенные юридические операции в процессе осуществления своих служебных обязанностей. Последнее возможно лишь при условии достаточного объема, глубины и формализованного характера правовых знаний.

Способность качественно реализовывать (применять) право в процессе профессиональной деятельности на основе умений и навыков объективируется в понятии «профессиональный опыт». Профессиональный опыт правоприменения сотрудников органов внутренних дел, обобщая их правовые знания, умения и навыки, помогает ориентироваться в доказательственной информации, осуществлять из него отбор всего необходимого для правильного разрешения конкретного юридического дела с учетом требований норм материального и процессуального права¹. Профессиональный опыт значительно сокращает время, нужное для принятия решения. Не случайно в юридической литературе отмечают то обстоятельство, что ни в одной другой профессии не имеет такого важного значения жизненный опыт, особенно профессиональный, как в работе следователя, других субъектов правоприменения².

Кроме того, профессиональный опыт следует рассматривать как предпосылку для проявления сотрудником органов внутренних дел социально-правовой активности, которая не может быть сведена лишь к реализации правовых предписаний субъектами правоприменения, а предполагает более высокий уровень их правосознания и поведения в интересах общества³.

Применительно к деятельности сотрудников органов внутренних дел социально-правовая активность трактуется как усилия данной категории лиц, направленные на реализацию права и предпринимаемое ими сверх требований, предъявляемых должностными инструкциями и другими правовыми актами⁴.

¹ Лихолоб В.Г. Правовая культура работников органов внутренних дел и ее значение для правоприменения. Киев, 1984. С. 102.

² Басков О.О. О предварительном следствии // Советская юстиция. 1990. № 15. С. 167.

³ Карташов В.П. Профессионализм субъектов юридической деятельности // Правовая реформа и проблемы совершенствования юридической деятельности. Ярославль, 1990. С. 17.

⁴ Лазарев В.В., Левченко И.П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел. М., 1989. С. 8.

Профессиональная культура сотрудников органов внутренних дел характеризует устойчиво-отрицательная оценка (осуждение) нарушений правовых запретов и преступности в целом, а также лиц, совершающих правонарушения. Это предопределяет мотивацию и направленность их профессиональной деятельности на предупреждение, и раскрытие правонарушений.

Правовую культуру сотрудников органов внутренних дел характеризуют достаточно высокие оценки социальной значимости права, правоприменительных органов, правоприменительной практики.

Анализ действующего законодательства говорит о том, что главной задачей правоохранительных органов на сегодняшний день является осуществление охраны правопорядка и обеспечение безопасности каждого человека и всего общества¹. Учитывая то, что сотрудники полиции, осуществляя задачи охраны правопорядка, реализуют правовые нормы главным образом в форме их применения, логика нашего исследования требует наряду с исследованием правовой субкультуры сотрудников правоохранительных органов провести не менее важный анализ правомерного поведения сотрудников.

Серьезную основу для изучения правомерного поведения сотрудников полиции создали работы, посвященные исследованию вопросов их профессионального правосознания, профессиональной правовой культуры, правового воспитания². Эти исследования дали богатый материал для понимания основ правомерного поведения данной категории субъектов правопорядка.

Прежде всего, обратимся к рассмотрению структуры правомерного поступка сотрудника полиции, выступающего в качестве единицы анализа правомерного поведения. Данный поступок сочетает в себе черты правомерного поведения индивида. Сходство поведения сотрудника полиции с поведением гражданина, поступающего правомерно состоит в том, что: а) оно совершается конкретным дееспособным субъектом правопорядка; б) его объективная сторона формализована, определена правовыми нормами; в) субъективная сторона поведения сотрудника полиции, действующего в пределах своей компетенции, предполагает сознательные волевые действия³.

¹ См. например: О полиции : Закон Российской Федерации, Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон РФ.

² См., например: Иванов В.И., Иванов О.Е., Кузнецов Э.В., Назаренко А.Ф., Сальников В.П. Правосознание и правовая культура сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. Л., 1981; Баранов П., Витрук Н. Правосознание работников полиции: мифы, деформации, стереотипы / Право и жизнь. 1992. № 1. С. 110-118; 1993. № 2. С. 83-94 и др.

³ Казаков В.Н. правомерное поведение в механизме формирования правового порядка (теоретико-правовые проблемы) : монография. М., 2000. С. 135.

Вместе с тем, есть и существенные отличия от поведения гражданина. Во-первых, персонификация субъектам объекта правомерного поступка сотрудника полиции связана не с личностью данного человека, а с его должностью. Во-вторых, сотрудник полиции призван преследовать не личные, а государственные и общественные цели. В-третьих, в процессе осуществления охраны правопорядка, прав и свобод граждан сотрудник полиции выражает не свою собственную волю, сколько волю государства, общества в целом. В-четвертых, для объективной стороны правомерного поступка сотрудника полиции характерно, прежде всего, то, что она проявляется, прежде всего, в форме активных правомерных действий.

Как уже было отмечено ранее, поведение сотрудника полиции, применяющего право, детерминируется «с одной стороны, объективными социальными, культурными, юридическими и социально-психологическими условиями деятельности, а другой – индивидуальными качествами лица, принимающего решение. При этом имеют значение его образование, опыт работы, правосознание, правовая культура, индивидуально-психологические особенности»¹.

Правомерным поведением сотрудников полиции наиболее часто реализуются нормы административного права. Это объясняется, прежде всего, тем, что нормами административного права конкретизируются предоставленные полиции по применению различных правовых институтов охраны правопорядка, а также полномочия, предназначенные реализации важнейших направлений деятельности органов внутренних.

Производство по делам об административных правонарушениях представляет собой совокупность осуществляющих уполномоченным на то органом (должностным лицом) процессуальных действий, состоящих в выявлении правонарушений, принятия предусмотренных законом мер обеспечения, рассмотрения дел об административных правонарушениях и вынесении по ним постановлений, принятии мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений². Именно на уровне административно-правовой деятельности формируется авторитет работников полиции. Стержнем этого авторитета является его общая и правовая культура, которая должна формироваться и совершенствоваться ежедневно в ходе практической деятельности по применению права.

К сожалению практика, свидетельствует о том, что говорить о более высоком уровне правового сознания лиц профессионально занимающихся правоохраной, преждевременно. Приходится констатировать, что уровень

¹ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976. С. 42.

² См.: Колонтаевский Ф.Е. Производство по делам об административных правонарушениях, подведомственных органам внутренних дел // Административное право и административная деятельность органов внутренних дел. М., 1990. С. 181.

правового знания у лиц, специализирующихся в области правоприменения, оставляет желать лучшего.

Приходится констатировать, что среди сотрудников органов внутренних дел немало таких, которые нигилистически относятся к праву, к закону, что приводит к фактам нарушения служебной дисциплины с их стороны, а нередко и к нарушению законности.

Приходится констатировать, что и в этом вопросе в структуре МВД РФ еще очень много проблем. Так представитель Департамента собственной безопасности МВД России Лидия Лагуткина признала, что преступность среди правоохранителей выросла в 2009 году на 16 % по сравнению с прошлым годом. В итоге было выявлено 69,1 тыс. преступлений, дисциплинарными взысканиями отделались 65,307 тыс. сотрудников¹. В 2010 году общая ситуация в данной сфере только усугубилась. За 6 месяцев 2010 года службой собственной безопасности выявлено более 50 тысяч правонарушений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел. Динамика роста по сравнению с прошедшим годом 13,5 %². К сожалению, и в 2011 и в 2012 году положение не улучшилось, несмотря на то, что в рамках реформы МВД был осуществлен целый комплекс мероприятий, направленных на усиление дисциплинарной ответственности как рядовых сотрудников полиции, так и руководящего звена.

О правомерности или неправомерности поведения сотрудника ОВД приходится судить при соприкосновении тех или иных действий с правом³. «Это «соприкосновение» не может быть ни чем иным, кроме как юридической оценкой каких-либо поступков, которая конкретна, доказуема, общезначима. Только через такую оценку действующее право связано с сознанием членов общества, воздействует на него, направляет развитие его содержания таким образом, чтобы действия, из которых складывается линия поведения, согласовывались с правом» – справедливо отмечает О.Э. Лейст⁴.

При применении права находит свое выражение в первую очередь профессиональная правовая культура. Как мы уже выяснили, данная культура проявляется на всех стадиях правоприменительной деятельности. На всех этих этапах должна проявляться правовая культура компетентного субъекта. Правоприменительная деятельность невозможна без толкования закона, а здесь без правовой культуры вообще не обойтись.

Правоприменительная деятельность предполагает необходимость обоснованного решения, что, в свою очередь, находится в прямой зависи-

¹ См.: Комсомольская правда. 2009. 21 окт. № 158.

² Драгунцов Ю. О некоторых итогах работы по обеспечению собственной безопасности органов внутренних дел // Профессионал. 2010. № 4. С. 7.

³ Казаков В.Н. Указ. раб. С. 145.

⁴ Лейст О.Э. Методология исследования правомерных и неправомерных действий в развитом социалистическом обществе. М., 1983. С. 153.

мости от правильного выбора и анализа нормативного акта. А это возможно лишь при наличии достаточно высокого уровня профессиональной правовой культуры правоприменителя¹.

Таким образом, правовая культура – сложное, многокомпонентное, многофункциональное образование, имеющее разветвленную структуру и играющее доминирующую роль в механизме регуляции поведения сотрудников органов внутренних дел в правовой сфере.

Подводя итог рассмотрению вопроса, полагаем возможным сделать следующие общие выводы, характеризующие роль правосознания в деятельности органов внутренних дел.

1. Специфика роли правосознания в юридической практике обуславливается не только природой соответствующей сферы, характером преследуемых участниками составляющих ее правоотношений целей и решаемых ими задач, но и особенностями государственно-властной организации соответствующей сферы, что, в частности, позволяет подтвердить анализ правосознания в деятельности органов внутренних дел.

2. Для рассматриваемой сферы юридической практики более значимым является индивидуальное, а не общественное правосознание. При этом, в силу низкой адекватности индивидуального правосознания потребностям юридической практики органов внутренних дел, его функционирование весьма негативно сказывается на результатах осуществляемой органами внутренних дел правоприменительной деятельности.

3. Идеология правоприменительной деятельности органов внутренних дел, отражающая относящиеся к этой деятельности общезначимые идеалы и ценности общественного сознания, на сегодняшний день вполне адекватна соответствующей сфере юридической практики, однако, практически не влияет на нее в силу низкой значимости для общественного правосознания как такового.

4. Повышение эффективности правоприменительной деятельности сотрудников органов внутренних дел на сегодняшний день возможно за счет усиления значимости влияния, оказываемого на соответствующую сферу юридической практики общественным сознанием.

5. Недооценка доминирующей роли правовой культуры в механизме профессиональной деятельности сотрудников полиции, а также недостаточная исследованность способов и путей его формирования приводят к деформации сознания и личности сотрудника органов внутренних дел.

¹ Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. Саратов, 1989. С. 126.

Заключение

Разработка вопросов, связанных со сформулированными во введении задачами, позволила сделать ряд теоретических обобщений и выводов, которые, на наш взгляд, имеют существенное значение для понимания роли правосознания в юридической практике. К числу наиболее важных из них необходимо отнести следующие.

1. Наиболее полное и всестороннее представление о роли правосознания в юридической практике можно составить только при условии анализа проблемы в контексте социологического подхода к пониманию права. При этом важнейшими методологическими предположениями, обоснование и реализация которых в качестве базовых принципов исследования позволяет достигнуть его цели, выступают:

- несовпадение содержания, форм выражения и функций, а как следствие, и роли общественного и индивидуального правового сознания в юридической практике;

- связь функций правосознания в юридической практике с запросами и потребностями последней;

- культурная обусловленность конкретных выражений общественного и индивидуального правосознания и механизмов их воздействия на юридическую практику;

- неодинаковость механизмов воздействия на юридическую практику, а также роли и общественного, и индивидуального правосознания в различных сферах юридической практики;

- возможность абсолютной адекватности правосознания юридической практике только как гипотетического, но не реального состояния;

- несовпадение критериев адекватности общественного и индивидуального правосознания в юридической практике.

2. Общественное правосознание влияет на практику, выражаясь в ней в правовых ценностях и правовой идеологии, а индивидуальное правосознание – находя свое выражение в правовых установках, притязаниях и оценках. Функциями общественного правосознания в юридической практике являются отражательная, кумулятивная, нормативная, стабилизирующая, конструирующая, легитимирующая, компенсаторная и опосредующая функции. Для индивидуального правосознания в юридической практике характерной является реализация идентификационной, ориентационной, мотивационной, моделирующей, прогностической, творческой и критической функций. В самом общем виде роль правосознания в юридической практике состоит в том, что общественное правосознание служит для нее духовно-интеллектуальным фоном, качественно ее определяющим, а индивидуальное – непосредственно организующим фактором.

3. Вопрос о том, что конкретно привносит в юридическую практику функционирование общественного правосознания в качестве ее духовно-

интеллектуального фона, а индивидуального – в качестве непосредственно организующего фактора, не имеет универсального решения и требует дифференцированного анализа с учетом специфики различных сфер юридической практики и особенностей содержания правового сознания. Дифференцированного анализа, учитывающего специфику конкретных сфер юридической деятельности, содержания правосознания, а также культурных особенностей права и правовой жизни общества, требует и вопрос об адекватности юридической практике общественного и индивидуального правосознания.

4. Содержательные выражения и особенности функционирования в юридической практике общественного и индивидуального правосознания в значительной степени определяются спецификой господствующих типов права, его базовых источников как нормативных оснований юридической практики, особой ролью человека в правовой жизни общества и характером наиболее значимых свойств человека как субъекта права. Так, в романо-германской правовой системе идеальными, требуемыми характеристиками индивидуального правосознания оказываются рационалистичность, схематичность, дедуктивность, догматичность, схоластичность, прагматичность, которые с реальными характеристиками правосознания в юридической практике не совпадают.

Кроме того, различна оценка адекватности правосознания юридической практике. Так, в романо-германской правовой системе она изначально оказывается весьма проблематичной вследствие противоречивости содержания правосознания в юридической практике, а также объективной неспособности последнего функционировать в соответствии с моделью, соответствующей запросам и потребностям такой практики.

5. Для сферы законотворчества более значимым является то, какие выражения в нем получает и насколько адекватно в нем функционирует общественное правосознание. При этом наблюдается тенденция к дальнейшему снижению значимости индивидуального правосознания для законотворчества. Содержательные и функциональные особенности индивидуального правосознания и его адекватность потребностям и запросам юридической практики в значительной степени зависят от особенностей общественного правосознания.

6. Вопрос о роли правосознания в сфере правосудия может быть правильно решен только при условии признания неоднородности данной сферы, а именно, существованием трех основных его форм, каждая из которых характеризуется специфической ролью в ней индивидуального и общественного правового сознания. Такими формами выступают правосудие по закону, правосудие по справедливости и правосудие по обычаю.

Общественное правосознание играет наиболее значимую роль в правосудии по обычаю, наименее существенную – в правосудии по справедливости. Однако в современных условиях и в суде по справедливости, и в су-

де по обычаю роль общественного правосознания постепенно снижается и, как следствие, оказывается недостаточной для них, не обеспечивающей эффективное решение задач правосудия. Индивидуальное правосознание наиболее значимо для правосудия по справедливости, а наименее важную роль оно играет в правосудии по обычаю.

7. Роль правосознания в сфере гражданско-правовых отношений сегодня существенным образом меняется вследствие постепенного усиления юридического компонента в регулировании соответствующей сферы, превращения ее из договорной в администрируемую.

В условиях юридизации гражданско-правовых отношений утрачивают свою целесообразность усилия, направленные на практическую реализацию, по крайней мере, ряда традиционно выступающих основой воспроизводства рассматриваемой сферы практики идей. Становится проблематичной адекватность общественного правосознания практике. Как следствие, оно трансформируется, а в конечном итоге уменьшается его значимость для гражданско-правовой практики. Что касается индивидуального правосознания, то его трансформация и уменьшение значимости для рассматриваемой сферы юридической практики обуславливаются снижением активности его функционирования.

8. Выступая основой формирования и международного права, и международно-правовой практики, правосознание в международно-правовых отношениях играет гораздо более значимую роль, чем в любой из сфер национальной юридической практики. При этом сфера международно-правовых отношений характеризуется функционированием в ней качественно специфичного вида правосознания, проявляющегося, воспроизводящегося как в форме общественного, так и в форме индивидуального правосознания.

9. Анализ правосознания в деятельности органов внутренних дел свидетельствует о том, что значимым фактором, влияющим на роль правосознания в юридической практике и степень его адекватности последней, выступает специфика государственно-властной организации соответствующей сферы, особенности проводимой государством правовой политики.

Для деятельности органов внутренних дел более значимым сегодня является индивидуальное правосознание, что в условиях крайне неустойчивой адекватности его потребностям и запросам юридической практики существенно снижает эффективность осуществляемой органами внутренних дел правоприменительной деятельности.

Те выражения общественного правосознания, которые обнаруживаются в практике деятельности органов внутренних дел, в целом адекватны ей, однако, практически не влияют на характер и результаты такой деятельности.

В сложившейся ситуации решение задач, связанных с совершенствованием правоприменительной деятельности органов внутренних дел, возможно в первую очередь за счет усиления значимости влияния, оказываемого на соответствующую сферу юридической практики общественным сознанием

Представляется, что сделанные выводы и обобщения могут стать основой дальнейшей разработки сложной и интересной проблемы, в том числе и в рамках отраслевых юридических наук, применительно к отдельным сферам юридического регулирования.

Список использованных нормативных правовых актов и литературы

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газ. - 1993. - 25 дек.
2. Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. - М., 1956.
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24.10.1970 // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать пятой сессии. 15 сентября – 17 декабря 1970 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двадцать пятая сессия. - Нью-Йорк : ООН, 1971.
4. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 01.08.1975 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. - М., 1977.
5. О полиции : Федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 01.07.2011) // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 7. - Ст. 900.
6. Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах : Указ Президента РФ от 23.05.2011 № 668 // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 22. - Ст. 3154.
7. Вопросы организации полиции : Указ Президента РФ от 01.03.2011 № 250 // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 10. - Ст. 1336.
8. Об обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов : Указ Президента РФ от 09.02.2011 № 167 // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 7. - Ст. 939.
9. О Порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг) : Постановление Правительства Российской Федерации от 11.11.2005 № 679 // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 47. - Ст. 4933.
10. Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России : Приказ МВД РФ от 30.08.2011 № 975.
11. Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД РФ от 24.12.2008 № 1138.
12. О проведении независимой экспертизы административных регламентов МВД России : Приказ МВД РФ от 20.09.2006 № 742.

Монографии и иные издания

13. Абрамов А.И. Теоретические и практические проблемы реализации функций права. - Самара : ООО «Офорт», 2008. - 318 с.
14. Аверин А.В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей. - Саратов : Изд-во СГАП, 2003. - 308 с.
15. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. - М. : Статут, 1999. - 712 с.
16. Алексеев С.С. Теория права. - Изд-е 2-е, перераб. и доп. - М. : БЕК, 1995. - 320 с.
17. Ансон В. Договорное право. - М. : Юридическая литература, 1984. - 463 с.
18. Асланян Н.П. Основные начала российского частного права. - Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. - 270 с.
19. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). - М. : ООО ИД «Право и государство», 2005. - 544 с.
20. Баранов А.М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам. - Омск : Изд-во Омской академии МВД России, 2006. - 220 с.
21. Баранов П.П. Проблемы теории правосознания и правового воспитания. Избранное. Т. 2. - Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2005. - 460 с.
22. Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (Теоретические проблемы). - М. : ВЮЗШ, 1991. - 127 с.
23. Баранов П.П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава органов внутренних дел. - Ростов-на-Дону : РВШ МВД РФ, 1997. - 166 с.
24. Баранов П.П., Окусов А.П. Аксиология юридической деятельности. - Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2003. - 364 с.
25. Бартлетт Р., Батлер У., Бейкер И. и др. История права: Англия и Россия. - М. : Прогресс, 1990. - 304 с.
26. Бахвалов С.В., Карташов В.Н. Законодательная технология субъектов Российской Федерации. - Ярославль : ЯрГУ, 2010. - 368 с.
27. Баширов Т.А. Российское правосознание: социально-философские аспекты становления и развития. - Уфа : РИО БашГУ, 2007. - 206 с.
28. Берман Г.Д. Западная традиция права: эпоха формирования. - М. : Изд-во МГУ, 1994. - 622 с.
29. Бреднева В.С. Уровни правосознания и юридическая деятельность. - Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. - 163 с.

30. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. - СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского юрид. ин-та, 1999. - 234 с.
31. Вопленко Н.Н. Источники и формы права. - Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. - 99 с.
32. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. - Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. - 50 с.
33. Вопленко Н.Н. Реализация права. - Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. - 48 с.
34. Генон Р. Кризис современного мира. - М. : Эксмо, 2008. - 781 с.
35. Государственное и муниципальное управление / под ред. В.Д. Кривова. - М. : Изд. Центр ЕАРИ, 2009. - 319 с.
36. Гроций Г. О праве войны и мира. - М. : Ладомир, 1994. - 867 с.
37. Грошева А.В. Правосознание и правотворчество. Уголовно-правовой аспект. - Екатеринбург : Изд-во Екатеринбургской ВШ МВД России, 1996. - 77 с.
38. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. - М. : Международные отношения, 1996. - 400 с.
39. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. - Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. - 318 с.
40. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. - М. : Юрлитинформ, 2009. - 448 с.
41. Долинская В.В. Источники гражданского права. - М. : МГИМО(У) МИД России, 2005. - 82 с.
42. Дорохин С.В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. - М. : Волтерс Клувер, 2008. - 123 с.
43. Еллинек Г. Общее учение о государстве. - СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. - 750 с.
44. Ершов В.В. Судебное правоприменение (теоретические и практические проблемы). - М. : МЮ СССР, Правовая академия, 1991. - 97 с.
45. Зыкова С.В., Кулакова Ю.Ю., Лановая Г.М. Юридическая техника. - М. : МосУ МВД России, 2008. - 62 с.
46. Караваев А.Ф., Марьин М.И., Петров В.Е. Основы психопрофилактики профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел. - Омск : Изд-во Омской академии МВД России, 2007. - 168 с.
47. Клименко А.И. Актуальные проблемы осуществления идеологической функции государства и развития правовой идеологии. - Смоленск : Изд-во «Смоленская городская типография», 2009. - 280 с.
48. Кондрашов С.В. Договорная дисциплина. - М. : Юрист, 2010. - 161 с.
49. Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Якушева Е.А. История международного экологического права. - М. : РУДН, 2007. - 246 с.

50. Кузнецов Р.А., Плетников В.С., Шабуров А.С. Деформация профессионального правосознания юристов. - Екатеринбург : Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2008. - 103 с.
51. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Т. 1. - М. : Статут, 2010. - 429 с.
52. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. - М. : Волтерс Клувер, 2009. - 584 с.
53. Лопуха А.Д., Зельцер И.М. Обычное право: вопросы теории и современная практика. - Новосибирск : НГУ, 2002. - 249 с.
54. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т.1. Заключение международных договоров. - М. : Волтер Клуверс, 2004. - 672 с.
55. Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. - М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. - 431 с.
56. Малахов В.П. Философия права. - М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. - 446 с.
57. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Сравнительное правоведение. - М. : Норма, 2008. - 352 с.
58. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. – 800 с.
59. Маняк Н.И. Этические нормы и принципы правосудия. - М. : Миттель Пресс, 2010. - 268 с.
60. Марченко М.Н. Источники права. - М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. - 759 с.
61. Матузов Н.И. Правовая система и личность. - Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. - 294 с.
62. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. - Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1990. - 207 с.
63. Муромцев С.А. Рецепция римского права на западе. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1886. – 159 с.
64. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. - М. : Норма, Инфра-М, 1999. - 552 с.
65. Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. - М. : Юристъ, 1998. - 350 с.
66. Овчинников А.И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. - Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 2003. - 341 с.
67. Осакве К. Сравнительное правоведение: схематический комментарий. - М. : Юристъ, 2008. - 830 с.
68. Палазян А.С. Современное право: функциональный аспект. - М. : МосУ МВД России, 2009. - 383 с.

69. Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. - Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 2004. - 270 с.
70. Петров А.В., Полякова Н.А. Правосознание присяжных заседателей как основание вынесения вердикта. - М. : Юрлитинформ, 2010. - 215 с.
71. Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. - М. : Изд-во ИГиП РАН, 1993. - 56 с.
72. Разуваев Н.В., Чернооков А.Э., Честнов И.Л. Источник права: классическая и постклассическая парадигмы / под общ. ред. И.Л. Честнова. - СПб. : ИВЭСЭП, 2011. - 172 с.
73. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. - М. : Юристь, 1998. - 214 с.
74. Рикер П. Справедливое. - М. : Гнозис, 2005. - 299 с.
75. Розин В.М. Генезис права: методологический и культурологический анализ. - М. : Nota Bene, 2003. - 336 с.
76. Романов А.К. Право и правовая система Великобритании. - М. : Форум, 2010. - 288 с.
77. Романов А.К. Правовая система Англии. - М. : Дело, 2002. - 342 с.
78. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). - М. : Юристь, 2009. - 510 с.
79. Самигуллин В.К. Традиция в правосфере. Теоретико-правовое исследование. - Уфа : Диалог, 2008. - 319 с.
80. Сафронов В.В. Правосознание гражданина. - Красноярск : Сибирский ин-т бизнеса, управления и психологии, 2008. - 198 с.
81. Седов В.И. Дисциплина труда государственных гражданских служащих (ретроспективный анализ и современное правовое регулирование). - Владимир : Изд-во Владимирского пед. ун-та, 2007. - 106 с.
82. Семякин М.Н. Источники российского гражданского права: проблемы теории и практики. - М. : Юрлитинформ, 2010. - 352 с.
83. Слепенкова О.А. Принципы гражданского права. - Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2005. - 94 с.
84. Смазнова О.Ф. Право и время. - Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. - 168 с.
85. Сорокин В.В. Общее учение о государстве и праве переходного периода. - М. : Юрлитинформ, 2010. - 424 с.
86. Таубе М.А. Вечный мир или вечная война? (Мысли о Лиге Наций). - Берлин : Детинец, 1922. - 112 с.
87. Ульянов А.В. Совершенствование воспитательной работы при подготовке кадров органов внутренних дел. - Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2007. - 180 с.
88. Уолкер Р. Английская судебная система. - М. : Юридическая литература, 1980. - 631 с.

89. Фетищев Д.В. Судебная власть в механизме государства: вопросы теории и практики. - М. : Научная книга, 2007. - 285 с.
90. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. - Т. 1. - М. : Междун. отношения, 1998. - 512 с.
91. Честнов И.Л., Разуваев Н.В., Харитонов Л.А. Социальная антропология права современного общества / под ред. И.Л. Честнова. - СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2006. - 248 с.
92. Чухвичев Д.В. Законодательная техника. - М. : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2006. - 239 с.
93. Шагиева Р.В. Концептуальные основы теории правовой деятельности. - М. : Российская правовая академия МЮ РФ, 2005. - 96 с.
94. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Часть теоретическая. Философия права. Т. 1. Вып. IV. - М. : Бр. Башмаковы, 1910. - 839 с.
95. Шумилов В.М. Краткий курс истории международного права. - Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 2006. - 54 с.
96. Шумилов В.М. Правовая система США. - М. : Международные отношения, 2006. - 405 с.
97. Яблочков Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков: Очерки законодательной и судебной практики. Т. 2. - Ярославль : Тип. Губ. правл., 1911. - 612 с.

Научные статьи

98. Анисимов А.П., Мельниченко Р.Г. Судебный прецедент: от теории к практике // Российский судья. - 2009. - № 3. - С. 6-10.
99. Антонов Е.А. К вопросу о понятии «правовая идеология» // Проблемы права. - 2010. - № 4. - С. 80-83.
100. Артемьев А.М. Роль правовой культуры и правосознания в деятельности сотрудников милиции // Закон и право. - 2003. - № 5. - С. 43-46.
101. Ахмедшин Р.Л. Психологические аспекты феномена «правосознание» // Вестник Томского государственного университета. - 2011. - № 344. - С. 118-119.
102. Бабенко А.Н. Правовая социализация и правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел // Современные подходы к подготовке кадров для органов внутренних дел : тезисы восьмой межвузовской научно-методической конференции. - Иркутск : ВСИ МВД РФ, 2003. - С. 4-5.
103. Байниязов Р.С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. - 1998. - № 3. - С. 16-21.
104. Байниязов Р.С. Философия правосознания: постановка проблемы // Правоведение. - 2001. - № 5. - С. 12-23.
105. Барышникова Ю.Р. Принципы гражданского права в системе принципов частного права и их реализация // Вестник Волжского универ-

ситета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 59. - Тольятти : ВУиТ, 2006. - С. 81-95.

106. Бирюков В.Л. К вопросу об экологическом правосознании // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Вып. 2. - СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2000. - С. 130-134.

107. Бурканова О.А. Правосознание иных участников применения норм права органами внутренних дел как фактор, влияющий на его эффективность // Наука и практика. - 2010. - № 2. - С. 24-27.

108. Вавилин Е.В. Основные принципы гражданского права // Вестник Саратовской государственной академии права. - 2003. - № 1. - С. 69-72.

109. Василевич Т.А. Соотношение международно-правового сознания и международно-правовой культуры на современном этапе развития государства // Формирование российской правовой культуры в период становления рыночной экономики. - М. : Изд-во МГЮА, 2004. - С. 101-105.

110. Вершок И.Л. Об экологическом правосознании // Государство и право. - 2003. - № 3. - С. 42-49.

111. Гааг И.А. К вопросу о понятии правосудия // Актуальные проблемы права : сборник трудов научной конференции вузов России, посвященной 30-летию юридического факультета КемГУ. Т. 2. - Кемерово : Издательство Кемеровского ун-та, 2004. - С. 89-93.

112. Гаджиев Г.А. Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права. - М. : Юристь, 2000. - С. 98-106.

113. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. - 1998. № 11-12. - С. 2-8.

114. Грандонян К.А. Духовно-правовые противоречия становления гражданского общества в России // Правовая культура. - 2010. - № 2. - С. 62-69.

115. Долгова Е.А. Право и правосознание: взаимодействие, общность и различия // Труды СГА. - 2009. - № 11. - С. 23-26.

116. Долгова Н.А. Факторы, влияющие на формирование правосознания молодежи современной России // Право и образование. - 2011. - № 2. - С. 130-138.

117. Евстратов А.М., Осипова Е.В. Функции правосознания, их роль // Вопросы права и социологии. - 2002. - Вып. 4. - С. 5-7.

118. Елисеев Р.А. история становления и развития международного уголовного права // Вестник Российского университета дружбы народов. - 2009. - № 3. - С. 89-104.

119. Кананыкина Е.С. Философский анализ английских источников права: законодательство // История государства и права. - 2010. - № 20. - С. 30-36.

120. Караваева Т.А. Факторы, влияющие на формирование правосознания // Подходы к решению проблем законотворчества и правопримене-

ния: сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 17. - Омск : Омская академия МВД России, 2010. - С. 25-32.

121. Карташов В.Н. Принципы права (некоторые аспекты понимания и классификация) // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Вып. 3. - Ярославль : Изд-во Ярославского гос. ун-та, 1999. - С. 3-19.

122. Касумов Т.К. Социология правосудия: вопросы методологии и предвидения // СОТИС – социальные технологии, исследования. - 2008. - № 5. - С. 26-42.

123. Кибак И.А. Соблюдение принципов в законотворческой деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. - 2011. - № 2. - С. 128-133.

124. Ковалев С.А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. - 2009. - № 13. - С. 35-37.

125. Красильникова Ю. Анализ современного состояния правосознания российского общества // Власть. - 2010. - № 7. - С. 119-124.

126. Кузина Е.Н. Судебная практика как источник российского права // Наука и знания : материалы научно-практической конференции Новороссийского филиала Московского гуманитарно-экономического института. - Новороссийск : СТМ Торг, 2006. - С. 113-114.

127. Куничкина Н.С. Теоретико-методологические проблемы определения взаимовлияния государственной идеологии и юридической науки // Проблемы права. - 2009. - № 3. - С. 38-42.

128. Мамитова Н.В. Конституционное правосознание в российском обществе как фактор реализации конституционных идей в России // Конституционное и муниципальное право. - 2005. - № 4. - С. 11-14.

129. Марченко М.Н. Источники романо-германского права: понятие, виды, классификация // Вестник Московского университета. - 2000. - № 2. - С. 14-28.

130. Марченко М.Н. О понятии «общее право» // Правоведение. - 1999. - № 4. - С. 251-263.

131. Мкртумян А.Ю. Понятие судебного прецедента в современной теории права // Российская юстиция. - 2009. - № 11. - С. 11-13.

132. Молчанов С.Н. Культурное право как основа национальной идеи, природной идентичности и международного правосознания // Культура: управление, экономика, право. - 2007. - № 1. - С. 36-37.

133. Музыка О., Фатыхова Е. Юридическая оценка: проблемы и противоречия // Власть. - 2010. - № 4. - С. 129-132.

134. Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции // Избранные труды по римскому и гражданскому праву. - М., 2004. - С. 130-132.

135. Немытина М.В. Интегративная модель российского правосудия // Диалог культур в условиях глобализации : XI Международные Лихачевские научные чтения, 12-13 мая 2011 г. Т. 1. : Доклады. - С. 474-478.

136. Новиков К.А. Об абстрактных и каузальных сделках и обязательствах // Закон. - 2010. - № 11. - С. 81-98.

137. Пискунова С.С. Современное правосознание: понятие, характерные черты и функции // Закон и право. - 2003. - № 8. - С. 28-31.

138. Проклов О.В, Проблемы правовой и мотивационно-ценностной деформации в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Административное и муниципальное право. - 2009. - № 5. - С. 29-32.

139. Рыбаков В.Н. Правовое обеспечение патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы четвертой международно-практической конференции. - Барнаул : Изд-во Барнаульского юрид. ин-та МВД России, 2006. - С. 236-238.

140. Савченко В.В. Нормативный акт как источник права в романо-германской правовой семье: современные идеи и проблемы // Бизнес в законе. - 2010. - № 1. - С. 42-43.

141. Сачков В.Н. Профессиональное правосознание – основа правомерного поведения сотрудников милиции // Российский следователь. - 2007. - № 9. - С. 33-35.

142. Скакун А.И. Правосудие: теоретический анализ, понятие и содержание // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения. Вып. 13. - Омск : Издательство Омской академии МВД России, 2006. - С. 15-22.

143. Смирнов Л.В. Правовые презумпции как прием юридической техники // Правовые и социальные исследования : сборник научных трудов. Вып. 1. - Тула : МосУ МВД России, 2006. - С. 97-105.

144. Смирнов О.М. К вопросу о юридическом значении законодательного закрепления принципов российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы совершенствования законодательства, правоприменения и правовых теорий в России и за рубежом : материалы Международной научно-практической конференции. Т. 1. - Челябинск : Филиал МПГУ в г. Челябинске, БУПИ, 2008. - С. 424-430.

145. Степанова А.Л. Нравственно-профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел и пути ее преодоления // Новое в законодательстве России: проблемы теории и практики применения : сборник научных статей. Вып. 2. - Саратов : Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2005. - С. 130-135.

146. Стецура С.В. Роль уголовно-правового сознания в правомерном поведении несовершеннолетних // Актуальные проблемы юриспруденции.

Сборник статей адъюнктов и соискателей. Вып. 2. - Тюмень : Изд-во Тюменского юрид. ин-та МВД РФ, 2003. - С. 91-93.

147. Султанов И.Р. Роль международных неправительственных организаций в процессе формирования международного правосознания // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения : материалы международной научно-практической конференции. Ч. III : Международно-правовые и уголовно-правовые проблемы. - Уфа, 2011. - С. 62-65.

148. Теслицкий И.В. Практические занятия и формирование правосознания студента-юриста // Общество и право. - 2009. - № 4. - С. 235-237.

149. Честнов И.Л. Универсальны ли права человека: Полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека // Правоведение. - 1999. - № 1. - С. 73-82.

150. Чикшов П.Н. Понятие правосудия и посягательства против интересов правосудия // Современные проблемы государства и права : сборник научных статей. - Архангельск : Издательство Поморского ун-та, 2006. - С. 69-74.

Диссертации и авторефераты

151. Асликян С.Э. Уголовно-правовое обеспечение реализации конституционных принципов осуществления правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. - 210 с.

152. Бегиашвили Ф.Н. Формирование национальной системы Англии в нормандский период (1066-1166) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Ставрополь, 2000. - 23 с.

153. Болтаева О.С. Формирование профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел в условиях становления информационного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2011. - 26 с.

154. Бондарев А.А. Профессиональное правосознание государственных и муниципальных служащих : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2000. - 251 с.

155. Бондаренко М.В. Правовая культура и правомерное поведение в современном российском обществе : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2002. - 159 с.

156. Бондаренко Н.В. Обеспечение конституционной законности в деятельности государственных служащих : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2001. - 168 с.

157. Борсова Ж.П. Законотворчество в современном федеративном государстве (проблемы теории на опыте Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. - 28 с.

158. Бурканова О.А. Правосознание в правоприменительной деятельности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2007. - 22 с.
159. Бычкова Е.В. Правовая культура в англосаксонской правовой семье (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. - Коломна, 2003. - 222 с.
160. Власова Т.В. Прецедентное право Англии: теоретико-сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2002. - 22 с.
161. Власова Ю.Б. Взаимодействие права и идеологии в современных условиях (на материалах Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2005. - 22 с.
162. Глиос Г.Н. Социально-философский анализ правосознания переходного периода в постсоветской России : автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Барнаул, 2007. - 18 с.
163. Громыко С.С. Обеспечение законности и дисциплины в деятельности органов исполнительной власти (административно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2003. - 242 с.
164. Гуренко Д.В. Социокультурные особенности профессионального правосознания в России : дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2007. - 193 с.
165. Джоусе-Иванина М. Нормативно-правовой акт в системе источников российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2010. - 24 с.
166. Дубинина Е.Н. Юридизация отношений в современном обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2010. - 27 с.
167. Капустина И.Ю. Административно-правовые средства обеспечения законности и дисциплины в органах внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2000. - 27 с.
168. Кваша А.А. Правовые установки граждан : дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2002. - 160 с.
169. Кирилин А.В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2005. - 23 с.
170. Климанский Д.В. Система факторов интеграции и дезинтеграции правосознания сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2010. - 174 с.
171. Клишина А.В. Профессиональное правосознание адвокатов (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. - 28 с.
172. Коробейников А.А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. - Ставрополь, 2003. - 163 с.

173. Коробка В.Н. Деформация профессионального правосознания следователей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 1999. - 162 с.

174. Кузнецов Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов : дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2005. - 194 с.

175. Левченко А.А. Мотивация правового поведения сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2002. - 188 с.

176. Леонов И.Н. Политологический анализ реформы судебной системы РФ : дис. ... канд. полит. наук. - Ростов-на-Дону, 2010. - 135 с.

177. Магденко А.Д. Правосознание сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в контексте международных стандартов правоохранительной деятельности: теоретический и практический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2004. - 169 с.

178. Макаров И.А. Законность в деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Воронеж, 2009. - 26 с.

179. Малова О.В. Правовой обычай как источник права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2002. - 24 с.

180. Меняйло Д.В. Правовой менталитет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2003. - 23 с.

181. Мещерякова Т.Ф. Правовая культура следственной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. - Ижевск, 1995. - 169 с.

182. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права: теоретические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Казань, 2000. - 18 с.

183. Морозов В.А. Принципы западноевропейской правовой культуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 26 с.

184. Муромцев Г.И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки (теоретико-правовые проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - 31 с.

185. Надыгина Е.В. Теоретико-правовой анализ влияния информационных технологий на правосознание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2007. - 28 с.

186. Никитяева В.В. Конституционное правосознание: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. - Воронеж, 2002. - 209 с.

187. Петров А.И. Законотворчество как особый вид деятельности представительного органа государственной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2007. - 27 с.

188. Пшидаток В.Е. Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в со-

временной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2007. - 30 с.

189. Рябцев Р.А. Современная правовая реформа в России и правосознание: теоретико-правовые проблемы изменения правосознания граждан : дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2005. - 173 с.

190. Сауляк О.П. Законность в правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2001. - 179 с.

191. Сеидов А.В. Воздействие глобализации на концепцию государственного суверенитета в международном праве : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2004. - 170 с.

192. Сергеев Д.Н. Конституционное правосудие в России: политико-правовое исследование : дис. ... канд. полит. наук. - М., 2005. - 150 с.

193. Сигалов М.К. Общее и особенное в западноевропейской и мусульманской правовой культуре : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - 24 с.

194. Спирин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. - Самара, 2000. - 271 с.

195. Талянина И.А. Источники современного российского права: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2004. - 20 с.

196. Шашин П.А. Правовая культура в правовой системе общества : дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2006. - 191 с.

197. Шерменев М.А. Деформации профессионального правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы (общеправовой анализа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Владимир, 2006. - 27 с.

198. Шиянов В.А. Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. - 26 с.

Интернет-ресурсы

199. Булаков О. Актуальные вопросы законотворчества и законодательной техники [Электронный ресурс] // Право и жизнь. - 2003. - № 11. URL: <http://www.law-n-life.ru/arch/n63.aspx>.

200. Романова Н.А. Понятие «убытки» в англосаксонском и российском договорном праве: сравнительный аспект [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. - 2009. - № 4 (48). - С. 10. URL: <http://ej.kubagro.ru/2009/04/pdf/02.pdf>.

201. Хаконова И.Б. Роль правосознания в правовой жизни общества [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. - 2007. - № 2. URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2007.2/491/khakonova_2007_2.pdf.

202. Харитонова Н.Н. Мир человека – мир ценностей [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. - 2008. - № 9. URL: http://fr.rae.ru/pdf/2008/09/2008_09_48.pdf.

Монография

Авторский коллектив:

кандидат юридических наук
Бондарев Александр Александрович

кандидат юридических наук
Клевцов Сергей Владимирович

кандидат юридических наук
Быков Алексей Николаевич

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Свидетельство о государственной аккредитации

Рег. № 1300 от 23.12.2011 г.

Подписано в печать _____ Формат 60x90¹/₁₆.

Усл. печ. л. _____. Тираж _____ Заказ № _____.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Орел, Игнатова, 2.